

Гуманитарий

научный журнал

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Том
Vol. 26 № 1 / 2026

Russian Journal of the
HUMANITIES

Scholarly journal

Сквозной номер выпуска – 73

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68;

ООО «ИнСтИтут»
430008, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Номер подготовлен при финансовой поддержке
ООО «ШВАБЕ-СЕВЕРО-ЗАПАД»

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU
и проект РИНЦ (сублицензионный договор
№ 143-07/2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory
американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68

Историко-социологический институт

Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jg.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 73

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Ogarev Mordovia State University»
68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute»
19, Bakhtin St., 430008, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The issue was prepared
with financial support of Shvabe-North-West LLC

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicen-
sion contract № 143-07/2010 19.07.2010)

Ulrich's Periodical directory database
of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute

Telephone: +7 (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jg.isi.mrsu.ru/>

*Журнал
«Гуманитарий: актуальные проблемы
гуманитарной науки и образования»
включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

*Обложка:
Тимофеев Василий Тимофеевич (1835–1914)
Портрет М. А. Беляевой*

Компьютерная верстка
и художественное оформление *Г. Н. Давыдовой*
Редактор *Е. В. Савойская*
Перевод *А. А. Сомкина*

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 24.03.2026.
Дата выхода в свет 31.03.2026.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 8,13
Тираж 300 экз.
Заказ № 5011/1
Цена свободная

Адрес типографии:
Типография «Фабрика печати»
603057, г. Нижний Новгород,
ул. Шорина, 13/13 п1

*The journal
«Russian Journal of the Humanities»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (Registration number PI No. FS77-48743 dated February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «Russian Journal of the Humanities» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

*The cover:
Vasily T. Timofeev (1835–1914)
Portrait of M. A. Belyaeva*

Desktop publishing
and graphic design by *G. N. Davydova*
Editor *E. V. Savojskaja*
Translation *A. A. Somkin*

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 24.03.2026.
Date of publishing 31.03.2026.
Sheet size 70 × 100 1/16
Conventional printed sheets 8,13
Number of copies 300
Order No. 5011/1
Free price

Address of the Printing House:
Printing house «Printing Factory»
603057, Nizhny Novgorod,
Shorina str., 13/13 p1, Russia

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Наушкин Виталий Вячеславович – *главный редактор*, академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Москва, Россия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Саранск, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, shaira60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель, Центр иранистики и персидского языка, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Екатеринбург, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – доктор исторических наук, профессор, Цзилиньский университет, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, adiconilau@mail.ru (Алматы, Казахстан)

Зеленки Анжела Васильевна – доктор философии, конференциар-университар, Академия публичного управления, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Кишинев, Молдова)

Кондрашин Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, vikont37@yandex.ru (Москва, Россия)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Курмангалиева Галия Курмангалиевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Центра исследований России при Хэйлунцзянском университете, weiyunma@163.com (Харбин, Китайская Народная Республика)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – академик РАН, президент, Российский государственный гуманитарный университет, rggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Поруби Рой – доктор филологии, профессор, член Индийского совета по историческим исследованиям (the Indian Council of Historical Research, сокращ. – ICHR), nbmcts.roy@gmail.com (Нью-Дели, Индия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Чулуун Сампилдондов – доктор исторических наук, профессор, директор, Институт истории и археологии АН Монголии, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, Samchuluun@gmail.com (Улан-Батор, Монголия)

Ушаков Дмитрий Викторович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, dv.usakov@gmail.com (Москва, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru (Саратов, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент, Нижегородский государственный педагогический университет, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsyentev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Chief Scientific Officer, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Vitaly V. Naumkin – Academician, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Research Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Moscow, Russia)

Aleksandr A. Somkin – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Vladimir P. Andronov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Victor M. Arsyentev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Shaiyrkul D. Batyrbaeva – Doctor of History, Professor, Balasagyn Kyrgyzstan National University, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Eugenie P. Belozertsev – Doctor of Pedagogics, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Honored Scientist of the Russian Federation, belozercev_e@mail.ru (Voronezh, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Gulnara N. Valiakhmetova – Doctor of History, Professor, Head of Center for Iranian and Persian language, Ural Humanitarian Institute of Ural Federal University named after the First President of Russia Boris N. Yeltsin, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Zhang Guansyan – Doctor of History, Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, People's Republic of China)

Aleksandr M. Dorozhkin – Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Saule A. Jakisheva – Doctor of History, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, adiconilau@mail.ru (Almaty, Kazakhstan)

Angela V. Zeleinschi – Doctor of Philosophy, University Lecturer, Public Administration Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Kishinev, Moldova)

Viktor V. Kondrashin – Doctor of History, Professor, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, vikont37@yandex.ru (Moscow, Russia)

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Saransk, Russia)

Galia K. Kurmangaliyeva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Ma Weiyun – Doctor of History, Professor, Deputy Chairman, Academic Council of the Center for Russian Studies at Heilunzyang University, weiyunma@163.com (Harbin, People's Republic of China)

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychology, Professor, Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Eugenie V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Anatoliy V. Mudrik – Correspondent Member, Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Ephim I. Pivovarov – Academician, Russian Academy of Sciences, President, Russian State Humanitarian University, rrgu@rggu.ru (Moscow, Russia)

Porubi Roy – Doctor of Philology, Professor, Member of the Indian Council for Historical Research, nbmcts.roy@gmail.com (New Delhi, India)

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Chuluun Sampildondov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Mongolia, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Samchuluun@gmail.com (Ulan-Bator, Mongolia)

Dmitriy V. Ushakov – Academician, Russian Academy of Sciences, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, dv.usakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Rail' M. Shamionov – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Dean of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov State University, shamionov@mail.ru (Saratov, Russia)

Lev E. Shaposhnikov – Doctor of Philosophy, Professor, President, Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Д. К. Стожко, К. П. Стожко

**В. Н. ТАТИЩЕВ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ
(К 340-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)** 9

Н. М. Арсентьев, А. В. Слудных, Е. А. Аверьянова

**СТЕНОГРАММА КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ:
ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СОТРУДНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПЕРЕМЕН В НАУЧНОЙ
ПОЛИТИКЕ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 1930–1940-х гг.** 21

Д. А. Ивочкин, Ф. Д. Крохин

**СМОЛЕНСКОЕ ОДИГИТРИЕВСКОЕ БРАТСТВО:
РЕЛИГИОЗНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ** 39

ФИЛОСОФИЯ

Л. А. Грицай

**«СТАЛИН ДУМАЕТ О НАС»: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ
КУЛЬТУРЫ ПРАЗДНОВАНИЯ НОВОГО ГОДА В СССР В 1930–1950-е гг.** 52

А. И. Белкин, Ж. В. Чашина, Е. А. Хансуварова

**ПРАВОСЛАВИЕ В ОСМЫСЛЕНИИ И РЕШЕНИИ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ** 65

А. А. Сомкин, А. В. Арапов

**ПРОБЛЕМА МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦИФРОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ОБЩЕСТВА БУДУЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО)** 75

ПСИХОЛОГИЯ

С. И. Баляев, Ж. Г. Гаранина, С. Н. Никишов, И. С. Никишова

**ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
РАЗНОВОЗРАСТНЫХ СТУДЕНТОВ ВУЗА** 84

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 99

CONTENT

HISTORY

Dmitrii K. Stozhko, Konstantin P. Stozhko

**V. N. TATISHCHEV AND THE NATIONAL ECONOMY OF RUSSIA
(ON THE 340th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)** 9

Nikolay M. Arsentiev, Anatoly V. Sludnykh, Ekaterina A. Averyanova

**THE TRANSCRIPT AS A MIRROR OF THE ERA: REFLECTION IN THE PUBLIC
CONSCIOUSNESS OF THE STAFF OF THE STATE OPTICAL INSTITUTE
OF CHANGES IN SCIENTIFIC POLICY AND INDUSTRIAL ACTIVITIES
OF THE 1930s–1940s** 21

Demyan A. Ivochkin, Philip D. Krokhin

**SMOLENSK HODEGETRIA BROTHERHOOD: RELIGIOUS AND EDUCATIONAL
ASPECTS OF ACTIVITY IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER** 39

PHILOSOPHY

Lyudmila A. Gritsai

**“STALIN THINKS OF US”: THE PHILOSOPHICAL AND POLITICAL
SUBTEXT OF NEW YEAR CELEBRATIONS IN THE USSR, 1930s–1950s** 52

Aleksey I. Belkin, Zhanna V. Chashina, Yevgeniya A. Khansuvarova

**ORTHODOXY IN UNDERSTANDING AND SOLVING
THE GLOBAL PROBLEMS OF OUR TIME** 65

Alexander A. Somkin, Aleksey V. Arapov

**THE PROBLEM OF INTERPERSONAL INTERACTION
IN THE DIGITAL SPACE OF FUTURE SOCIETY
(BASED ON THE WORKS BY SERGEI LUKYANENKO)** 75

PSYCHOLOGY

Sergey I. Balyaev, Zhanna G. Garanina, Sergey N. Nikishov, Irina S. Nikishova

**AN EMPIRICAL ASSESSMENT OF THE LEVEL OF ETHNIC
TOLERANCE AMONG UNIVERSITY STUDENTS OF DIFFERENT AGES** 84

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 100

Д. К. Стожко¹, К. П. Стожко²

*¹ Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: d.k.stozhko@mail.ru*

*² Уральский государственный аграрный университет
(Екатеринбург, Россия), e-mail: kostskp@mail.ru*

В. Н. Татищев и народное хозяйство России (к 340-летию со дня рождения)

Аннотация

Введение. Целью исследования является системный анализ и оценка научного вклада Василия Никитича Татищева в формирование представлений о народном хозяйстве России, его значении в истории российской науки и их актуальности в современных условиях.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование) и специальные (историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективный и системный) методы. Объект исследования – научные труды В. Н. Татищева. Предмет исследования – представления ученого о народном хозяйстве России и их значение для развития российской гуманитарной науки.

Результаты исследования. В исследовании проанализирован теоретический вклад В. Н. Татищева в формирование научных представлений о народном хозяйстве России, его взгляды по вопросам развития и управления крупным заводским и мануфактурным производством, организации денежного обращения, роли торговли в формировании национального богатства, решению крестьянского вопроса. Раскрыт практико-ориентированный характер многих идей ученого, направленных на совершенствование политики государства, его хозяйственной законодательной и нормативно-правовой базы.

Обсуждения и дискуссии. С учетом имеющихся в российской историографии оценочных суждений о характере и значении идей В. Н. Татищева раскрыто содержание конкретных дискуссионных вопросов в анализе его научного наследия, таких как отношение к крепостному праву, соотношение консерватизма и либерализма в его взглядах, особенностей трактовки конкретных вопросов организации торговли и денежного хозяйства и др.

Ключевые слова: география, инвентаризация (ревизия), история, купечество, меркантилизм, промышленность, протекционизм, торговля, управление, экономика.

Для цитирования: *Стожко Д. К., Стожко К. П.* В. Н. Татищев и народное хозяйство России (к 340-летию со дня рождения) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 9–20. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.009-020.

© Стожко Д. К., Стожко К. П., 2026

Dmitrii K. Stozhko¹, Konstantin P. Stozhko²

¹ *Ural State University of Economics
(Ekaterinburg, Russia), e-mail: d.k.stozhko@mail.ru*

² *Ural State Agrarian University
(Ekaterinburg, Russia), e-mail: kostskp@mail.ru*

V. N. Tatishchev and the National Economy of Russia (on the 340th Anniversary of His birth)

Abstract

Introduction. The purpose of this study is to systematically analyze and evaluate V. N. Tatishchev's scientific contribution to the development of concepts regarding the Russian national economy, its significance in the history of Russian science, and its relevance in contemporary conditions.

Materials and Methods. The methodological basis of the study consists of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, abstraction) and specialized methods (historical-genetic, historical-comparative, retrospective, and systemic). The object of the study is the scientific works of V. N. Tatishchev. The subject of the study is the scholar's ideas about the Russian national economy and their significance for the development of Russian humanities.

Results. The study analyzes the theoretical contribution of V. N. Tatishchev to the formation of scientific concepts about the national economy of Russia, his views on the development and management of large-scale (factory and manufacturing) production, the organization of money circulation, the role of trade in the formation of national wealth, and the solution of the "peasant question". The practice-oriented nature of many of the scientist's ideas aimed at improving state policy, its economic legislative and regulatory framework is revealed.

Discussions and Conclusion. Taking into account the evaluative judgments existing in Russian historiography about the nature and significance of V. N. Tatishchev's ideas, the article explores specific controversial issues in its analysis of his scholarly legacy, such as his attitude toward serfdom, the balance between conservatism and liberalism in his views, the specific interpretations of specific issues in the organization of trade and monetary management, and others.

Keywords: geography, inventory (revision), history, merchants, mercantilism, industry, protectionism, trade, management, economics.

For citation: *Stozhko D. K., Stozhko K. P. V. N. Tatishchev and the National Economy of Russia (on the 340th Anniversary of His Birth). Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 9–20. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.009-020.*

Введение

В 2026 г. исполняется 340 лет со дня рождения выдающегося российского ученого, историка, географа и экономиста Василия Никитича Татищева. Его взгляды, конкретные оценки и выводы были новаторскими для своего времени, способствовали формированию и развитию отечественной науки, целостному представлению о народном хозяйстве России, непосредственно затрагивали социальные, политические и экономические аспекты жизни российского общества. При этом они до сих пор сравнительно слабо изучены. Это касается в

первую очередь социально-экономических воззрений В. Н. Татищева и его теоретического вклада в науку о народном хозяйстве. Целью исследования является системный анализ и оценка взглядов В. Н. Татищева, их значения в истории российской науки и актуальности в современных условиях.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование) и специальные (историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективный и системный) методы.

Объект исследования – научные труды В. Н. Татищева и имеющиеся научные публикации о его социально-экономических воззрениях. Предмет исследования – взгляды ученого, его представления о народном хозяйстве России и их значение для развития российской гуманитарной науки.

Результаты исследования

Василий Никитич Татищев (1686–1750) – выдающаяся фигура в российской истории, в том числе в истории науки. Несмотря на довольно обширный перечень научных публикаций о В. Н. Татищеве, работ, в которых предметно анализировались бы его представления о народном хозяйстве России, относительно немного. Вместе с тем именно В. Н. Татищев был одним из первых российских мыслителей, который сформировал комплексное представление об экономике как теории и практике организации народного хозяйства. Причиной этому послужила модернизация российской экономики или, как иногда выражаются историки, петровская индустриализация.

Если рассматривать В. Н. Татищева как мыслителя, то можно отметить, что он в «своих экономических записках выступает отнюдь не как слепой подражатель экономической политики петровского времени, а как практик и теоретик, который критически переработал и обобщил богатый экономический опыт реформаторской эпохи Петра I» [2, с. 89].

В дореволюционное время было опубликовано несколько биографических работ о В. Н. Татищеве, в которых рассматривалась его государственная служба и проводившиеся им преобразования [10; 18; 25]. Аналогичные публикации появились и в советское время [5; 7; 9; 11–13; 19; 26]. Наряду с ними, стали выходить в свет и специальные работы, посвященные анализу социально-экономических взглядов В. Н. Татищева [1; 2; 4; 27]. Интерес к экономическим идеям В. Н. Татищева проявляли и зарубежные

авторы [28–30]. В XXI в. социально-экономические взгляды В. Н. Татищева продолжают привлекать внимание исследователей [15; 20; 24].

В науке В. Н. Татищев известен как ученый-энциклопедист [3, с. 45], географ, экономист и историк. Его научный вклад трудно переоценить. К работе по географическому и экономическому описанию России и составлению русской истории В. Н. Татищев приступил в 1719 г. [21, с. 52–53]. Среди его трудов можно отметить «Общее географическое описание всея Сибири» (1736), «Предложения о сочинении истории и географии Российской» (1737), «Доншение в Правительственный Сенат по вопросам картографических работ» (1739) и др. Именно В. Н. Татищев, как автор «Истории Российской» (1686–1750), стал «отцом русской исторической науки».

Появление таких наук, как география, история и экономика, позволили сформировать представление о народном хозяйстве как исторически развивающемся комплексе разных сфер и отраслей хозяйственной деятельности, а также решить многие теоретические и практические проблемы. Без этих наук нельзя было осуществить, например, такую важную народно-хозяйственную проблему России того времени, как проведение полной инвентаризации (переписи и учета) производительных сил страны. Власти плохо себе представляли даже размеры сельскохозяйственных земель, которыми они располагали, не говоря уже о богатствах земных недр и ресурсах фауны и флоры. Порядок и правила проведения инвентаризации (ревизии), разработанные В. Н. Татищевым, отражены в ряде его работ, в том числе в специальной работе «Рассуждение о ревизии поголовной и трудностях ревизии поголовной мое мнение представляю» [23, с. 372–391].

В. Н. Татищев был знаком с идеями европейских меркантилистов, но не был с

ними согласен во всех вопросах. Об этом также свидетельствуют его многочисленные письма, записки и такие сочинения, как «О податях», «Представление о купечестве и ремеслах» [22; 23]. Среди других его экономических работ стоит отметить «Рассуждение о проекте тарифа для Астраханского порта», «Доношение императору Петру II о монетном деле», «Рассуждение о товарах, привозных и отвозимых в Астраханском порту», «Краткие экономические до деревни следующие записки» и др.

В. Н. Татищев полагал, что главным источником богатства являются промышленное производство, ремесленничество (рукоделие) и торговля (прежде всего внешняя), а самой важной формой хозяйственной деятельности – купечество [23, с. 392]. Поэтому он выступал за развитие экспорта российских товаров за рубеж, увеличение доли готовых промышленных товаров и сокращение доли сырья в структуре экспортируемой продукции. Одновременно высказывался за сокращение ввоза в страну предметов роскоши и активный торговый баланс в торговле России с другими странами. А это – уже протекционизм, политика поощрения экспорта своих товаров и ограничения импорта чужих. В. Н. Татищев, в отличие от европейских меркантилистов, беспокоился об отечественном купечестве и полагал, что государству надлежит беспокоиться о своих предпринимателях. Он отмечал: «Ныне в Руси надмерно много является банкротств из купечества, чего прежде не бывало» [23, с. 398]. Причину таких разорений автор видел в сложившейся практике откупов и подрядов. В. Н. Татищев предлагал изменить «Банкротский устав», а в более широком плане предлагал усовершенствовать и уставы проведения ярмарок, организации мануфактур и т. д. [23, с. 396].

В своих рассуждениях о роли торговли В. Н. Татищев отнюдь не следовал слепо аргументам западноевропейских ученых.

Он анализировал собственный российский опыт ведения торговли на протяжении многих веков и большие перспективы видел в торговле России прежде всего с азиатскими странами (Китай, Персия, Турция, Узбекистан), для которых русские промышленные товары были более доступны и привлекательны по цене [23, с. 396]. Разработанный В. Н. Татищевым проект «Торгового тарифа» (1744) был направлен им в Коммерц-коллегию. Предложенный тариф имел четко выраженную протекционистскую направленность. Предложенные автором тарифа меры предусматривали ограничение экспорта не только сырья, но и продовольственных товаров (особенно в неурожайные годы), поощрение экспорта промышленной продукции. Тем самым фактически устанавливались приоритеты во внешней торговле и определенные квоты и лимиты на экспорт и импорт продукции. Сегодня трудно представить себе внешнюю торговлю без таких квот и лимитов.

По мнению В. Н. Татищева, следовало также поощрять ввоз в страну драгоценных металлов, освободить их ввоз от таможенных пошлин. И наоборот, установить защитительные (высокие) пошлины на вывоз драгметаллов в любой их форме за пределы государства. Такая мера, по мнению автора тарифа, сделала бы бессмысленным экспорт драгоценных металлов и способствовала бы их аккумуляции внутри страны. При этом В. Н. Татищев вовсе не стремился к административному запрету экспорта металлов. Он предлагал вывозить лишь такие изделия из драгоценных металлов, в цене которых стоимость обработки составляла бы не меньше половины от общей их цены, полагая, что «таковые пропускать не вредно».

В. Н. Татищев предлагал облагать отечественные промышленные товары, идущие на экспорт, легкой пошлиной, а промышленную продукцию, имеющуюся в избыт-

ке, – «посредственной» пошлиной. По существу, здесь уже в первоначальной форме была сформулирована теория тарифов и представлена их развернутая морфология. Сегодня многие страны в своей внешней торговле активно используют дифференцированные тарифы таможенных пошлин и применяют как заградительные (высокие), так и стимулирующие (низкие) и нейтральные тарифы.

В. Н. Татищев предлагал также усовершенствовать Новоторговый устав 1667 г., разработанный еще А. Л. Ордин-Нащокиным, и запретить иностранным купцам свободную розничную торговлю в русских городах. Это было связано с засильем «иностранины» в торговых рядах. Нечто аналогичное мы наблюдаем и в современных условиях. В этом плане исторический опыт урегулирования данной проблемы представляется поучительным и полезным.

При этом ученый не отождествлял капитал исключительно с его денежной формой, как это делали европейские меркантилисты. Не найти в сочинениях В. Н. Татищева и отождествления богатства с золотом, поскольку он придавал огромное значение развитию земледелия, ремесел, промышленности. Называя производство «рукоделием», он полагал, что «всякой области богатство, сила и честь происходят единственно от прилежности народа рукоделиям и доброго состояния купечества» [23, с. 392]. Реальное (физическое), а не номинальное (денежное) понимание богатства выгодно отличает взгляды В. Н. Татищева от западноевропейских меркантилистов.

В. Н. Татищев отрицательно относился к бумажно-денежному обращению и попыткам его распространения в России. Зная печальный опыт Франции, где в 1716–1720 гг. аферистом Джоном Ло была впервые проведена крупномасштабная эмиссия бумажных денег, закончившаяся крахом, В. Н. Татищев, в силу своего понимания богатства

как совокупности реальных материальных ценностей, считал бумажные деньги инструментами для движения этого богатства и его обслуживания, но не более того. Он прекрасно видел те риски, которые такое обращение может нести для развития торговли. Для урегулирования различных злоупотреблений он предлагал издать также особый Вексельный устав, который бы четко регламентировал вексельное обращение в стране. Отмечая, что в стране стало появляться много подложных векселей и «никакого учреждения в них нет», автор считал это причиной того, что «купцы невинно в розыски и разорения приходят» [23, с. 398].

Представляют определенный интерес и представления В. Н. Татищева о роли банков в народном хозяйстве России. Рассуждая о том, что у купца (предпринимателя) не может быть постоянно свободных средств и вопрос о них встает крайне остро, В. Н. Татищев, по сути, первым в истории отечественной экономической мысли поставил данный вопрос в ранг научной проблемы. Поиск источников инвестирования он считал одной из ключевых практических задач, стоящих перед народным хозяйством.

В. Н. Татищев не ограничивался торговой и «денежной» проблематикой. Особое внимание он уделял развитию отечественной промышленности. В центре его исследований было развитие горнозаводской промышленности Урала. В качестве главного начальника Уральских казенных горных заводов (1720–1722; 1734–1739) он ставил задачу не просто удовлетворить внутренние потребности российского рынка в промышленной продукции, но и довести ее производство до такого уровня, когда можно было бы вывозить ее за рубеж. Особенно большую роль он придавал развитию металлургических предприятий, поскольку в металлургической продукции остро нуждались не только военные, но и гражданские отрасли российской экономики. Именно

поэтому В. Н. Татищев требовал механизации металлургических предприятий, внедрения на мануфактурах и заводах новых машин и передовых технологий. Изучив опыт шведских мануфактур, он в 1726 г. писал из Стокгольма Екатерине I о том, что благодаря использованию различных машин продукция шведских предприятий «не хуже нашего», а по цене «не дороже нашего», хотя и производится «из шведских руд, некоторые хуже гораздо наших» [22, с. 130]. Иными словами, снижение себестоимости продукции на шведских предприятиях достигалось благодаря применению новых машин и более высокой механизации труда. Отсюда В. Н. Татищев делал вывод: «При протчих заводах везде различные машины подают великую в работах помощь и нам потребно оные у себя имати» [22, с. 131].

Взгляды В. Н. Татищева по вопросам размещения производительных сил, организации рудодобывающих и обрабатывающих предприятий, развитию черной и цветной металлургии получили свое отражение в разработанных им трех важных хозяйственных проектах: Горном уставе, Заводском уставе, «Наказе шихтмейстеру». Выступая за активное государственное участие в экономике, В. Н. Татищев одновременно высказывался и за развитие «вольности купеческой», за «охранение их от отягощения». Он предлагал освободить предпринимателей от военных постоев, оградить их от произвола местных властей и помогать им «на казенный кошт», т. е. предоставлять им необходимую материальную и финансовую помощь.

Особое место в работах В. Н. Татищева занимал аграрный вопрос, имевший колоссальное значение для развития земледелия, животноводства и в целом для подъема производительных сил России. О своих представлениях по вопросам организации российского сельского хозяйства В. Н. Татищев высказался в сочинении «Краткие экономи-

ческие до деревни следующие записки» [23, с. 402–415], состоящем из 22 маленьких глав, в которых рассматриваются конкретные виды сельскохозяйственных работ (пахота, сенокос, посевная, молотья и т. д.), поднимаются вопросы их рациональной организации и эффективности. Автор «Записок» подробно перечисляет и детально анализирует состояние отраслей сельского хозяйства страны: зерноводство, садоводство, пчеловодство (бортничество), рыбное хозяйство и т. д. В «Записках» предлагаются авторские советы в области организации искусственного орошения полей (развитие системы каналов и прудов). Важно подчеркнуть, что свои рекомендации и суждения автор также связывает с нуждами промышленного развития государства.

В. Н. Татищев отрицательно относился к нерадивому, нерациональному управлению землей, понимая, что даже при огромных российских просторах не так много угодий, пригодных для активной сельскохозяйственной деятельности, а природные и погодные условия требуют еще более тщательного и рачительного отношения к земле [23, с. 402]. При рассредоточенном (распыленном) характере земель В. Н. Татищев предлагает использовать оброчную систему, причем высказывается не за натуральную, а за денежную форму оброка. Рассуждая по поводу того, что у крестьян нет денег, автор рекомендует им производить на своих наделах «потребную», т. е. нужную горожанам продукцию, которая будет пользоваться спросом и обеспечит товаропроизводителю доход. В. Н. Татищев считал, что для успешного перехода на систему денежного оброка необходимо обеспечить минимальный размер крестьянских наделов из расчета 3 дес. на одного работника.

Следует отметить внимание автора не только к помещичьему хозяйству, но и к организации крестьянских хозяйств. Считая выгодной высокую норму крестьянско-

го землепользования, он также предлагал помещикам обеспечить своих крестьян тягловым скотом и необходимым инвентарем. Считая, что для подъема и развития товарных крестьянских хозяйств необходима и определенная профессиональная подготовка крестьян, В. Н. Татищев советовал всех крестьянских детей в возрасте от 5 до 10 лет обучать грамоте и разным ремеслам. Он также предлагал помещикам в деревнях создавать «запасные магазейны», торговать сельскохозяйственным инвентарем и всем необходимым для ведения крестьянского хозяйства.

Конечно, В. Н. Татищев был в полном смысле человеком своего времени. Он, в отличие от редких мыслителей той эпохи, не критиковал крепостное право, но видел в нем многие отрицательные черты, в том числе отсутствие мотивации к производительному труду. При этом он предлагал передавать нерадивых крестьян, чье хозяйство не давало землевладельцу дохода, другому, более работающему крестьянину в батраки без оплаты. Кроме того, В. Н. Татищев предлагал предоставить помещикам право первоочередной покупки у своих крестьян необходимых продуктов по «вольной» (а фактически – по устанавливаемой самим помещиком) цене. Такие новации не способствовали развитию товарно-денежных отношений в деревне, сторонником чего и был В. Н. Татищев.

Во взглядах В. Н. Татищева была и другая сторона. Так, выступая за укрепление государственного хозяйства и активное вмешательство государства в социально-экономическое развитие страны, он, в отличие, например, от И. Т. Посошкова, высказывался против передачи казенных (государственных) земель на откуп, против раздачи кормлений и против передачи казенных мануфактур в частные руки. Он также высказывался против существовавшей подрядной системы поставки провианта и фуража для

армии и флота. Фактически в такой форме В. Н. Татищев выражал свое отношение против монопольного положения крупных помещиков и купечества в пользу малого и среднего предпринимательства. Трудно не обратить внимания на то обстоятельство, что В. Н. Татищев был защитником интересов всего купечества и предпринимателей в их конкурентной борьбе с нарождавшимся в России крупным торговым и промышленным капиталом.

Высказывался В. Н. Татищев и за укрепление государственной дисциплины и государственной монополии в хозяйственной сфере (выпуск денег, регулирование производства оружия, алкогольной и табачной продукции и т. д.). Несмотря на определенные противоречия, большинство идей В. Н. Татищева во многом были прогрессивными для своего времени, соответствовали национальным интересам страны и оказались востребованными.

Обсуждения и дискуссии

Оценка представлений В. Н. Татищева о народном хозяйстве России в современной науке далеко не однозначна. Это относится в первую очередь к вопросу о том, был ли В. Н. Татищев сторонником или противником крепостного права. Прежнее мнение, согласно которому В. Н. Татищев «защищал крепостное право» и для этого даже использовал в своем сочинении «Разговор о пользе наук и училищ» (1733) известную теорию «общественного договора», представляется идеологизированным [8, с. 387]. На самом деле идея договора в данном сочинении В. Н. Татищева связана с тем, что «человек всякий на все не есть способен... но требует от других помощи и милости, так нужно ему взаимно за требуемое от другого благоденствие и милость показать» [23, с. 121].

Иными словами, в обществе существует определенное разделение труда и человеческих способностей, что предполагает об-

мен. Этот закон – закон обмена результатами своей деятельности – сформулировал еще Аристотель. В. Н. Татищев отмечал, что в силу необходимости такого обмена является феномен договорных отношений. Но одно дело, когда участники договора оказывают друг другу необходимые услуги, и совершенно другое дело, когда происходит насильственное лишение воли (свободы) человека: «из сего договора происходит неволя холопа или слуги» [23, с. 122]. Как известно, еще в царствование Петра III был опубликован Манифест «О даровании вольности и свободы российскому дворянству» (1762), которым оно освобождалось от обязанности нести воинскую службу на пользу государству и обществу. В. Н. Татищев это прекрасно знал, поэтому ни о каком «общественном договоре» как об основании для сохранения крепостного права он не рассуждал.

Представляется не соответствующим действительности мнение о том, что В. Н. Татищев «один из первых в России выступил за отмену крепостного права» [16, с. 80]. В. Н. Татищев действительно желал облегчения положения крестьян, но полагал, что отмена крепостного права «может быть, и предпочтительна, но для условий России и на обозримое будущее она не подходит» [3, с. 55].

Представляется довольно интересным, но, вместе с тем проблемным и вывод о том, что «для взглядов Татищева характерно причудливое сочетание идей консерватизма и либерализма» и что «в мировоззрении Татищева также присутствуют элементы либерализма» [17, с. 25]. Насколько это утверждение соотносимо с экономическими взглядами В. Н. Татищева – вопрос открытый. Тем более, что на протяжении своей жизни он не раз менял свои взгляды (например, по вопросу о роли частных заводов в развитии отечественной промышленности) [20, с. 271–272]. При этом нельзя путать либерализм и гуманизм, а также необходимо

иметь в виду, что «идеи либерализма стали приобретать значение в России во времена Екатерины II», которая взошла на трон в 1762 г., т. е. уже после смерти В. Н. Татищева, и что в основе всех предшествовавших ее воцарению законов о вольностях «не было сознательного стремления к осуществлению либеральных принципов» [14, с. 27].

Наконец, в связи с распространением институционального подхода в экономической науке появились вполне своевременные попытки рассмотреть деятельность и взгляды В. Н. Татищева в институциональном ключе [15]. Особенно это касается института права и совершенствования конкретных законодательных и нормативных документов той эпохи, в которой жил мыслитель. Здесь встает вопрос, насколько правомерно рассматривать в качестве институциональных оснований модернизации российской экономики первой половины XVIII в. собственные «наказы», «инструкции» и «представления» В. Н. Татищева. Этот вопрос тем более сложный, что большинство работ В. Н. Татищева по социально-экономической проблематике не академичные сочинения: они «представляют не простые теоретические рассуждения, а живой отклик на конкретные вопросы экономической политики и хозяйственной деятельности преемников Петра I» [6, с. 61].

Заключение

Размышляя о значении представлений В. Н. Татищева о народном хозяйстве России, нельзя не увидеть той своеобразной «научной триады», которую выбрал для себя ученый и которой он следовал на протяжении всей своей жизни. География – история – экономика как основа «научной триады» В. Н. Татищева позволяют сделать ряд определенных выводов о характере его научного наследия.

Во-первых, безусловной заслугой мыслителя стало формирование системы российской гуманитарной науки, которая

прежде существовала либо фрагментарно, либо вообще отсутствовала. Подведя теоретическую основу под историческую и географическую науку в виде социально-экономического анализа, В. Н. Татищев, по существу, предложил системный и междисциплинарный подход к изучению феномена народного хозяйства.

Во-вторых, обращает на себя внимание практико-ориентированный характер идей В. Н. Татищева, представленный в его записках, научных сочинениях, письмах и конкретных инструкциях. Направленные на совершенствование организации и управления народным хозяйством, его работы отличаются компетентностью, комплексным подходом к постановке и решению конкретных вопросов, основаны на практическом опыте и направлены на реализацию национальных интересов России.

В-третьих, В. Н. Татищев сумел воспринять и творчески переработать многие достижения мировой гуманитарной мысли, в частности в области европейского меркантилизма и камералистики, соединив отдельные их идеи с необходимостью осуществления государственной протекционистской политики.

Наконец, в-четвертых, В. Н. Татищев по праву может быть назван одним из первых представителей гуманистической традиции в российской науке своего времени, стремившихся к улучшению всей системы общественных отношений и хозяйственной практики в стране, желавшим улучшения положения и, пользуясь словами М. В. Ломоносова, «сбережения народа российского», в чем он правомерно усматривал возможность для дальнейшего хозяйственного подъема России.

Список источников

1. Александров С. А. Экономические и политические взгляды В. Н. Татищева // Известия Академии наук СССР. Отдел экономики и права. 1951. № 3. С. 186–207.
2. Алифиренко П. Экономические взгляды В. Н. Татищева // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 89–97.
3. Аникин А. В. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
4. Бак И. С. Экономические воззрения В. Н. Татищева // Исторические записки. 1953. Вып. 54. С. 362–381.
5. Валк С. Н. Татищев в своем болдинском уединении // Проблемы истории феодальной России: сб. ст. Л., 1971. С. 207–214.
6. Василий Никитич Татищев. «Он сам был живой историей России»: сб. ст. / сост. О. И. Калинина. Екатеринбург: СОМБ, 2021. 72 с.
7. Дейч Г. М. В. Н. Татищев. Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1962. 76 с.
8. История русской экономической мысли / ред. А. И. Пашков. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 1, ч. 1. 756 с.
9. Колосов Е. Е. Новые биографические материалы о В. Н. Татищеве // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 106–114.
10. Корсаков Д. А. Василий Никитич Татищев. 1686–1750 // Русская старина. 1887. Т. 54, № 6. С. 563–590.
11. Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1981. 368 с.
12. Кузьмина М. П. В. Н. Татищев о крестьянстве // Вопросы экономической географии: сб. ст. Свердловск, 1964. 277 с.
13. Кузьмина М. П. Экономические воззрения В. Н. Татищева: дис. ... канд. экон. наук. Свердловск: Урал. ун-т, 1966. 328 с.
14. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. 550 с.
15. Максимов В. А. В. Н. Татищев: Прологомены исследовательской программы модернизации России XVIII века (институционально-эволюционный подход) // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, № 4. С. 373–379.

16. *Муравьева Л. А.* Экономические взгляды В. Н. Татищева // *Финансы и кредит.* 2007. Т. 244, № 4. С. 77–84.
17. *Начапкин М. Н.* Консервативно-либеральные взгляды В. Н. Татищева в оценке историков // IX Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19–20 апр. 2012 г.). Екатеринбург, 2012. С. 26–30.
18. *Пекарский П. П.* Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. 66 с.
19. *Смирнов Г. И.* Роль В. Н. Татищева в развитии горного и геологоразведочного дела на Урале // *Очерки по истории геологических знаний.* М., 1956. Вып. 5. С. 132–154.
20. *Сухих В. В.* Экономические взгляды В. Н. Татищева и А. И. Демидова в контексте их противостояния по вопросам развития уральской горной промышленности // *Историко-экономические исследования.* 2024. Т. 2, № 2. С. 253–286.
21. *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М.: ГИГЛ, 1950. 251 с.
22. *Татищев В. Н.* Записки. Письма. М.: Наука, 1990. 440 с.
23. *Татищев В. Н.* Избранные труды. Л.: Наука, 1979. 465 с.
24. *Торопыцын И. В.* В. Н. Татищев и социально-экономическое развитие России первой половины XVIII в. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. 252 с.
25. *Чупин Н. К.* В. Н. Татищев. «Сборник статей, касающихся Пермской губернии». Пермь: Тип. губернского правления, 1882. Вып. 1. 83 с.
26. *Шакинко И. М.* В. Н. Татищев как государственный деятель // *Вопросы истории.* 1975. № 4. С. 125–138.
27. *Юхт А. И.* Проекты В. Н. Татищева в 1721–1726 гг. // *Историк и историки: сб. ст.* М., 1973. С. 293–330.
28. *Blanc S.* Un disciple Pierre le Grand dans la Russie du XVIII siecle. V. N. Tatischev (1686–1750). Lille: Universite de Lille, 1972. 497 p.
29. *Blanc S.* Tatischev et la pratique du mercantilisme // *Cahiers du monde russe et sovietique.* 1969. Vol. 10, No. 3–4. P. 353–370.
30. *Grau C.* Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Wasilij N. Tatischev (1686–1750). Berlin: Akademie-Verlag, 1963. 249 p.

References

1. *Alexandrov S. A.* Economic and political views of V. N. Tatischev. *Izvestiia AN SSSR. Otdel ekonomiki i prava.* News of the USSR Academy of Sciences. Department of Economics and Law. 1951; 3: 186–207. (In Russ.)
2. *Alifirenko P.* Economic Views of V. N. Tatischev. *Voprosy istorii* = Questions of History. 1948; 12: 89–97. (In Russ.)
3. *Anikin A. V.* The Path of Searching. Socio-Economic Ideas in Russia before Marxism. Moscow, 1990, 415 p. (In Russ.)
4. *Bak I. S.* Economic views of V. N. Tatischev. *Istoricheskie zapiski* = Historical notes 1953; 54: 362–381. (In Russ.)
5. *Valk S. N.* Tatischev in his Boldino solitude. *Problemy istorii feodal'noi Rossii* = Problems of the history of feudal Russia. Collection of articles. Leningrad, 1971, P. 207–214. (In Russ.)
6. *Vasily Nikitich Tatischev.* “He Himself Was the Living History of Russia”. Ed by O. I. Kalinina. Ekaterinburg, 2021, 72 p. (In Russ.)
7. *Deich G. M.* V. N. Tatischev. Sverdlovsk, 1862, 76 p. (In Russ.)
8. *History of Russian economic thought.* Ed. by A. I. Pashkov. Moscow, 1955; Vol 1. Part 1, 756 p. (In Russ.)
9. *Kolosov E. E.* New biographical materials about V. N. Tatischev. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 god* = Archaeographic yearbook for 1963. Moscow, 1964. P. 106–114. (In Russ.)
10. *Korsakov D. A.* Vasily Nikitich Tatischev. 1686–1750. *Russkaia starina* = Russkaya Starina. 1887; 6 (54): 563–590. (In Russ.)
11. *Kuzmin A. G.* Tatischev. Moscow, 1981, 368 p. (In Russ.)
12. *Kuzmina M. P.* V. N. Tatischev on the peasantry. *Voprosy ekonomicheskoi geografii. Sb. st.* =

- Issues of economic geography. Collection of Articles. Ed by M. A. Gorlovsky. Sverdlovsk, 1964, 277 p. (In Russ.)
13. *Kuzmina M. P.* Economic views of V. N. Tatishchev. Cand. Sci. (Econom.) Dissertation. Sverdlovsk, 1966, 328 p. (In Russ.)
 14. *Leontovich V. V.* History of Liberalism in Russia. 1762–1914. Moscow, 1995, 550 p. (In Russ.)
 15. *Maksimov V. A.* V. N. Tatishchev: Prolegomena of the research program for the modernization of Russia in the 18th century (institutional-evolutionary approach). *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Serii: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* = Bulletin of the Saratov University. Series: Economics. Management. Law. 2021; 4(21): 373–379. (In Russ.)
 16. *Muravyova L. A.* Economic Views of V. N. Tatishchev. *Finansy i kredit* = Finance and Credit. 2007; 4 (244): 77–84. (In Russ.)
 17. *Nachapkin M. N.* Conservative-Liberal Views of V. N. Tatishchev as Assessed by Historians. In: *IX Tatishchevskie chteniia* = IX Tatishchev Readings. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, April 19–20, 2012); Ekaterinburg: UMC–UPI, P. 26–30. (In Russ.)
 18. *Pekarsky P. P.* New News about V. N. Tatishchev. St. Petersburg, 1864, 66 p. (In Russ.)
 19. *Smirnov G. I.* The role of V.N. Tatishchev in the development of mining and geological exploration in the Urals. *Ocherki po istorii geologicheskikh znanii* = Essays on the history of geological knowledge. Moscow, 1956; 5: 132–154. (In Russ.)
 20. *Sukhikh V. V.* Economic views of V. N. Tatishchev and A. I. Demidov in the context of their confrontation over the development of the Ural mining industry. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* = Historical and economic studies. 2024; 2 (25): 253–286. (In Russ.)
 21. *Tatishchev V. N.* Selected Works on the Geography of Russia. Moscow, 1950, 251 p. (In Russ.)
 22. *Tatishchev V. N.* Notes. Letters. Moscow, 1990, 440 p. (In Russ.)
 23. *Tatishchev V. N.* Selected works. Leningrad, 1979, 465 p. (In Russ.)
 24. *Toropitsyn I. V.* V. N. Tatishchev and the Socio-Economic Development of Russia in the First Half of the 18th Century. Astrakhan, 2001, 252 p. (In Russ.)
 25. *Chupin N. K.* V. N. Tatishchev. “Collection of Articles Concerning the Perm Province”. Issue 1. Perm, 1882. P. 78. (In Russ.)
 26. *Shakinko I. M.* V. N. Tatishchev as a statesman. *Voprosy istorii* = Questions of history. 1975; 4: 125–138. (In Russ.)
 27. *Yukht A. I.* Projects of V. N. Tatishchev in 1721–1726. *Istori i istoriki* = Historian and historians. Collection of articles. Moscow, 1973, P. 293–330. (In Russ.)
 28. *Blanc S.* A Disciple of Pierre the Grand Duke in the Russie of the 18th Century. V. N. Tatischev (1686–1750). Lille, 1972, 497 p. (In Fr.)
 29. *Blanc S.* Tatischev et la pratique du mercantilisme. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1969; 3-4 (10): 353–370. (In Fr.)
 30. *Grau C.* Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Wasilij N. Tatischev (1686–1750). Berlin, 1963, 249 p. (In Ger.)

Поступила 16.01.2026.

Сведения об авторах

Стожко Дмитрий Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: экономическая история, философия хозяйства, экономическая культура, история экономической мысли. Автор более 450 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>.

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Стожко Константин Петрович – доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры философии Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: история социально-экономической мысли, философия хозяйства, экономическая история, история и философия науки. Автор более 850 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>.

E-mail: kostskp@mail.ru

Submitted 16.01.2026.

About the authors

Dmitrii K. Stozhko – Cand. Sci. (Philosophy), the Department of Creative Management and Humanities of the Ural State Economic University (Ekaterinburg, Russia). Research interests: economic history, philosophy of economy, economic culture, history of economic thought. The author has more than 450 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>.

E-mail: d.k.stozhko@mail.ru

Konstantin P. Stozhko – Doc. Sci. (History), Cand. Sci. (Economics), Professor, the Department of Philosophy, Ural State Agrarian University (Ekaterinburg, Russia). Research interests: history of socio-economic thought, philosophy of economics, economic history, history and philosophy of science. The author has more than 850 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>.

E-mail: kostskp@mail.ru

УДК 94(470/5)

*Н. М. Арсентьев¹, А. В. Слудных², Е. А. Аверьянова³*¹ *Институт востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия),
e-mail: director_isi@bk.ru*² *АО «Производственное объединение ОУМЗ имени Э. С. Яламова» (Екатеринбург, Россия),
e-mail: sludnichav1982@inbox.ru*³ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: averyanova-morm@mail.ru*

Стенограмма как зеркало эпохи: отражение в общественном сознании сотрудников Государственного оптического института перемен в научной политике и производственной деятельности 1930–1940-х гг.

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию уникального пласта документов – стенографических отчетов Государственного оптического института (ГОИ) им. С. И. Вавилова. В отличие от официальных приказов или научных публикаций стенограмма рассматривается как «живой» исторический источник, фиксирующий не только итоговые решения, но и сам процесс рождения научной мысли, столкновение амбиций и драматизм внедрения высоких технологий в массовое производство.

Результаты и обсуждение. На основе анализа ранее малоизученных материалов (преимущественно 1930-х – середины 1940-х гг.) выявлено, что стенограммы ГОИ являются зеркалом масштабной индустриальной трансформации. В работе показано, как через непубличные дискуссии решались критические задачи: от преодоления импортной зависимости в 1930-е гг. до мобилизационного рывка в годы Великой Отечественной войны.

Заключение. Исследование показало, что стенограмма является ключевым инструментом для реконструкции подлинной истории науки. Она позволяет увидеть за сухими цифрами планов живые голоса участников событий и понять механизмы, благодаря которым ГОИ стал фундаментом советской оптико-механической промышленности. Материалы исследования подчеркивают актуальность изучения архивного наследия для анализа современных стратегий технологического развития.

Ключевые слова: Государственный оптический институт, стенограмма, история науки, исторический источник, индустриализация, оптическая промышленность, научно-технический прогресс, архивы Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб).

Для цитирования: *Арсентьев Н. М., Слудных А. В., Аверьянова Е. А.* Стенограмма как зеркало эпохи: отражение в общественном сознании сотрудников Государственного оптического института перемен в научной политике и производственной деятельности 1930–1940-х гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 21–38. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.021-038.

© Арсентьев Н. М., Слудных А. В., Аверьянова Е. А., 2026

Nikolay M. Arsentiev¹, Anatoly V. Sludnykh², Ekaterina A. Averyanova³

¹ *Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science (Moscow, Russia),
e-mail: director_isi@bk.ru*

² *Ural Optical and Mechanical Plant named after E. N. Yalamov (Ekaterinburg, Russia),
e-mail: sludnichav1982@inbox.ru*

³ *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: averyanova-morm@mail.ru*

The Transcript as a Mirror of the Era: Reflection in the Public Consciousness of the Staff of the State Optical Institute of Changes in Scientific Policy and Industrial Activities of the 1930s–1940s

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of a unique layer of documents – verbatim reports of the S. I. Vavilov State Optical Institute (SOI). Unlike official orders or scientific publications, the transcript is considered as a “living” historical source, recording not only the final decisions, but also the very process of the birth of scientific thought, the clash of ambitions and the drama of the introduction of high technologies into mass production.

Results and Discussions. Based on the analysis of previously poorly studied materials (mainly from the 1930s to the mid-1940s), it was revealed that the SOI transcripts are a mirror of a large-scale industrial transformation. The paper shows how critical tasks were solved through non-public discussions: from overcoming import dependence in the 1930s to the mobilization breakthrough during the Great Patriotic War.

Conclusion. The study showed that the transcript is a key tool for reconstructing the true history of science. It allows you to see behind the dry figures of the plans the living voices of the participants in the events and understand the mechanisms by which SOI became the foundation of the Soviet optical and mechanical industry. The research materials emphasize the relevance of studying the archival heritage for the analysis of modern strategies of technological development.

Keywords: State Optical Institute, transcript, history of science, historical source, industrialization, optical industry, scientific and technological progress, archives of the Central Research Institute.

For citation: *Arsentiev N. M., Sludnykh A. V., Averyanova E. A. The Transcript as a Mirror of the Era: Reflection in the Public Consciousness of the Staff of the State Optical Institute of Changes in Scientific Policy and Industrial Activities of the 1930s–1940s. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 21–38. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.021-038.*

Введение

Во все времена, когда вопросы достижения технологического суверенитета и анализа историй успеха наукоемких отраслей были приоритетными для отечественной науки, обращение к опыту прошлого приобретает особую остроту. Опыт Государственного оптического института (ГОИ) им. С. И. Вавилова в этом контексте служит эталонным примером того, как фундаментальные идеи в кратчайшие сроки трансформировались в мощный промышленный щит страны.

История ГОИ им. С. И. Вавилова традиционно представляется как череда блестящих открытий и триумфальных отчетов. Однако за парадным фасадом «главного оптического глаза» страны скрывается сложнейший и порой болезненный процесс принятия решений, который редко попадал на страницы печатных трудов. Чтобы понять, как в середине XX в. создавался фундамент отечественной оптико-механической промышленности, необходимо обратиться к самому «человечному» и в то же время беспощадному историческому источнику – стенограмме.

Стенограмма заседаний ГОИ – это не просто механическая фиксация произнесенных слов. Это «фонограмма» эпохи, запечатлевшая живую динамику научной мысли. В отличие от официальных протоколов, где итоги дискуссии подведены под общий знаменатель, стенограммы сохранили для нас интонации споров, сомнения академиков и резкие реплики производственников. Это документы, в которых наука встречается с политикой, а теоретическая физика – с суровыми реалиями заводского цеха.

В центре внимания – ключевой период с 1930-х по середину 1940-х гг. Это время стало для института эпохой большого вызова. Если в 1920-е гг. ГОИ еще сохранял черты академического научного центра европейского типа, то к началу 1930-х гг. он был вынужден превратиться в «штаб» огромной отрасли. Анализируя ранее недоступные или малоизученные материалы из фондов Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), исследователи ставят перед собой задачу заглянуть за закрытые двери кабинетов и залов заседаний.

Степень разработанности темы

История Государственного оптического института (ГОИ) им. С. И. Вавилова традиционно находилась в фокусе внимания историков науки и техники. основополагающими в этой области являются труды создателей и корифеев ГОИ – С. И. Вавилова, Д. С. Рождественского, в которых заложены основы понимания институционального становления отечественной оптики [4]. В советский период акцент смещался на описание научно-технических достижений и юбилеев (работы В. Н. Новикова, мемуарные сборники сотрудников), что позволило сформировать подробную хронику открытий [2].

В современной историографии (2010–2020-е гг.) наметился переход к более глубокому анализу связи науки и государственного управления. Значительный вклад в изучение смежных высокотехнологичных отраслей внесли исследования, посвященные взаимодействию Академии наук СССР с промышленными наркоматами. Однако, несмотря на обилие литературы по истории оптики, стенограммы совещаний ГОИ как самостоятельный исторический источник до сих пор не становились объектом комплексного анализа.

Большинство существующих работ опирается на итоговые документы: опубликованные статьи, отчеты и приказы. В то же время «внутренняя кухня» института – живые дискуссии, зафиксированные в стенограммах, – оставалась на периферии исследовательского внимания. В 2026 г., когда историческая наука все чаще обращается к методам микроистории и анализу дискурса власти и науки, назрела необходимость восполнить этот пробел. Данная статья призвана расширить источниковую базу темы, введя в научный оборот материалы из фондов ЦГАНТД СПб, которые позволяют реконструировать не только результаты, но и логику научного поиска в условиях индустриализации и войны.

Результаты и обсуждение

Анализ стенографических материалов ГОИ позволяет реконструировать сложную траекторию развития института не как линейное накопление знаний, а как череду драматических преодолений технологических и организационных барьеров. Сама природа стенограммы позволяет исследователю увидеть эти барьеры глазами современников.

Ярким примером служит стенограмма совещания ГОИ от 4 мая 1932 г., посвященного планированию работ на вторую пятилетку (1933–1937 гг.)¹. Этот документ

¹ Стенограмма совещания по состоянию 2-го пятилетнего плана института на 1933–1937 годы. 1932 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 269. Всего 181 л.

фиксирует критический момент: переход от формирования фундаментальных заделов к созданию полноценной промышленной инфраструктуры.

Проблема целеполагания, зафиксированная в мае 1932 г., предстает как главный вызов времени. Открывая совещание, председатель Иван Иванович Орловский, директор ГОИ с 1932 по 1933 г., следующим образом обозначил возникшую системную проблему: «Назначая сегодня первое совещание дирекции совместно с начальниками секторов и представителями общественности, мы решили несколько обменяться мнениями, по каким путям и дорогам мы подойдем к составлению плана второй пятилетки по каждому нашему сектору в отдельности. Я лично имел со стороны некоторых секторов претензии в том отношении, что они не знают своих целевых установок в области работы во второй пятилетке и не только целевых установок секторов, но и целевой установки всего Института в целом, не знают, какими темпами будет разворачиваться работа всего Института и, в связи с этим работа каждого сектора»².

Анализ этой цитаты позволяет сделать важный вывод: на начало 1930-х гг. в институте мирового уровня отсутствовало единое стратегическое видение развития. Научная мысль была децентрализована. Стенограмма показывает, как руководство страны пытается преодолеть эту раздробленность, навязать единый «темп» и «целевые установки». Таким образом, документ от 4 мая 1932 г. становится точкой отсчета, где научная мысль ГОИ окончательно принимает на себя ответственность за индустриальный успех целой отрасли, но делает это через болезненный процесс централизации управления и планирования.

Особое место в анализе стенограммы от 4 мая 1932 г. занимает обсуждение крити-

ческого разрыва между научным замыслом и его материальным воплощением. Факт нехватки оборудования и дефицита кадров предстает здесь не как частная техническая трудность, а как основной барьер на пути к реализации второй пятилетки.

В выступлениях участников совещания за риторикой о «темпах разворота» скрывалась жесткая реальность: амбициозные задачи по созданию новых типов оптического стекла и сложных приборов упирались в отсутствие квалифицированных мастеров-оптиков. Стенограмма фиксирует, как академик Дмитрий Сергеевич Рождественский, первый директор ГОИ, в ответ на призыв И. И. Орловского к планированию ставит встречный вопрос о «базе»: без создания мощного опытного производства при институте любая «целевая установка» оставалась лишь теоретическим прогнозом.

Иллюстрируя масштаб проблемы обеспечения кадрами, Дмитрий Сергеевич приводил конкретные расчеты, демонстрирующие колоссальный разрыв с Западом в трудовых ресурсах и квалификации: «Основной момент во всей этой пятилетке, т. е. в годы 33-34-35-36 и 37, заключается в том, что мы должны осуществлять ее с нашим главным хозяином – с ВООМПом и работать главным образом на него. Делать это будет очень трудно, так как разворачивать свою пятилетку ВООМПу будет чрезвычайно тяжело. Мы составляем сейчас пятилетку, – в частности я принимаю довольно деятельное участие в комиссии по выработке этой пятилетки, и видим, насколько тяжело будет ВООМПу ее осуществлять, т. к. и сейчас ВООМП плохо осознает, в чем заключается главное затруднение, а оно заключается в отсутствии кадров. Но мы повторяем это без конца, а вместе с тем чрезвычайно плохо это усваиваем и принимаем

² Стенограмма совещания по состоянию 2-го пятилетнего плана института на 1933–1937 годы. 1932 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 269. Л. 1, 2.

весьма слабые меры против этого, в частности, в нашей пятилетке мы не бьем в набат о кадрах и этим самым просто режем нашу пятилетку.

Я посмотрел, сколько нам нужно рабочих для того, чтобы перевести оптическую промышленность с Запада к нам и оказалось, что мы должны иметь 45 000 рабочих, чтобы работать непрерывно, так как работает 45 000 рабочих, скажем в Германии. У нас налицо 9 000, но это и не важно, ибо фактически я считаю, что у нас – 0. Из этих 45 000 технический персонал в германской промышленности составляет 7–8 %, но это далеко не все. Помимо этого, около 8 % насчитывается собственников различных оптических предприятий, из которых довольно большое количество приходится на руководящий технический персонал, так что в Германии технического персонала от 10 до 12 %. Если подсчитать, сколько технического персонала нужно нам, то весьма голодная норма выразится в цифре 4 000 инженеров на 45 000 рабочих, которые заведовали бы этой промышленностью.

Что мы можем дать по техническому персоналу? Комбинат производит в 32 году 150 человек максимально, в 33 году – 673, в 34-ом – 418 итого – к концу 34 года, если мы всех ассимилируем, мы получим 1 241 человек, вместо 4 000. Если в течение последующих лет мы будем давать по 700 человек, то в 37 году мы будем иметь всего 3 341 человек, т. е. все-таки меньше, чем те 4 000–4 500 тысячи, которые нам нужны. И это еще сравнительно благополучно, потому что с чисто рабочим вопросом дело обстоит гораздо хуже, там мы должны говорить о квалифицированных рабочих, а не о рабочих от сохи, как берут сейчас заводы и гибнут, потому что имеют не рабочих, а пастихов на производстве. Вычитаем 9 000 наличных рабочих из 45 000 получаем 36 000 человек, а производим мы не больше 3 000, следовательно, вместо 6 000 в год, кото-

рые мы должны производить, мы производим – ровно половину. Таким образом здесь картина рисуется довольно безнадежная. Чтобы приняться за пятилетку, мы должны сегодня расширить комбинат до необходимых размеров. У нас во всяком случае плюс по сравнению с тем, что было год тому назад, когда фактически комбината не было, сейчас это уже реально живущее и обучающее учреждение, дающее определенные цифры развития. Вот где центр тяжести вопросов во вторую пятилетку».

Анализ документа показывает, что к середине 1930-х гг. в ГОИ формируется понимание, что институт не может более оставаться просто «лабораторией идей». Чтобы преодолеть кадровый голод, ученые – физики и химики были вынуждены включить в план второй пятилетки задачи по проектированию образовательных программ для техников и созданию собственных механических мастерских. Таким образом, стенограмма подтверждает, что в 1932 г. научная мысль ГОИ была направлена на конструирование не только приборов, но и всей индустриальной экосистемы, без которой развитие оптики в СССР было бы невозможным [3, с. 4–7].

Важным остается и то, что обмен мнениями на совещании 4 мая 1932 г. не был формальностью или «ритуальным» заседанием. Напротив, документ фиксирует процедуру жесткого и четкого делегирования задач, превращая обсуждение в проектирование управленческой вертикали.

Председатель совещания И. И. Орловский выстраивает структуру планирования, распределяя ответственность между ключевыми фигурами института. Согласно тексту стенограммы, он определяет следующий порядок работы: «Гов. Орловский: несколько вводных частей скажу я, затем Дмитрий Сергеевич скажет об установке с точки зрения развития научной базы нашего Института во вторую пятилетку, и Николай Нико-

лаевич Качалов скажет в области пятилетки по оптической промышленности. Потом каждый из присутствующих начальников секторов выскажет свои предположения по работе отдельных секторов и отдельных неувязках, и трудностях, которые будут стоять на его пути в области разработки планов второй пятилетки.

Исходя из этого мы обобщим материалы по основным отдельным вопросам и затем приступим к работе по каждому сектору, причем вся работа секторов будет также стенографироваться с тем, чтобы комиссия по разработке пятилетки Института во главе с А. И. Стожаровым могла бы получить обобщенные материалы по работе всех секторов и затем уже приступить к составлению сводной пятилетки к определенному намеченному сроку»³.

Эта цитата раскрывает уникальную архитектуру ГОИ того времени. Мы видим «триединую» систему управления: административная стратегия (Орловский), фундаментальный вектор (Рождественский) и связь с реальным производством (Качалов).

Особое внимание стоит обратить на установку выявлять «неувязки и трудности». Это доказывает, что стенограмма была для руководства ГОИ инструментом обратной связи. Ученые и руководители секторов призывались не к рапортованию об успехах, а к критическому анализу барьеров. Такой подход позволял институту синхронизировать теоретические поиски с нуждами оптической промышленности, превращая план второй пятилетки из бюрократического документа в реальную дорожную карту технологического рывка.

Последующий ход совещания, зафиксированный в стенограмме, демонстриру-

ет, что задекларированный «обмен мнениями» быстро перерос в инвентаризацию проблем, которые в 2026 г. мы бы назвали «критическими рисками проекта». Реплики начальников секторов вскрывают пласт проблем, которые обычно оставались за скобками официальных отчетов: от катастрофической тесноты помещений до отсутствия точных измерительных приборов.

В ответ на вопрос Орловского о «темпах» из стенограммы начинают звучать голоса практиков, для которых вторая пятилетка была не набором цифр, а вопросом выживания лабораторий. Одной из центральных «неувязок» стала катастрофическая нехватка базовых условий для работы. В стенограмме зафиксированы критические замечания, обнажающие реальный фон индустриализации: «Мы не имеем возможности развернуть работу, потому что у нас нет помещений. Мы сидим друг у друга на головах...» – звучит в выступлениях, и следом поднимается вопрос о приборной базе: «Как мы можем планировать точность во вторую пятилетку, если у нас нет эталонных измерителей, которые мы вынуждены выпрашивать у заводов?»⁴

Анализ этих реплик позволяет сделать вывод, что «неувязки», о которых говорил Орловский, были не случайными помехами, а системным кризисом роста. Здесь важно сделать ремарку: будь то Орловский или любой другой руководитель ГОИ того времени, успех обеспечивался не только персональной волей, но и готовностью управленческого аппарата признавать дефицит ресурсов как отправную точку для перемен.

Именно открытая фиксация этих проблем на уровне стенограмм позволила «три-

³ Стенограмма совещания по состоянию 2-го пятилетнего плана института на 1933–1937 годы. 1932 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 269. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 31–33.

умвирату» (Орловский – Рождественский – Качалов) превратить жалобы сотрудников в аргументированные требования перед вышестоящим Народным комиссариатом тяжелой промышленности СССР (НКТП). Это позволило в дальнейшем «выбить» ресурсы для строительства новых корпусов и закупки дефицитного оборудования в Германии, Англии, Франции, что в итоге обеспечило триумф оптической отрасли к середине 1930-х гг. Стенограмма в данном случае выступила не просто протоколом встречи, а инструментом политического и экономического веса, превратившим внутренние «неувязки» в государственную программу развития.

Если стенограммы 1932 г. отражали внутренний поиск стратегии, то материалы совещаний ГОИ с представителями Всесоюзного объединения оптико-механической промышленности (ВООМП) по согласованию тематики на 1934 г. демонстрируют выход института на принципиально иной уровень интеграции. Эти документы фиксируют сложный процесс «торговли» за тематику работ первой очереди и подготовку ключевых договоров⁵.

Для понимания веса принимаемых в 1934 г. решений необходимо обратить внимание на персональный состав участников совещаний между ГОИ и ВООМП, состоявшихся 8–10 декабря 1933 г. Стенограмма фиксирует уникальный момент: за одним столом оказались люди, представлявшие принципиально разные подходы к развитию технологий.

Со стороны ГОИ в дискуссии участвовала интеллектуальная элита института: директор Л. А. Ольберт; заместитель директора по научной части академик С. И. Вавилов; начальник химического сектора ака-

демик И. В. Гребенщиков; руководители групп химического сектора А. Г. Самарцев, В. В. Варгин, К. А. Кракау; начальник оптотехнического сектора В. П. Линник; заведующий лабораторией астрономической оптики Д. Д. Максудов; начальник фотографического сектора Т. П. Кравец; начальник фотометрического сектора М. М. Гуревич; заведующий прожекторной лабораторией Р. К. Устюгов; заместитель начальника сектора вычислительной оптики Г. Г. Слюсарев; заведующий цветовой лабораторией Л. И. Демкина; руководитель группы той же лаборатории Г. Н. Раутиан; начальник планового сектора И. И. Экштейн; представители экономического сектора З. А. Егорова, Е. М. Лурье и старший экономист планового сектора С. Е. Гороховский, которые видели в плане на 1934 г. прежде всего возможность реализации глубоких научно-исследовательских программ.

Им противостоял блок представителей ВООМП в лице заместителя управляющего Я. Н. Перепелкина и заведующего НТО КИБ Л. Г. Титова, технического директора КИБ С. Т. Цукермана, инженера НТО А. Н. Бурагова – технократов и управленцев, для которых «наука» была инструментом решения насущных проблем заводов.

За одним столом с руководством ГОИ и ВООМП оказались те, кто стоял на передовой производства оптического стекла, – делегаты от ведущих предприятий отрасли. Присутствие представителей крупнейших стекольных заводов, таких как Государственный оптико-механический завод (ГОМЗ), Ленинградский завод оптического стекла (ЛенЗОС) и Опытный завод (заведующий лабораторией Д. Е. Радченко), коренным образом менял тональность обсуждения. Если аппарат ВООМП опериро-

⁵ Стенограммы совещаний представителей института и Всесоюзного объединения оптико-механической промышленности по тематике работ на 1934 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 291. Всего 78 л.

вал общими цифрами плана, то представители заводов вносили в дискуссию жесткую производственную специфику: делегаты от ЛенЗОС – технический директор Л. А. Зинин, начальник производственного сектора Г. А. Куманин в стенограммах 1934 г. – выступают как главные критики лабораторных методик варки. Для них согласование тематики было вопросом получения таких составов стекла, которые не давали бы брака в условиях огромных заводских печей.

Представители ГОМЗ – заведующий научно-исследовательским отделом (НИО) И. А. Шошин, инженер научно-технического отдела (НТО) А. Н. Бурого, ориентированные на выпуск сложной механики и фототехники, требовали от ученых ГОИ немедленного решения проблем точности и светосилы приборов, которые уже стояли на конвейере.

Такой состав участников превращал стенограмму в арену столкновения трех сил: фундаментальной науки (ГОИ), государственного планирования (ВООМП) и реального цеха (ГОМЗ, ЛенЗОС). Именно в этом треугольнике интересов ковался «договор работ первой очереди», который не оставлял места для теоретических отступлений. О том, насколько предметным был этот разговор, можно судить по следующему фрагменту: «Задача нашего сегодняшнего совещания – обсудить совместно тематику Химического сектора. Эта тематика известна ВООМПу, с другой стороны, ВООМПом представлены темы, выдвинутые оптико-механической промышленностью. Наша задача – договориться сегодня прежде всего о тех темах, которые мы считаем первоочередными, которые должны начаться выполнением с начала года – с 1 января. Хотя ни ГОИ, ни ВООМП не могут принять на себя окончательных обязательств в том смысле, что та или иная тема окончательно будет утверждена. Сегодняшнее решение не явится уже словесной дого-

воренностью в смысле заключения договора, но во всяком случае мы считаем, что сегодняшнее наше совещание должно решительно выделить какие темы являются первоочередными, какие темы могут быть отложены на более поздние кварталы 1934 года и какие темы могут быть, с точки зрения ВООМПа и ГОИ, отодвинуты на 1935-й год.

Очень было бы нежелательно, чтобы в 1934 году повторилась история 33-го года, когда некоторые работы были начаты, существовала договоренность технических представителей ВООМПа и ГОИ, в отношении приемлемости и нужности ряда тем и тем не менее до конца года, можно сказать, почти до сегодняшнего числа, на ряд выполняемых работ договор не был заключен. Институт, благодаря этому попал в затруднительное положение и, конечно, это не могло не отразиться на самом ходе работы. Вся эта работа в материальном отношении не имела никакой базы. Так вот хотелось бы в этом году к делу подойти совершенно иначе. На сегодняшнем совещании окончательно договориться, какие темы мы считаем приемлемыми, договориться, в какой стадии работы ВООМПу желательно получить их от ГОИ, если имеется в виду обучение работников ВООМПа новым операциям, то это должно быть оговорено и т. п. Это нужно предусмотреть для того, чтобы такой окончательный этап результата работы не послужил бы в дальнейшем препятствием для заключения конкретного договора, не послужил бы причиной затягивания, которое имело место в 1933 году.

Мы не правомочны, повторяю (С. И. Вавилов), сегодня решить, что та или иная тема принята окончательно, но во всяком случае, когда выяснится бюджет ВООМПа, когда выяснятся те средства, которые могут быть отпущены ВООМПом на научно-исследовательскую работу, то наши сегодняшние решения должны быть приняты, как обязательные. Первоочередные

работы должны быть включены в первую очередь. Этот вопрос не должен пересматриваться»⁶.

Стенограмма сохранила момент, когда представитель ГОИ, начальник химического сектора академик И. В. Гребенщиков, буквально обрывает докладчика из ВООМП, Л. Г. Титова, во время оглашения содержания темы: «Здесь один пункт меня несколько смущает – именно слово “оптическое стекло”. Объясняется это тем, что эта работа базируется на проведении в текущем году (1933 г.) исследования о влиянии водяных паров на лучшее взаимодействие шихты, кремнезема, окиси натрия и окиси кальция, причем дело здесь обуславливается наиболее простыми компонентами, с одной стороны, и, кроме того, этот тип стекла очень широко вообще применяется в промышленности. Конечно, такие стекла имеются и оптические, но назвать эту шихту оптической никоим образом нельзя. Если оставить слово “оптическое” стекло, то необходимо, по существу, предварительную работу текущего года повторить на шихте оптического стекла. Это было бы возможно, но это представляло бы другую тему, а не эту. Поэтому, если вычеркнуть слово “оптическое”, то все пункты и вытекающие отсюда требования, которые предъявляются промышленностью, могли бы быть выполненными»⁷.

Парируя оппоненту, представитель объединения Я. Н. Перепелкин не сдержался и позволил себе крепкое словцо: «Требования оптического стекла не могут быть удовлетворены в условиях лабораторных. В лабораторных условиях получить “г...-стекло” нельзя. Оптическое стекло делится по составу так, что нельзя утверждать, что

калиево-кальциевое стекло является оптическим. Поэтому целесообразнее от этого отказаться, но там есть и редакционная поправка»⁸. В этом коротком диалоге – вся суть конфликта между высокой физикой и суровой реальностью цеха.

Особый интерес для исследователя представляет зафиксированный в стенограмме спор о классификации и очередности работ. В ходе согласования тематики на 1934 г. представители ВООМП выступили с инициативой жесткого разделения тем на «спецфонд» и «культурно-промышленные». За этой, на первый взгляд, технической терминологией скрывался глубокий конфликт приоритетов индустриализации. Стенограмма сохранила живую динамику этого торга: «Представитель ВООМП: Мы предлагаем четко разграничить темы первой очереди. Все, что идет по спецфонду – это безусловный приоритет, здесь сроки не обсуждаются. Культурно-промышленные заказы – по остаточному принципу, исходя из мощностей лабораторий ГОИ»⁹.

Таким образом, стенограмма 1934 г. фиксирует момент, когда научная тематика перестала быть единой. Она была расколота политической необходимостью на приоритетную и второстепенную, что на десятилетия вперед определило структуру работы ГОИ как ключевого звена в системе обеспечения государственной безопасности.

Центральное место дискуссий середины 1930-х гг. занял вопрос о формах и масштабах обслуживания оптико-механической промышленности по линии ГОИ. Анализ стенограмм совещаний с ВООМП показывает, что к этому времени понятие «обслуживание» вышло за рамки эпизодических консультаций и приобрело характер тоталь-

⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 1–3. Д. 291. Л. 1–3 об.

⁷ Там же. Л. 4, 4 об.

⁸ Там же. Л. 5, 5 об.

⁹ Там же. Л. 46 об.

ного научно-технологического патронажа [1, с. 205].

Особый интерес в контексте анализа живой связи с индустрией вызывает обсуждение судьбы специализированных структур-посредников. Стенограмма совещания о научно-техническом обслуживании оптико-механической промышленности ГОИ от 15 сентября 1934 г. фиксирует важный организационный перелом: деятельность Бюро обслуживания оптико-механической промышленности (БООП), созданного ранее для координации взаимодействия, к этому моменту стремительно теряет актуальность. «Ольберт – года два тому назад по инициативе Н. Н. Качалова была создана организация под названием “Бюро обслуживания оптико-механической промышленности (БООП)”. Первый год показал нам ряд положительных сторон этой работы. Имели мы положительные стороны работы в этой области и в 1934 году, но надо сказать, что жизнь течет, положение на заводах меняется и ряд моментов говорят о необходимости изменять как наши формы и может быть, перестроиться для того, чтобы это обслуживание которое было в 1933 году и идет в 1934 г., немножко изменить и поправить в то русло, которое в настоящее время более целесообразно для промышленности исходя из его потребностей»¹⁰.

Насколько остро стоял вопрос о состоянии живой связи ГОИ с оптической промышленностью как обязательном условии работы, наиболее ярко отражено в следующей реплике стенограммы: «Качалов – как сказал наш председатель, мне поручено на настоящем собрании выступить с основным докладом по вопросу о состоянии живой связи ГОИ с оптической промышленностью... Прежде всего для того, чтобы установить ясность в наших дальнейших

разговорах, я считал бы полезным попытаться сделать определение того, что можно понимать под словами “техническая помощь Института заводам?”

Все формы такой помощи могут быть разбиты на две основные группы: первая группа значительно большая по объему, это – работа в стенах Института, которая поглощается главным образом, планами научно-исследовательскими заданиями, передаваемыми от промышленности и выполняемыми силами Института, а также и внеплановыми в известном проценте, в соответствии с той мощностью, которую Институт резервировал для промышленности для тех заданий, необходимость которых возникает не к началу операционного года, а в середине его.

Второй тип работ, относящийся к первой группе, т. е. к работам в стенах Института, это – обучение работников завода в стенах Института тем или иным отдельным вопросам, отдельным приемам, в частности, как наиболее часто это бывает на практике, обучение контрольным приемам, разработанным в Институте. Вот две формы работы, проводящиеся в стенах Института.

Вторая группа работы – работа Института на местах, на заводах, или то, что принято называть по последней терминологии “скорой технической помощью”. Это вторая группа работы укладывается в сферу деятельности БООПа, и она сегодня должна занимать наше внимание.

Она может быть разбита на следующие 5 видов: во-первых, консультация как в лабораториях, так и в цехах завода по всевозможным вопросам. Это встреча научных работников с производственниками на месте, как говорят “у станка”, где достаточно известного словесного обмена мнениями. Во-вторых, участие непосредственное, си-

¹⁰ Стенограмма и протоколы совещаний о научно-производственных связях института с оптико-механической промышленностью // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 319. Л. 10.

лами работников Института, в ликвидации заводских неполадок. Эта работа или единовременная, или работа бригады. Эта форма скорой помощи довольно часто имела место на наших предприятиях и отзывы о деятельности такого рода бригад всегда были благоприятны.

Третья категория скорой помощи, это есть все мероприятия, связанные с реализацией достижений научно-исследовательского Института с внедрением его работ на производстве. Четвертая форма это – доклады в порядке обмена опытом. Пятая – методологическое руководство работами заводских лабораторий¹¹.

Логика развития ГОИ во второй половине 1930-х гг. неразрывно связана с глобальной трансформацией управления советской наукой. 1936 г. стал переломным для всего научно-исследовательского сектора НКТП: под руководством Г. К. Орджоникидзе была инициирована масштабная реформа, целью которой было окончательно повернуть науку лицом к производству. Этот идеологический и административный разворот требовал перехода от автономного существования институтов к их полной интеграции в промышленную ткань страны.

Прямым инструментом реализации этой политики стал приказ НКТП от 4 октября 1936 г., который перевел общие установки Орджоникидзе в плоскость конкретных директив. Для ГОИ этот документ стал не просто ведомственным распоряжением, а катализатором глубокого внутреннего перерождения [5, с. 15–35].

Для понимания глубины организационного маневра стоит обратиться к прямой аргументации руководства института. В своей пояснительной записке директор ГОИ

В. А. Тихомиров подчеркивал, что перестройка структуры – это прежде всего борьба за высвобождение творческой энергии ученого из-под пресса бюрократии. Обосновывая реализацию приказа НКТП, он писал: «Приказ НКТП от 4 октября 1936 года об улучшении научно-исследовательской работы предлагает заменить существующий многозвенную систему соподчинения (отделы, сектора, лаборатории, группы и т. д.) двухзвенной системой Директор – Лаборатории, в целях освобождения научных работников от ненужной административной работы, отвлекающей их от действительного научного руководства»¹².

Однако внедрение двухзвенной системы управления требовало не просто волевого решения, но и демонтажа десятилетиями складывавшейся иерархии. Стенограммы и пояснительные записки того периода фиксируют критический взгляд руководства на существовавшую структуру ГОИ, которая к середине 1930-х гг. стала слишком тяжеловесной для темпов индустриализации.

Принимая во внимание необходимость радикальной ликвидации лишних управленческих этажей, В. А. Тихомиров в своей записке дает четкую характеристику прежнего устройства института: «Существующая до сих пор в ГОИ структура является образцом многозвенной системы соподчинения. В настоящее время в Институте имеются 3 основных отдела. В каждом отделе имеются научные сектора, в каждом секторе лаборатории, группы. Во главе каждого отдела, сектора, лаборатории, группы находится начальник, который значительную часть времени уделяет выполнению хозяйственных и административных функций.

¹¹ Стенограмма и протоколы совещаний о научно-производственных связях института с оптико-механической промышленностью // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 319. Л. 11 об.

¹² Пояснительная записка директора института В. А. Тихомирова о перестройке структуры института // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 385. Л. 1.

В настоящий момент таких начальников в Институте насчитывается достаточное количество человек. Все они являются высококвалифицированными научными работниками. Освобождение указанных научных работников от административно-хозяйственных обязанностей безусловно усилит научное руководство работой. Принимая к исполнению приказ Наркома Институт считает вполне возможным ликвидировать существующие отделы и сектора и установить следующую структуру Института»¹³.

Описывая новую намеченную структуру института, В. А. Тихомиров в своей записке дает предельно ясную формулировку того, на каких принципах отныне будет строиться работа ГОИ: «Основным звеном Института по новой структуре является лаборатория. Лаборатории организуются по принципу специализации в разрешении научно-технических проблем из области оптики, которые в своей совокупности составляют основное содержание работы Института. Таким образом Государственный Оптический институт является Центральным научно-техническим учреждением, объединяющим все главные отрасли теоретической и прикладной оптики.

Научные лаборатории намечаются организовать следующего характера: лаборатория общей спектроскопии (руководитель академик Д. С. Рождественский); лаборатория молекулярной и атомной спектроскопии, (руководитель действительный член Института В. И. Чулановский); лаборатория фото-химии (руководитель доктор физики – А. Н. Теренин); лаборатория спектрального анализа (руководитель профессор В. К. Прокофьев); лаборатория инфракрасных лучей (руководитель доцент Т. Л. Вейнгеро́в); лаборатория люминесцентного анализа (руководитель академик С. И. Ва-

вилов). Общее научное руководство указанной группы лабораторий будет осуществлять академик Д. С. Рождественский»¹⁴.

Из анализа текста записки становится ясно, что во главе большинства лабораторий стоят крупные научные работники, которые, в отличие от положения при старой структуре, должны осуществлять подлинное научное руководство лабораториями и непосредственно лично вести научную работу.

К 1938 г. внешнеполитический горизонт окончательно омрачился, что не могло не наложить отпечаток на внутреннюю жизнь ГОИ. Мюнхенский сговор, нарастающая агрессия нацистской Германии и Японии перевели вопрос об оптической независимости из разряда экономических задач в разряд выживания нации.

Анализ стенограмм этого периода показывает, как внешняя угроза трансформировала научный дискурс института: в выступлениях ученых все чаще звучит осознание того, что западные каналы обмена опытом и закупки оборудования могут быть перекрыты в любой момент. Научная мысль 1938 г. лихорадочно ищет способы создания автономных технологий, не зависящих от импортных комплектующих.

Внешнеполитическое напряжение привело к тому, что гражданская тематика в планах ГОИ практически полностью вытесняется требованиями военного ведомства. Стенограммы фиксируют призыв ученых ГОИ держать всю страну в состоянии мобилизационной готовности военного нападения: «Мы в большей степени должны работать над совершенствованием вооружения нашей Красной Армии, над увеличением скоростей нашей авиации, над увеличением стабильности нашей Красной Армии. Мы должны ответить работой над улучшением

¹³ Пояснительная записка директора института В. А. Тихомирова о перестройке структуры института // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 385. Л. 2.

¹⁴ Там же.

средств связи, наблюдения, над улучшением военных приборов и средств защиты нашего города от возможности воздушно-го нападения. Мы должны ответить еще большим приближением науки к практике, к производству. Мы должны ответить прямой нашей работой над поднятием производительности нашей промышленности и сельского хозяйства, как основ повышения материального уровня трудящихся, как основы радости и укрепления нашей страны. С этих точек зрения и только с них рассматривать и давать нужную оценку действительности нашей науки, нашего Института и каждого из нас»¹⁵.

Таким образом, к концу 1930-х гг. внешняя среда окончательно диктовала Институту мобилизационный сценарий. ГОИ вошел в 1938 г. как отлаженная, очищенная от бюрократии структура, где наука была полностью подчинена одной цели – обеспечению превосходства отечественного вооружения. Эта «предгрозовая» закалка, зафиксированная в документах, стала решающим преимуществом, когда в июне 1941 г. время мирных дискуссий окончательно подошло к концу.

Подводя итог анализу стенографических материалов 1930-х гг., можно сформулировать ключевые выводы о том, как в этот период закладывался фундамент советской оптической индустрии. Стенограммы совещаний 1932 и 1934 гг. – это не просто протоколы встреч, а документальное свидетельство радикальной трансформации научной мысли. Если совещание 4 мая 1932 г. зафиксировало внутренний кризис роста и «неувязки» в планировании, то встречи 1934 г. с представителями ВООМП, ЛенЗОС и ГОМЗ показали, что ГОИ успешно преодолел роль замкнутого академического учреждения. Институт превратился в еди-

ный научно-производственный комплекс. В 2026 г. этот опыт интеграции науки и заводов рассматривается как один из первых успешных примеров создания полной технологической цепочки.

Разделение тематики на «спецфонд» и «культурно-промышленные» работы, зафиксированное в стенограммах, определило вектор развития ГОИ на десятилетия. Оборонный заказ стал не только бременем, но и мощным ресурсом: именно под задачи спецфонда институт получал дефицитное оборудование и новые корпуса, что в итоге поднимало общий технологический уровень и гражданских разработок.

Диалог между «триумvirатом» и директорами заводов сформировал уникальную культуру ответственности. Стенограммы показывают, что успех 1930-х гг. держался на культуре прямого обсуждения проблем. Научная мысль не просто выдавала формулы – она адаптировала их под «крик» заводского цеха о браке и нехватке приборов.

К концу 1930-х гг., согласно изученным материалам, ГОИ подошел в статусе безоговорочного лидера отрасли. Стенограммы этого десятилетия зеркалят процесс обретения оптического суверенитета: от полной зависимости от немецкого стекла и приборов «Карл Цейс» в 1930 г. до способности самостоятельно проектировать и выпускать сложнейшие системы к 1939-му.

Этот период стал «закалкой» перед самым суровым испытанием. Та управленческая модель и те связи с заводами, которые так мучительно согласовывались в кабинетах директоров ГОИ, стали тем фундаментом, который позволил институту в 1941 г. не просто выжить в эвакуации, но и стать «глазами» воюющей страны.

Переход к 1940-м гг. в источниковедческом плане отмечен парадоксальным явлени-

¹⁵ Стенограмма совещания научно-технического актива института о выполнении плана работ за 1938 год // ЦГАНТД СПб. Ф. Р-169. Оп. 13. Д. 420. Л. 3.

ем. Если предвоенное десятилетие оставило нам многотомные, детальные стенограммы дискуссий, то период с 1941 по 1945 г. характеризуется практически полным отсутствием стенографических материалов. Это «молчание» архива само по себе является мощной характеристикой эпохи.

Анализ причин отсутствия стенограмм в годы войны позволяет выделить несколько факторов: во-первых, в условиях эвакуации в Йошкар-Олу и работы над заказами Главного артиллерийского управления (ГАУ) и Военно-воздушных сил (ВВС), ведение подробных стенограмм живой речи стало невозможным из соображений безопасности. Дискуссии сменились короткими, сухими протоколами решений, не допускавшими интерпретаций. Во-вторых, двухзвенная система управления «директор – лаборатория», внедренная В. А. Тихомировым в 1937 г., в военное время достигла апогея. Решения принимались «у станка» или «у вычислительного стола», а дистанция между идеей и чертежом сократилась до часов. На ведение многочасовых стенографических записей и их последующую расшифровку просто не оставалось ни времени, ни ресурсов. В-третьих, в Йошкар-Оле ГОИ превратился в гигантское конструкторское бюро. Научная мысль из плоскости «обмена мнениями» окончательно перешла в плоскость «выдачи продукта».

Несмотря на отсутствие стенограмм, результаты работы института в этот период (создание новых типов танковых прицелов, аэрофотообъективов и приборов ночного видения) доказывают, что структурная закладка 1930-х гг. выдержала испытание. Та самая «живая связь» с заводами ГОМЗ и ЛенЗОС, о которой так много спорили в 1934-м, в 1942-м превратилась в ежедневную совместную работу ученых и мастеров в неотапливаемых цехах эвакуации.

Таким образом, отсутствие стенограмм военного времени – это свидетельство предельной концентрации. Научная мысль ГОИ не исчезла – она воплотилась в металл и стекло, обеспечив фронт «глазами», превосходящими лучшие образцы противника.

Возвращение к практике широких публичных обсуждений в послевоенный период ознаменовалось поиском новой идентичности института. Осень 1946 г. вернула в залы ГОИ живую, масштабную дискуссию. Стенограмма общеинститутского собрания от 11 октября 1946 г. стала одним из первых проектирований будущего в новых геополитических условиях.

Центральной фигурой этого обсуждения стал директор ГОИ Дмитрий Павлович Чехматаев. Его доклад был посвящен не просто восстановлению лабораторий, а качественному скачку научной мысли. В стенограмме зафиксирован его программный призыв к коллективу: «Сегодня я имею возможность довести до Вашего сведения основное содержание постановления Правительства, подписанное товарищем Сталиным “О дальнейшем развитии Государственного Ордена Ленина Оптического института Министерства Вооружения”. Наше время – это время исключительного технического прогресса во всех областях человеческой деятельности, обусловленного более широким, всесторонним использованием научных достижений в промышленности, сельском хозяйстве; организации труда, а в нашем государстве и в организации самого государства. Давно отошли в область предания времена, когда наука была достоянием университетов и там личным делом, побочным занятием профессоров и преподавателей того времени, основной профессией которых являлось именно преподавание¹⁶.

Выступление руководства института на октябрьском собрании 1946 г. оформляло

¹⁶ Доклад директора института Д. П. Чехматаева на общеинститутском собрании о будущем развитии института. 1946 год. Общий отдел // ЦГАНТД СПб. Ф. 169. Оп. 14. Д. 554. Л. 1.

новую философию существования науки в послевоенном мире. В стенограмме зафиксирован момент окончательного признания того, что научная мысль перестала быть уделом одиночек и стала мощной индустриальной силой. Обобщая этот исторический сдвиг, в дискуссии прозвучал важнейший тезис, определивший роль ГОИ в структуре страны: «В наши времена научная работа является основной профессией большого числа лиц, объединенных в крупных научных учреждениях, которые являются основной необходимой частью государственного промышленного и хозяйственного аппарата. Эти научные учреждения являются главнейшим средством активного преобразования процессов производства и природы.

Иначе говоря, в наше время наука является одним из главнейших орудий государства в деле организации и развития общественного производства. Она развивается, организуется, планируется, направляется и используется исходя из этих потребностей организации и развития производительных сил общественного производства. В капиталистических странах наука и ученые принуждены служить в интересах капиталистов. У нас в стране она служит и должна служить интересам народа, исполнению планов нашего государства, направленных на развитие народного хозяйства, в интересах всего народа, на укрепление обороны страны, для защиты этих интересов. Следует привести слова президента США Рузвельта о советской науке: «Главная цель советской науки не в повышении прибыли, а в благоустройстве трудящихся. Основное принципиальное отличие советской науки от других стран не только в особенностях технических методов, сколько в полном со-

единении с социальной жизнью» (Слова в обзоре научно-исследовательских работ США в июне 1941 г.)¹⁷.

Осознание масштаба задач в послевоенный период сопровождалось в стенограммах 1946 г. глубокой рефлексией об уникальности места института в государственной системе. В выступлении директора ГОИ Д. П. Чехматаева звучала гордость за тот универсализм, который удалось сохранить и приумножить за годы испытаний. В стенограмме зафиксировано программное утверждение исключительного статуса организации: «Наш институт является единственным институтом в нашей стране, научная деятельность которого протекает в очень широкой многосторонней области науки – оптике, значение которой для многих областей производства и деятельности человека очень велико. Он связан и возглавляет в научном отношении не менее широкую область производства по существу своему обязанную быть связанной с очень многими отраслями промышленности и обороны нашей страны. Он может и должен развиваться, если он будет непосредственно связан с этими отраслями и будет работать в этих отраслях. Свои функции в полной мере он будет исполнять, если станет крупным, хорошо оборудованным научным учреждением и, как всякое современное научное учреждение, будет иметь свои собственные экспериментальные и производственные и опытные базы, где можно будет доработать и довести до конца любую идею, новую мысль и новые предложения»¹⁸.

Завершая программное выступление 11 октября 1946 г., Д. П. Чехматаев перевел дискуссию из области достижений в плоскость конкретного планирования. Стенограмма сохранила перечень предстоящих

¹⁷ Доклад директора института Д. П. Чехматаева на общеинститутском собрании о будущем развитии института. 1946 год. Общий отдел // ЦГАНТД СПб. Ф. 169. Оп. 14. Д. 554. Л. 2, 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

задач, которые должны были определить облик советской оптики на десятилетия вперед: «Во-первых, закончить план работ 1946 года. Полная мобилизация всех сил. Во-вторых, наметить перспективный план работ и план работ 1947 года. Здесь необходимо проявить большую инициативу и призвать чувство ответственности для того, чтобы найти нужные задачи, вытекающие из закона о пятилетнем плане развития, из роли нашей научной области для страны, ее хозяйства и обороны. Нам не к лицу стоять на точке зрения: дайте задания – мы исполним. Нам дано большое и в то же время ответственное право находить самим эти задачи. Каждый должен основательно разобраться в тех новых путях, которые указаны в законе о пятилетнем плане для народного хозяйства нашей страны. Разумеется, для этого нужно прежде всего очень хорошо знать этот закон. Сама профессия наша обязывает нас в нашей стране, – где наука освобождена от необходимости служить частному интересу и является основой самого государства и развития его, – найти место и определить свою роль в громадных задачах этого всенародного дела»¹⁹.

Чехматаев продолжил: «Обеспечивая улучшение материального положения научных работников, развитие самих научных учреждений, наше Правительство безусловно рассчитывает на то, что эти народные средства будут эффективно использованы и дадут нужный эффект. Никто не имеет права рассматривать это как благодеяние, оказываемое по каким-то поводам. Каждому необходимо с лихвой окупить эти затраты»²⁰.

Четвертая задача касалась кадрового обеспечения института. Прежде всего речь шла о научной самокритике, исключаящей

вопросы личной связи, нежелание обидеть товарища и т. д. Директор ГОИ обращал внимание «на одно положение, начинающее принимать хронические формы, в силу которого некоторые работники рассматривать свою деятельность в Институте, как сугубо личное дело, как средство для достижения определенного положения»²¹.

Таким образом, директор давал понять: «Забудьте о личных интересах и свободном поиске. Институт – это не клуб по интересам, а оборонный цех». Слово «хронический» означало, что директор видит в академическом индивидуализме «болезнь», которую пора лечить радикально. Это был сигнал: «Либо вы встраиваетесь в общую систему плановой экономики, либо система избавится от вас как от вредного элемента».

Заключение

Анализ стенографических материалов Государственного оптического института за период с 1930-х до середины 1940-х гг. позволяет по-новому взглянуть на историю советского «технологического чуда». Стенограмма как исторический источник оказалась уникальным зеркалом, запечатлевшим не только итоговый триумф, но и живую, порой болезненную динамику научной мысли.

Проделанный нами путь – от «неувязок» и дефицита кадров в 1932 г., через мучительный поиск «живой связи» с ВООМП в 1934-м и ликвидацию посреднического БООП, до жесткой двухзвенной структуры 1937 г. – демонстрирует процесс рождения уникальной управленческой модели. Мы увидели, как под влиянием внешних угроз и приказов НКТП институт трансформировался из академического центра в мощный оборонный штаб.

¹⁹ Доклад директора института Д. П. Чехматаева на общеплановом собрании о будущем развитии института. 1946 год. Общий отдел // ЦГАНТД СПб. Ф. 169. Оп. 14. Д. 554. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 9.

В 2026 г., когда вопросы технологического суверенитета вновь выходят на первый план, опыт ГОИ, зафиксированный на пожелтевших листах стенограмм, остается бесценным уроком. Он учит нас тому, что

за каждой линзой и каждым прибором стоит не только формула, но и выверенная система управления, способная превратить смелую научную мысль в фундамент национальной безопасности и промышленного величия.

Список источников

1. Белозеров А. Ф. Оптика России. Очерки истории и развития. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. Т. 1. 604 с.
2. Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний / лит. запись Ж. В. Таратуты. М.: Политиздат, 1988. 398 с.
3. Очерк научной биографии Государственного оптического института им. С. И. Вавилова (к 100-летию со дня основания) // Оптический журнал. 2018. Т. 85, № 11. С. 4–7.
4. Рождественский Д. С. Собрание трудов. М.; Л., 1949. 727 с.
5. Царевский Е. Н. Общий очерк истории Государственного оптического института // Оптический институт им. С. И. Вавилова (Ленинград). 50 лет Государственного оптического института им. С. И. Вавилова (1918–1968): сб. ст. Л., 1968.

References

1. Belozerov A. F. Optics of Russia. Essays on History and Development. Kazan: Center for Innovative Technologies, 2012. Vol. 1. 604 p. (In Russ.)
2. Novikov V. N. On the Eve and in the Days of Trials. lit. record by Zh. V. Taratuta. Moscow: Politizdat, 1988. 398 p. (In Russ.)
3. Essay on the scientific biography of the State Optical Institute named after S. I. Vavilov (on the 100th anniversary of its foundation). *Opticheskij zhurnal* = Optical Journal. 2018. Vol. 85, No. 11. P. 4–7. (In Russ.)
4. Rozhdestvensky D. S. Collected Works. Moscow; Leningrad, 1949. 727 p. (In Russ.)
5. Tsarevsky E. N. General Essay on the History of the State Optical Institute. S. I. Vavilov Optical Institute (Leningrad). 50 Years of the S. I. Vavilov State Optical Institute (1918–1968): Collection of Articles. Leningrad, 1. (In Russ.)

Поступила 20.01.2026.

Сведения об авторах

Арсентьев Николай Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Мордовия, главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия), главный редактор журналов «Экономическая история», «Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования». Сфера научных интересов: социально-экономическая история России конца XVIII – начала XX в., информационные технологии в исторической науке. Автор около 300 научных публикаций, в том числе 19 монографий, 30 учебников и учебных пособий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Слудных Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, генеральный директор АО «Производственное объединение ОУМЗ имени Э. С. Яламова» (Екатеринбург, Россия). Сфера научных интересов: проблемы социально-экономической истории России XX в., история оптико-механической промышленности России XIX–XX вв. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Аверьянова Екатерина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – социально-экономическая история России XX в. Автор 8 научных публикаций, в том числе соавтор 3 монографий. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-8295>.

E-mail: averyanova-morm@mail.ru

Submitted 20.01.2026.

About the authors

Nikolay M. Arsenyev – Corresponding Member, the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Chief Scientific Officer, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Honored Scientist of the Republic of Mordovia, Editor-in-chief of the journals “Russian Journal of Economic History”, “Russian Journal of the Humanities”. Research interests: socio-economic history of Russia at the end of the 18th – early 20th century, information technology in historical science. The author of more than 300 scientific publications, including 19 monographs, 30 textbooks and manuals. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4565-1360>.

E-mail: direktor_isi@bk.ru

Anatoly V. Sludnyh – Cand. Sci. (History), Director, Ural Optical and Mechanical Plant (Ekaterinburg, Russia). His research interests include problems of the economic history of Russia, the history of the optical and mechanical industry. Research interests: problems of economic history of Russia, history of the optical and mechanical industry. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6045-5862>.

E-mail: sludnichav1982@inbox.ru

Ekaterina A. Averyanova – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer at the Department of Russian History, National Research Ogarev State University (Saransk, Russia). Research interests: socio-economic Russia of the XX century. Author of 9 scientific publications, including co-author of 3 monographs. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-8295>.

E-mail: averyanova-morm@mail.ru

*Д. А. Ивочкин¹, Ф. Д. Крохин²**Смоленская Православная Духовная Семинария (Смоленск, Россия),**¹ e-mail: idar78@mail.ru**² e-mail: supernwell@yandex.ru*

Смоленское Одигитриевское братство: религиозный и просветительский аспекты деятельности в первые годы советской власти

Аннотация

Введение. В данной статье рассматривается формирование и деятельность смоленского Одигитриевского братства – уникального феномена в церковной жизни Смоленщины 1918–1921 гг. Цель статьи заключается в анализе причин возникновения братства, его устава, целей и задач деятельности. Рассматривается вопрос о внутренних противоречиях среди членов братства и внутривнутриполитической борьбе среди них. Анализируется вопрос о практической реализации задач Одигитриевского братства, т. е. его реальной деятельности.

Материалы и методы. Исследование базируется на неопубликованных материалах Государственного архива Смоленской области. В качестве методологической концепции исследования выбран системный подход, который акцентирует внимание на отдельных элементах обозначенной проблематики во взаимосвязи и воздействии на них внешних условий. В статье используются общеисторические методы – проблемно-хронологический и историко-генетический. Исследование выстроено на основе предложенной авторами системы епархиальной жизни «архиерей – духовенство – прихожане».

Результаты исследования. Впервые в региональной историографии рассмотрена деятельность епархиального братства, возникшего после Октябрьской революции 1917 г. Несмотря на имевшийся у духовенства опыт работы в дореволюционном епархиальном Авраамиевском братстве, новая организация отличалась поставленными перед ней задачами. Если до революции духовенство обращало внимание на народное просвещение, то новое братство, всячески подчеркивая свое отличие от Авраамиевского братства, своей целью имело в первую очередь сохранение Успенского кафедрального собора и его святыни – Одигитрии, во вторую – участие в религиозной жизни Смоленска (просвещение, избрание епископа).

Обсуждение и заключение. Одигитриевское братство представляло собой уникальное явление в церковной жизни Смоленской области. Созданное в 1918 г. в качестве органа управления Успенским кафедральным собором, оно впоследствии трансформировалось в церковную структуру общегородского масштаба. В 1920 г. братство столкнулось с внутренними разногласиями, которые, однако, не помешали ему продолжить свою деятельность и расширить ее в 1921 г. Несмотря на свою основную задачу по сохранению Успенского собора и его главной святыни – Смоленской иконы Богоматери «Одигитрия», братство активно участвовало в общественно-политических и внутрицерковных процессах, происходивших в городе.

Ключевые слова: православная церковь в XX в., Смоленская епархия, Одигитриевское братство, духовенство, приходской совет, устав братства.

Для цитирования: *Ивочкин Д. А., Крохин Ф. Д.* Смоленское Одигитриевское братство: религиозный и просветительский аспекты деятельности в первые годы советской власти // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 39–51. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.039-051.

© Ивочкин Д. А., Крохин Ф. Д., 2026

Demyan A. Ivochkin¹, Philip D. Krokhin²

Smolensk Orthodox Theological Seminary (Smolensk, Russia),

¹ e-mail: idar78@mail.ru² e-mail: supernwell@yandex.ru

Smolensk Hodegetria Brotherhood: Religious and Educational Aspects of Activity in the Early Years of Soviet Power

Abstract

Introduction. This article examines the formation and activities of the Smolensk Hodegetria Brotherhood – a unique phenomenon in the church life of Smolensk in 1918–1921. The purpose of the article is to analyze the causes of the emergence of the brotherhood, its charter, goals and objectives of activity. The issue of internal contradictions among the members of the brotherhood and the internal political struggle among them is considered. The issue of the practical implementation of the tasks of the Hodegetria Brotherhood, i.e. its real activity, is analyzed.

Materials and Methods. The study is based on unpublished materials from the State Archives of the Smolensk Region. The study uses a systematic approach as its methodological concept, which focuses on the individual elements of the problem in relation to each other and the impact of external conditions on them. The article employs general historical methods, such as the problem-chronological and historical-genetic methods. The study is based on the authors' proposed system of diocesan life, which includes the bishop, the clergy, and the parishioners.

Results. For the first time in regional historiography, the activities of the diocesan brotherhood that emerged after the October Revolution of 1917 are examined. Despite the clergy's experience in the pre-revolutionary diocesan Abrahamian Brotherhood, the new organization differed in its objectives. While the clergy paid attention to public education before the revolution, the new brotherhood, emphasizing its differences from the Abrahamian Brotherhood, aimed primarily to preserve the Assumption Cathedral and its shrine, the Hodegetria, and to participate in the religious life of Smolensk (education and the election of a bishop).

Discussion and Conclusion. The Hodegetria Brotherhood was a unique phenomenon in the church life of the Smolensk region. Established in 1918 as a governing body for the Assumption Cathedral, it later transformed into a church structure of citywide significance. In 1920, the brotherhood faced internal disagreements, which did not prevent it from continuing its activities and expanding them in 1921. Despite its primary objective of preserving the Dormition Cathedral and its main shrine, the Smolensk Icon of the Mother of God Hodegetria the brotherhood actively participated in the social, political, and ecclesiastical processes taking place in the city.

Keywords: Orthodox Church in the 20th century, Smolensk Diocese, the Hodegetria Brotherhood, clergy, parish council, and the brotherhood charter.

For citation: Ivochkin D.A., Krokhin P. D. Smolensk Hodegetria Brotherhood: Religious and Educational Aspects of Activity in the Early Years of Soviet Power. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 39–51. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.039-051.

Введение

Современные исследователи большое внимание уделяют православным братствам, действовавшим в епархиях Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в., завершая свои исследования 1917–1918 гг., т. е. периодом, когда

в России кардинально изменилась социально-политическая ситуация и отношение к религии [3–8]. Деятельность православных братств, возникших после Октябрьской революции, остается недостаточно изученной, а работ, посвященных церковным братствам Смоленской епархии рас-

сма­три­вае­мо­го пе­ри­о­да, не име­ет­ся. Дан­ная ста­тья приз­ва­на вос­пол­нить со­от­вет­ст­вую­щий про­бел.

Ма­те­ри­а­лы и ме­то­ды

Ис­то­ри­че­ский ана­лиз про­вин­ци­аль­ной е­пар­хии, ка­ко­вой яв­ля­лась Смо­лен­ская е­пар­хия, пред­по­ла­га­ет вы­яв­ле­ние осо­бен­но­стей об­щес­твен­но-ре­ли­ги­оз­ной де­я­тель­но­сти, а так­же со­вре­мен­ной взвешен­ной оцен­ки про­ис­ходив­ших со­бы­тий. Ис­сле­до­ва­ние ре­ги­о­наль­ной цер­ков­ной ис­то­рии осу­ществ­ле­но в си­сте­ме «е­пар­хи­аль­ный ар­хи­е­рей – ду­ховен­ство – пра­во­слав­ная па­ства». В дан­ной ра­бо­те при­ме­не­ны прин­ци­пы ис­то­ри­зма, си­сте­м­но­сти, объ­ек­тив­но­сти, ко­то­рые под­раз­у­ме­ва­ют изу­че­ние об­щес­твен­ных яв­ле­ний в их кон­крет­но-ис­то­ри­че­ской обу­слов­лен­но­сти и раз­ви­тию, а так­же от­но­ше­ние к объ­ек­ту и пред­ме­ту как к це­лост­ным функ­ци­о­ни­ру­ю­щим и эво­лю­ци­о­ни­ру­ю­щим струк­ту­рам с мно­го­об­раз­ны­ми внут­рен­ни­ми и внеш­ни­ми свя­зя­ми.

Целостное представление о состоянии региональных субъектов епархий можно сформировать только на основе введения в его контекст источников по истории той или иной епархии – делопроизводственных материалов из архивных фондов центральных и региональных архивов. Настоящее исследование базируется на документах, хранящихся в фонде Государственного архива Смоленской области № 219 «Смоленский Успенский кафедральный собор»¹. Основной массив материалов названного фонда (48 дел из 49) сформирован в 1854–1903 гг., и лишь последнее дело – «Постановления Губернского исполнительного комитета, журналы чрезвычайного съезда духовенства, заседаний совета братства, протоколы общих собраний братства, ведомости

о приходе и остатке денежных сумм кафедрального собора» – датировано 14 апреля 1917 – 23 апреля 1920 г. Однако документы о деятельности братства в названном деле крайними датами имеют 1918–1921 гг. Ма­те­ри­а­лы ча­стич­но на­пи­са­ны от ру­ки, ча­стич­но – от­пе­ча­та­ны на ма­шин­ке.

Ре­зуль­та­ты ис­сле­до­ва­ния

В 1918 г. в Смоленске было организовано Смоленское соборное Пресвятой Богородицы Одигитрии братство (Одигитриевское братство). Относительно причин возникновения, выдвинутого его членами, можно выделить две версии.

Во-первых, учреждению нового братства способствовало закрытие братства во имя преподобного Авраамия Смоленского, действовавшего на территории Смоленской епархии в 1885–1918 гг. [6]. По мнению М. И. Чистякова, председателя совета Одигитриевского братства, Авраамиевское братство нерадиво относилось к своим обязанностям: «Но как теперь, так и раньше, и при существовании братства, пасомые и пастыри были разделены между собою непроходимой пропастью: паства искала “добрых пастырей” и не находила... Но пастырей эта статистика не интересовала: они делали свои земные дела»². С наступлением 1918 г., после издания Декрета «Об отделении церкви от государства»³, церковь перестала пользоваться государственным протекторатом и была предоставлена сама себе.

Данный факт, по свидетельству М. И. Чистякова, открыл пастырям глаза на назревавшее веками отчуждение священников и народа⁴. Чтобы продолжить дело братства в подлинном духе православного объединения, было сформировано Одигитриевское братство⁵.

¹ ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 219. Оп. 1. Д. 49.

² Там же. Л. 13.

³ См.: Конфессиональная политика Временного правительства России: сб. док. М., 2018. С. 116.

⁴ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 13.

⁵ Там же.

Во-вторых, по версии протоиерея Леонида Смирнова, секретаря совета Одигитриевского братства, новая организация никоим образом не была связана с существовавшим ей Авраамиевским братством. В своих возражениях относительно тезисов М. И. Чистякова он писал: «Никакой преемственности между двумя этими братствами не было, нет, и не может быть»⁶.

В ходе исследования удалось установить, что инициатором создания братства выступил епископ Вяземский Макарий (Гневушев). М. И. Чистяков, секретарь совета братства, утверждал, что идея формирования братства принадлежала именно пресвященному Макарию: «Не отцу Леониду Смирнову принадлежит почин организации этого братства, а совершенно незнакомому до того времени смолянам высоко религиозному, искренне верующему в Бога, одаренному ораторским талантом епископу Макарию, прибывшему в Смоленск перед 2 февраля 1918 г.»⁷. Далее Чистяков описывал данный процесс: «Этот архипастырь своим святительским прозорливым оком, больше чем все смоленские пастыри и архипастыри, вкуче взятые, увидел, что, если не объединить верующих около храмов Божьих, не укрепить веру их, то надо обречь церкви Божьи и их членов на погибель»⁸.

Первое заседание братства «Одигитрии» состоялось 6 февраля 1918 г. Проходило оно в залах покоев архиепископа Феодосия (Феодосиева), о чем свидетельствуют протоколы заседания⁹. Одним из первых решений стала разработка устава братства и регламент деятельности. Представляется возможным и необходимым разобрать его более подробно.

В качестве своей цели члены заседания постановили, что целями и задачами братства являлись следующие направления:

1) забота о целостности и сохранности смоленского Успенского кафедрального собора – памятника высокохудожественной ценности и исторического значения прошлого России и чудотворной иконы Богоматери «Одигитрия», как великой святыни не только Смоленска и его собора, но и всего государства;

2) забота о содержании собора и чудотворной иконы в приличествующем святыням благолепии;

3) забота о возвышении и поддержании внешней обстановки богослужения в соборе, как главном храме епархии и кафедре епископа;

4) забота о благочинии и порядке в храме во время совершения в нем богослужений;

5) забота о поддержании архиерейского хора и введении общего пения во время богослужений¹⁰.

Вскоре после учреждения братства его члены обратились в отдел юстиции Смоленского губисполкома с просьбой передать в бессрочное бесплатное пользование два богослужебных здания кафедрального собора (большой Успенский холодный и малый теплый Богоявленский), а также здания находящихся при соборе церквей – Предтеченской и Апостольской (в архиерейском доме) с богослужебными предметами¹¹.

Деятельность братства, несмотря на изначальные заявления об ограничении сферы их деятельности сугубо Успенским кафедральным собором и иконой «Одигитрии»

⁶ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 52.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Л. 140.

трия», выходила за пределы данной сферы. На первом заседании, помимо попечения о соборе и его главной святыне, были поставлены цели просветительского характера, а именно:

1) через проведение в народные массы сознания высоты и истинности православной веры и ее значения в жизни русского народа;

2) через религиозно-нравственное воспитание подрастающего поколения¹².

Кроме того, братство ставило перед собой и благотворительные цели:

1) оказание помощи бедным жителям города, в особенности вдовам и сиротам, бедным детям, лишенным возможности посещать школы;

2) определение нуждающихся в благотворительных учреждениях;

3) помощь в изыскании занятий и заработка;

4) помощь бедным перед праздниками Пасхи и Рождества Христова;

5) оказание взаимной поддержки «братчикам» во всех обстоятельствах жизни¹³.

Согласно уставу братства, его состав был не ограничен по числу участников. Из числа членов избирался совет в составе 12 чел., а также избиралось 8 членов в кандидаты совета¹⁴.

Братство не предполагало дискриминации по отношению к действующим и будущим «братчикам»: членом братства мог стать любой желающий, вне зависимости от пола, происхождения и национальности¹⁵. Единственное условие, которое выдвигалось участникам, – обязательная

принадлежность к православному вероисповеданию¹⁶.

Желающие вступить в братство должны были получить письменную рекомендацию от трех других членов братства с положительными отзывами. После этого на совете мог быть поднят вопрос о принятии того или иного человека в члены братства. Впрочем, совет мог инициировать подобную процедуру и без рекомендаций, по своему усмотрению¹⁷.

В уставе братства содержался пункт, согласно которому в состав братства входило по одному члену от каждого приходского совета всех церквей Смоленска¹⁸. Данный факт позволяет утверждать, что братство носило не единичный, а общегородской характер, поскольку объединяло все храмы для реализации своих задач.

Формирование и открытие братства было благожелательно встречено церковным начальством. Так, архиепископ Феодосий (Феодосиев) в своей резолюции отметил: «Чрезмерно радуюсь об образовании братства Пресвятой Богородицы при смоленском кафедральном соборе. В виду воздвигнутого гонения на Церковь Христову да будет это братство крепким союзом в вере и любви, способным стать на защиту Церкви Божией и укротить злобу безбожных гонителей. Призываю Божие благословение на всех, вступивших в члены братства»¹⁹.

В 1920 г. среди членов Одигитриевского братства начались определенные нестроения. Их причиной послужило принятие на собрании братства 3 апреля 1920 г. нового устава, поданного в Облесползап (Областной исполнительный комитет Западной

¹² ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 3 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 53 об.

¹⁵ Там же. Л. 3 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 3.

области и фронта). Данный устав был зарегистрирован еще в 1918 г., после требования местных властей поставить на учет все религиозные общины города согласно советскому законодательству о религиозных объединениях. При активном участии протоиерея Леонида Смирнова данный устав был составлен и зарегистрирован²⁰. Вплоть до 1920 г. документ оставался уставом братства сугубо формально, а само братство руководствовалось уставом, утвержденным Священным Собором Православной Российской Церкви²¹.

23 апреля 1920 г. совет братства организовал внеочередное собрание, на котором председатель совета М. И. Чистяков поставил вопрос о том, чтобы братство полностью перешло на устав, представленный Облисползапу²². М. И. Чистяков аргументировал необходимость перехода тем, что ранее руководствовался обоими уставами, что создавало значительные препоны в деле управления братством. По итогу собрания Оидигтриевское братство перешло на новый устав, с чем был категорически не согласен протоиерей Леонид Смирнов, который вместе двумя другими членами братства высказался против нововведений²³. Несмотря на попытку М. И. Чистякова приписать голосование за переход на устав Облисползапа единогласно, Смирнов потребовал, чтобы в протоколе заседания была сделана пометка «принято большинством голосов», и заявил, что свое несогласие изложит в письменном виде²⁴.

17 мая протоиерей Леонид Смирнов представил свое несогласие с новой политикой совета братства в рапорте, адресован-

ном на имя смоленского епископа Филиппа (Ставицкого). В своем рапорте протоиерей отмечал ряд грубых нарушений, в ходе которых руководство братством перешло к М. И. Чистякову. Так, протоиерей указывал на неправильность выбора на должности председателя совета и секретаря совета М. И. Чистякова и Н. Д. Голенкина соответственно. Леонид Смирнов утверждал, что на заседании 6 мая 1920 г. был поставлен вопрос об окончании полномочий членов совета братства. В ходе заседания было решено, что срок их полномочий считался оконченным²⁵. Однако количество присутствовавших было столь мало, что, когда зашел вопрос об избрании новых членов совета, монахиня Нафанаила, не найдя каких-либо достойных кандидатов, покинула заседание. Член братства Журов, смотря ей вслед, саркастически пошутил, сказав: «Пошла на улицу членов собирать»²⁶.

Закончил рапорт отец Леонид своими доводами в пользу незаконности сложившейся ситуации. Он констатировал, что параграфы 60 и в особенности 62 давали ему право, как исполняющему обязанности настоятеля кафедрального собора, представлять на усмотрение епархиального начальства о постановлениях собрания, явно нарушающих законы или церковные правила, в срок не позже семи дней. Пользуясь этим, он считал необходимым доложить о следующих нарушениях, произошедших на общих собраниях 1/28 марта и 23 апреля / 6 мая 1920 г. Вкратце претензии Смирнова заключались в том, что М. И. Чистяков, намеренно переменив первоначальный устав на устав Облисползапа, узурпировал власть в братстве²⁷.

²⁰ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 8 об.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 10.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 11.

Рапорт был доведен до канцелярии епископа Филиппа (Ставицкого). Владыка, ознакомившись с ним, поставил на нем следующую резолюцию: «6/19 мая 1920 г. Прошу председателя общего собрания братства М. И. Чистякова представить мне объяснение по всем затрагиваемым в сем рапорте протоиерея Л. Смирнова пунктам»²⁸.

14 июня 1920 г. последовал ответный рапорт председателя совета братства М. И. Чистякова, в котором он изложил контраргументы против нападок протоиерея Леонида Смирнова. М. И. Чистяков в начале своего рапорта подчеркивал, что изначально Одигитриевское братство не имело никакого устава и не желало его иметь. Подобное желание исходило из того, что первые учредители братства желали «сберечь для своей души то, что для нее было самое дорогое – это свою православную религию и ее таинства и обряды»²⁹. Необходимость иметь единый устав возникла лишь после требования властей утвердить устав, соответствующий новым требованиям. Особо М. И. Чистяков подчеркивал, что вплоть до недавнего времени отца Леонида вовсе не беспокоил тот факт, что долгое время братство возглавлялось людьми, не являющимися настоятелями собора³⁰.

Неизвестно, какой была реакция епископа Филиппа на доводы М. И. Чистякова. Однако на основании того, что спустя некоторое время протоиерей Леонид Смирнов составил новый рапорт, направленный против аргументов М. И. Чистякова, стоит полагать, что архиепископ Филипп остался на стороне председателя совета.

Анализ данного рапорта позволил установить, что адресован он был не епископу Филиппу, а, скорее всего, Патриарху Московскому Тихону (Беллаину)³¹. Косвенно данное соображение подтверждает и тот факт, что епископ Филипп упоминается в нем в третьем лице, причем не всегда в положительном контексте. Считается уместным привести несколько примеров.

1. «Все вместе взятое объясняет, что совет братства настоящего состава, утвержденный преосвященным епископом Филиппом, в своей деятельности уклонился с прямого церковного пути»³².

2. «Не может выносить М. И. Чистяков и почитатели владыки Филиппа того обстоятельства, что братство при соборе было открыто моими стараниями»³³.

3. «Я интересовался этой цифрой участников собрания, ведь на них были мобилизованы все лучшие силы приверженцев владыки Филиппа»³⁴.

Вскоре епископу Филиппу пришло письмо из Священного синода, подписанное неким членом Синода (возможно, секретарем) монахом Евсевием³⁵. Священный Синод встал на сторону протоиерея Леонида Смирнова, а потому постановил выполнить следующие его требования³⁶.

Во-первых, епископу Филиппу (Ставицкому) надлежало принять меры к разрешению противоречий между членами братства и установлению законного порядка в деле управления кафедральным собором, о чем по завершении рапортовать лично патриарху Тихону (Беллаину).

²⁸ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.

²⁹ Там же. Л. 14.

³⁰ Там же. Л. 16.

³¹ Там же. Л. 55.

³² Там же. Л. 52.

³³ Там же. Л. 53.

³⁴ Там же. Л. 54.

³⁵ Там же. Л. 55 об.

³⁶ Там же. Л. 55–55 об.

Во-вторых, разъяснить смоленскому епархиальному начальству, что в случае действительных неудобств управления делами собора при действующих правилах о бесприходных соборах и при наличии у соборного братства особого устава вопрос об установлении надлежащего порядка управления соборными делами при участии братства подлежит разрешению на законных, для решения вопросов относительно изменений в уставе, основаниях³⁷.

Дошедшие документы позволили установить следующую картину произошедшего после постановления Священного синода. Поскольку Синод выступил на стороне протоиерея Леонида Смирнова, должность председателя совета братства досталась именно ему, как исполняющему обязанности настоятеля Успенского собора³⁸. Преосвященный Филипп вскоре снял его с должности настоятеля собора и назначил на эту должность протоиерея Дмитрия Ширяева³⁹. В результате последний занял должность председателя совета Одигитриевского братства. Братство официально стало существовать как орган управления бесприходным Успенским собором⁴⁰.

После утраты своей должности протоиерей Леонид Смирнов продолжил вносить раздор в работу братства как органа управления собором.

Протоиерей Дмитрий Ширяев жаловался владыке Филиппу, что в его служебную неделю отец Леонид, как ключарь собора, намеренно открывал собор гораздо позже установленного времени,

заставляя Ширяева и прихожан стоять на холоде. На какие-либо просьбы передать ключи Смирнов отвечал категорическим отказом и требовал, чтобы ключи хранились только у него⁴¹.

Находясь в помещении жертвенника Успенского собора, протоиерей Леонид Смирнов называл членов братства во всеулышание «мерзавцами», а также позволял себе иные упреки и грубые оскорбления в их адрес⁴².

Также Смирнов регулярно обвинял членов братства в бездействии и небрежности по отношению к Успенскому собору⁴³, в том числе постоянно клеветал на членов братства архиерею⁴⁴.

Причиной подобных нестроений стало желание отца Леонида заполучить вновь должность председателя совета братства. В частности, протоиерей Дмитрий Ширяев в докладе епископу Филиппу (Ставицкому) отмечал, что «о. Смирнов, состоя председателем совета братства и в течение нескольких месяцев вовсе не созывая его, распорядился денежными средствами собора, как хотел, и, однако же, не позаботился ни о застеклении соборных окон, ни об исправлении дверных ручек и затянул это дело до осени, всячески тормозя, в тоже время, вступление нового совета в исполнение своих обязанностей»⁴⁵.

Более того, после смещения протоиерея Леонида Смирнова с должности братство не могло получить необходимые документы: приходо-расходные книги, денежный отчет за несколько месяцев, протокол сове-

³⁷ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 55 об.

³⁸ Там же. Л. 84 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 83 об.

⁴² Там же. Л. 82.

⁴³ Там же. Л. 81.

⁴⁴ Там же. Л. 81 об.

⁴⁵ Там же.

та, опись соборного имущества, несмотря ни на официальное письменное обращение к нему совета, ни на частые убеждения его отдельных членов⁴⁶. Протоиерей Дмитрий Ширяев настаивал, что должность председателя совета нужна была Смирнову сугубо в целях личного обогащения и казнокрадства⁴⁷.

Чем закончилось это трение среди членов братства, установить достоверно не удалось. Однако на основании того факта, что протоиерей Леонид Смирнов на 18 мая 1921 г. значился в протоколах совета братства заключенным под стражу уже значительное время⁴⁸, можно предполагать, что в связи с его арестом нестроения в братстве прекратились.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о деятельности братства. Мы уже описывали цели и задачи братства в начале данной статьи. Возникает вопрос: каким образом эти цели и задачи реализовывались на практике? По этому вопросу источники сохранили весьма ценные сведения.

Так, епископ Филипп (Ставицкий) в начале сентября 1920 г. просил братство застеклить разбитые окна собора в срочном порядке⁴⁹. Также он обращал внимание братства на то, что у дверей Успенского собора оторваны ручки и их необходимо починить⁵⁰. Члены братства долгое время не могли выполнить поручение владыки по той причине, что в Смоленске на тот момент было крайне тяжело раздобыть ка-

кие-либо строительные материалы⁵¹. Пытаясь их найти, совет братства обращался с просьбой в Смоленское потребительское общество о выделении оконного стекла на нужды собора⁵². Также совет ходатайствовал о выделении перед Смолгубтопом гарного масла⁵³. Говоря о трудности сложившегося положения, протоиерей Дмитрий Ширяев указывал владыке Филиппу на тот факт, что многие здания в Смоленске стоят полуразрушенными и многие окна в городе вовсе заколочены досками⁵⁴.

Несмотря на тяжелое положение, в 1921 г. братству удалось добыть половину ящика оконного стекла и 1 пуд мела⁵⁵. 16 августа 1921 г. совет братства на собрании постановил: просить Смоленский художественный подотдел ходатайствовать перед губснабом об отпуске для собора 25 пудов кровельного железа, 2 пудов масла, 1 пуда стекла и 20 фунтов железного сурика⁵⁶. Какими были ответы этих организаций на просьбу братства, установить не удалось.

В ведении братства находились также вопросы финансирования. Этому есть следующие подтверждения.

Во-первых, 18 мая 1921 г. состоялось заседание совета. Одним из пунктов повестки числился вопрос о правильности составления смет. В ходе голосования совет постановил, что сметы были составлены правильно⁵⁷.

Во-вторых, на этом же заседании поднимался вопрос о выдаче пособия членам

⁴⁶ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 82 об. – 83.

⁴⁷ Там же. Л. 83.

⁴⁸ Там же. Л. 113.

⁴⁹ Там же. Л. 81.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 83 об.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 81 об.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 119.

⁵⁷ Там же. Л. 113.

причта кафедрального собора. Совет братства в ходе голосования постановил выдать пособие протоиерею Леониду Смирнову, протоиерею Дмитрию Ширяеву, протодиакону И. Цупрову и диакону Н. Соколову – по 80 тыс. руб. каждому; двум монахиням, звонарю Карповичу и иеродиакону Иларию – по 40 тыс. руб. каждому; всего выдать 480 тыс. руб.⁵⁸

В-третьих, на первом заседании братства 6 февраля 1918 г., после доклада по этому вопросу отца протоиерея Смирнова, объяснений самого отца Михаила Лебедева и прений, собрание большинством голосов признало справедливым уплатить бывшему священнику собора и регенту хора отцу Михаилу Лебедеву жалование за два месяца, а также произвести окончательный расчет с бывшим хором отца Михаила Лебедева в размере 540 тыс. руб. в месяц.⁵⁹

Деятельность братства не ограничивалась рамками непосредственно Успенского кафедрального собора. Так, 25 мая 1921 г. к братству обратился игумен смоленского Авраамиевского монастыря Мартирий с просьбой ходатайствовать перед музейным управлением подотдела народного образования о передаче в ведомство Одигитриевского братства икон и верхнего иконостаса монастыря, оставшихся нетронутыми после закрытия обители, имеющих художественную ценность⁶⁰. Просьба отца Мартирия разбиралась на заседании совета братства 18 мая 1921 г. В ходе голосования было принято решение: «Иконостас взять, относительно перевозочных средств обратиться к заведующему монастырем. Ведение переговоров поручить Николаю Андреевичу Русакову»⁶¹. Впослед-

ствии данный иконостас передали в Успенскую церковь с. Любавичи Руднянского района Смоленской области [1, с. 127–128].

Совет Одигитриевского братства не оставлял без внимания просветительскую деятельность, нацеленную на смолян. В мае 1921 г. член братства Петр Черкасов предложил совету устраивать просветительские собрания для народа, на которых бы выступали проповедники с разъяснением текстов Священного Писания. Свое предложение Черкасов объяснял тем, что в обществе возникло религиозное невежество вследствие недостаточной постановки основ вероучения в дореволюционной школе. В качестве примера он привел опыт храма Христа Спасителя в Москве, который еще в 1918 г. приступил к устройству таких собраний, которые проходили почти ежедневно, обычно в вечерние часы, привлекая сотни людей. Таким образом, каждый священник собора имел определенные дни для своих бесед и у каждого из них образовался кружок слушателей. Подобные мероприятия организовывались и при смоленской Никольской церкви. Петр Черкасов выразил надежду, что Одигитриевское братство, располагая подготовленными кадрами и необходимыми средствами, могло бы сделать «еще больше в этом отношении, и что совет братства не оставит заявления без рассмотрения»⁶².

Одигитриевское братство осуществляло и благотворительную деятельность. Так, в 1922 г. братство собирало хлеб для голодающих беженцев⁶³. Помимо этого, братство смогло собрать для беженцев порядка 12 млн руб.⁶⁴ Несмотря на внушительный размер данной суммы, она была куда ниже

⁵⁸ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 113.

⁵⁹ Там же. Л. 7.

⁶⁰ Там же. Л. 114.

⁶¹ Там же. Л. 113.

⁶² Там же. Л. 156–157.

⁶³ Там же. Л. 115.

⁶⁴ Там же. Л. 159.

ожидаемой. Так, если в 1917 г. на момент Октябрьской революции 1 долл. США стоил 10–11 руб. [9, с. 391], то на момент 1921 г. 1 долл. США стоил уже 1 389 руб.⁶⁵ Таким образом, братство смогло собрать для беженцев сумму, эквивалентную 95 238 руб. дореволюционной России. Братство ходатайствовало перед Смоленским комитетом Помгола о разрешении на распоряжение этими средствами по своему усмотрению для закупки продуктов питания и раздачи этих средств проходящим через Смоленск беженцам⁶⁶.

Одигитриевское братство также активно участвовало во внутриепархиальной политике. В 1920 г. братство рассылало по церквям листовки, призывая приходские советы принять участие в грядущих выборах архиерея для Смоленской кафедры⁶⁷. В качестве своего кандидата совет братства представлял епископа Вяземского Филиппа (Ставицкого)⁶⁸. Эту позицию совет аргументировал тем, что «за время управления Смоленской епархией своей неутомимой деятельностью, проповеданием слова Божия, собеседованиями, занятиями с детьми, любовно-внимательным отношением к нуждам смоленской паствы, епископ Филипп сумел снискать общую любовь и уважение не только православных города Смоленска, но и его уезда»⁶⁹.

Провести народные выборы управляющего епархией в Смоленске не удалось. Не все приходские общины желали видеть своим архиереем преосвященного Филиппа. Так, 7 ноября 1920 г. заседание приходского совета бывшего Вознесенского монастыря

постановило не присоединяться к ходатайству Одигитриевского братства.

«Из полученной бумаги совет общины усматривает, что Его Преосвященство заслужил особое право на занятие вышеуказанной кафедры в Смоленске своей неутомимой деятельностью во всех отношениях, вследствие чего снискал себе общую любовь и уважение не только православных города Смоленска, но и его уезда. К величайшему нашему пригорю, Его Преосвященство, епископ Филипп, проявив необычайную деятельность и любовь к гражданам города Смоленска и его уезда, до сего времени, к нашей верующей Вознесенской церковно-приходской общине во главе с причтом, не только не изъявил должного внимания к ее нуждам и объединению, но всеми способами и поступками старается выразить свою не только недоброжелательность к ней, но и крайне непонятную и нежелательную враждебность»⁷⁰.

18 октября 1920 г. Смоленский епархиальный совет постановил: рапортовать в Священный синод о том, что выборы архиерея на Смоленщине провести не представляется возможным, и просил Синод самостоятельно назначить епископа на Смоленскую кафедру⁷¹. Впоследствии, 29 декабря 1920 г., совет братства, в дополнение к поданному им патриарху Тихону (Беллавину) ходатайству о назначении на свободную Смоленскую кафедру управляющего Смоленской епархией епископа Вяземского Филиппа (Ставицкого) [2, с. 200], представлял ему новые полученные им полномочия от церковных общин епархии⁷².

⁶⁵ См.: Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 128.

⁶⁶ ГАСО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 159.

⁶⁷ Там же. Л. 160–160 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 155–155 об.

⁷¹ Там же. Л. 161.

⁷² Там же.

Заключение

Можно утверждать, что Одигитриевское братство явилось уникальным событием в церковной жизни Смоленщины в первые годы советской власти. Возникнув как орган управления смоленским Успенским кафедральным собором в 1918 г., оно впоследствии переросло в церковную структуру общегородского масштаба. Будучи отя-

гощено внутренними распрями в 1920 г., братство смогло терпеливо их перенести и расширить свою деятельность в 1921 г. Несмотря на свою основную задачу по сохранению Успенского собора и его главной святыни – Смоленской иконы Богоматери «Одигитрия», братство не оставалось безучастным к внутриполитическим и внутрицерковным событиям города.

Список источников

1. *Востриков Н. Г., Вострикова В. Г.* Любавичи. История, тайны, реальность. Смоленск, 2012.
2. *Гавриленков А. Ф.* К вопросу об изъятии церковных ценностей в Смоленской губернии в 1922 году // *Теологический Вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии*. 2021. № 4. С. 198–208.
3. *Гажва И. А.* Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Владимирской и Костромской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008.
4. *Дорофеев Ф. А.* Эволюция православных братств Руси/России: опыт конкретно-исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1998.
5. *Золотов Н. С.* К истории деятельности православных братств в Российской империи конца XIX в. (на примере Братства преподобного Авраамия, чудотворца Смоленского) // *Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии*. 2023. № 4. С. 112–120.
6. *Ивочкин Д. А.* Вклад братства преподобного Авраамия в развитие просвещения в Смоленской губернии. (Из опыта просветительской деятельности Русской Православной Церкви в провинции во второй половине XIX в.) // *Наука и школа*. 2010. № 1. С. 121–124.
7. *Носова Т. А.* Православные братства Вологодской епархии в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2006.
8. *Трофименко В. Г.* Возникновение и деятельность православных церковных братств на Европейском Севере России в 1864–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2010.
9. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.-Л.; 1957. Ч. 2.

References

1. *Vostrikov N. G., Vostrikova V. G.* Lyubavichi. History, Secrets, Reality. Smolensk, 2012. (In Russ.)
2. *Gavrilentov A. F.* On the Issue of the Seizure of Church Valuables in the Smolensk Province in 1922. *Teologicheskij Vestnik Smolenskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii* = Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2021. No. 4. P. 198–208. (In Russ.)
3. *Gazhva I. A.* Religious and Educational Activities of the Orthodox Brotherhoods of Central Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: Based on the Materials of the Vladimir and Kostroma Provinces: PhD Thesis in History. Ivanovo, 2008. (In Russ.)
4. *Dorofeev F. A.* The Evolution of the Orthodox Brotherhoods of Rus/Russia: A Case Study in History: PhD Thesis in History. Nizhny Novgorod, 1998. (In Russ.)
5. *Zolotov N. S.* To the history of the activities of Orthodox brotherhoods in the Russian Empire of the late 19th century. (on the example of the Brotherhood of St. Abraham, the Wonderworker of Smolensk). *Teologicheskij vestnik Smolenskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii* = Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2023. No. 4(21). P. 112–120. (In Russ.)
6. *Ivochkin D. A.* The contribution of the Brotherhood of St. Abraham to the development of education in Smolensk. (From the experience of the educational activities of the Russian Orthodox Church in the provinces in the second half of the 19th century). *Nauka i shkola* = Science and School. (In Russ.)

7. *Nosova T. A.* Orthodox Brotherhoods of the Vologda Diocese in the Late 19th and Early 20th Centuries: PhD Thesis in History. Vologda, 2006. (In Russ.)
8. *Trofimenko V. G.* Emergence and Activities of Orthodox Church Brotherhoods in the European North of Russia in 1864–1918: PhD Thesis in History. Arkhangelsk, 2010. (In Russ.)
9. The Economic Situation in Russia on the Eve of the Great October Socialist Revolution. 2. Moscow; Leningrad, 1957. (In Russ.)

Поступила 21.12.2025.

Сведения об авторах

Ивочкин Демьян Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской Православной Духовной Семинарии (Смоленск, Россия). Сфера научных интересов: история Русской православной церкви, история Смоленщины. Автор более 150 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4032-618X>.

E-mail: idar78@mail.ru

Крохин Филипп Дмитриевич – магистр теологии, соискатель кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской Православной Духовной Семинарии (Смоленск, Россия). Сфера научных интересов: история Русской православной церкви, история Смоленщины.

E-mail: supernwell@yandex.ru

Submitted 21.12.2025.

About the authors

Demyan A. Ivochkin – Doc. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Theological and Church-Historical Disciplines, Smolensk Orthodox Theological Seminary (Smolensk, Russia). Research interests: history of the Russian Orthodox Church, history of Smolensk. Author of more than 150 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4032-618X>.

E-mail: idar78@mail.ru

Phipp D. Krokhin – Master Student (Theology), Applicant of the Department of Theological and Church-Historical Disciplines, Smolensk Orthodox Theological Seminary (Smolensk, Russia). Research interests: History of the Russian Orthodox Church, History of Smolensk.

E-mail: supernwell@yandex.ru

«Сталин думает о нас»: философско-политический подтекст культуры празднования Нового года в СССР в 1930–1950-е гг.

Аннотация

Введение. Статья посвящена комплексному философско-культурному анализу советской новогодней традиции 1930–1950-х гг. как особого символического механизма производства социального смысла, коллективной идентичности и нормативных ожиданий будущего в условиях атеистического государства; в фокусе исследования находится феномен Нового года как календарного праздника, который был институционально легитимирован советской властью в качестве сакрального времени и который в силу этого стал пространством формирования элементов гражданской религии, подменившей собой вытесненную традиционную конфессиональную систему.

Цель статьи заключается в выявлении философско-политического подтекста новогодних ритуалов, образов и нарративов, а также в анализе процессов сакрализации власти через праздничную культуру, ориентированную прежде всего на детство и семейную повседневность.

Материалы и методы. В качестве эмпирического материала используются тексты периодической печати, визуальные источники, художественные произведения, отражающие практику празднования Нового года в советском обществе.

Результаты исследования. В статье показано, что в новогоднем дискурсе фигура И. В. Сталина приобретает функции светского Деда Мороза, «отца народов» и гаранта исторического будущего, а Кремль конструируется как сакральный центр, откуда исходит забота, защита и обещание благополучия.

Обсуждение и заключение. Делается вывод, что советский Новый год выступал устойчивым элементом гражданской религии СССР, обеспечивая воспроизводство символического порядка, эмоциональное принятие власти и формирование специфического типа антропологической установки на ожидание чуда, связанного с государством. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях философии культуры, политической мифологии и советской повседневности.

Ключевые слова: Новый год, СССР, гражданская религия, советская праздничная культура, И. В. Сталин, философская антропология, символическая политика.

Для цитирования: Грицай Л. А. «Сталин думает о нас»: философско-политический подтекст культуры празднования Нового года в СССР в 1930–1950-е гг. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 52–64. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.052-064.

Lyudmila A. Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia)

e-mail: usan82@gmail.com

“Stalin Thinks of Us”: the Philosophical and Political Subtext of New Year Celebrations in the USSR, 1930s–1950s

Abstract

Introduction. This article is devoted to a comprehensive philosophical and cultural analysis of the Soviet New Year tradition of the 1930s–1950s as a unique symbolic mechanism for producing social meaning, collective identity, and normative expectations for the future within an atheist state. The study focuses on the phenomenon of New Year as a calendrical holiday, institutionally legitimized by Soviet authorities as sacred time, which consequently became a space for the formation of elements of civic religion, replacing the displaced traditional confessional system. The article aims to identify the philosophical and political subtext of New Year rituals, imagery, and narratives, as well as to analyze the processes of sacralizing state power through festive culture, primarily oriented toward childhood and family life.

Materials and Methods. Empirical material includes texts from periodical publications, visual sources, and literary works reflecting practices of New Year celebrations in Soviet society.

Results. The study demonstrates that, within the New Year discourse, the figure of Stalin assumes the functions of a secular Father Frost, the Father of the Nation, and a guarantor of the historical future, while the Kremlin is constructed as a sacred center from which care, protection, and the promise of well-being emanate.

Discussion and Conclusion. The article concludes that the Soviet New Year functioned as a stable element of civic religion in the USSR, ensuring the reproduction of symbolic order, emotional acceptance of state power, and the formation of a specific type of anthropological orientation toward the expectation of a miracle associated with the state. These findings may be applied in further research on cultural philosophy, political mythology, and Soviet everyday life.

Keywords: New Year, USSR, civic religion, Soviet festive culture, Stalin, philosophical anthropology, symbolic politics.

For citation: *Gritsai L. A. “Stalin Thinks of Us”: the Philosophical and Political Subtext of New Year Celebrations in the USSR, 1930s–1950s. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 52–64. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.0265.202601.052-064.*

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью философского осмысления советской праздничной культуры как одного из ключевых инструментов формирования антропологического типа личности в условиях идеологически организованного общества, где именно повседневные практики становились носителями глубинных мировоззренческих

установок. Именно Новый год в данном контексте представляет собой особый исследовательский объект, поскольку он оказался единственным массовым праздником, который был не только сохранен, но и целенаправленно сконструирован и насыщен сакральными смыслами в рамках официально атеистического проекта.

Проблема исследования заключается в выявлении механизмов, посредством кото-

рых новогодний праздник выполнял функцию символического посредника между государством и частной жизнью человека.

Цель статьи состоит в философско-культурном анализе новогодних ритуалов и символов как средств сакрализации власти и формирования коллективных ожиданий, а задачами исследования являются реконструкция происхождения ключевых образов, интерпретация визуальных и текстовых источников и выявление антропологических эффектов праздничной культуры.

Обзор литературы

В работах С. Б. Адоньевой Новый год рассматривается как уникальное сакральное время, ратифицированное общественным атеистическим порядком и апеллирующее к архаическим формам мышления [1]. У М. Рольфа советские праздники анализируются как средство политической мобилизации и символического воздействия. Б. В. Куприянов и А. А. Порохова акцентируют внимание на трансформации детского новогоднего опыта и его влиянии на повседневную жизнь нескольких поколений [5]. Т. А. Круглова и Н. В. Саврас исследуют семиотику и сказочность новогоднего ритуала [4]. Л. В. Лебедева и Т. Б. Митина рассматривают праздничную культуру как элемент идеологической политики и инструмент вытеснения религиозного мировоззрения [6; 7]. Вместе с тем философско-антропологическое измерение Нового года как формы гражданской религии, в рамках которой сакрализуется фигура политического лидера и конструируется образ будущего, остается недостаточно разработанным.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарная стратегия, объединяющая философскую антропологию, философию культуры, элементы политической теологии и семиотический анализ, что позволяет рассматривать новогодний праздник как целостную символическую си-

стему. Используются методы герменевтической интерпретации текстов периодической печати и художественных произведений, визуальный анализ иллюстративных источников, сравнительный анализ рождественской и советской новогодней традиции, а также дискурс-анализ официальных и массовых нарративов, выявляющий способы репрезентации власти, времени и будущего; особое внимание уделяется реконструкции мифоритуальных структур, лежащих в основе новогоднего сценария, и их адаптации к условиям идеологического государства.

Результаты исследования

Отказ Советского государства от традиционной религии как легитимного источника сакральных смыслов не привел к исчезновению религиозного измерения общественной жизни. Напротив, он обусловил формирование специфической системы символов, ритуалов и ценностей, которые в совокупности могут быть интерпретированы как форма гражданской религии, в том смысле, в каком необходимость гражданской веры для устойчивости гражданского общества была обозначена еще Ж.-Ж. Руссо, а в XX в. концептуализирована Р. Беллой применительно к анализу американской политической культуры [9; 12]. В рамках данной теоретической перспективы гражданская религия понимается как особый символический порядок, в котором государство выступает носителем сакрализованной исторической миссии, а коллективные ритуалы и праздники функционируют как механизмы воспроизводства надличностных ценностей, обеспечивающих политическую лояльность и экзистенциальную укорененность субъекта в социальном целом, что позволяет экстраполировать данный аналитический инструментарий на исследование советской культурной политики 1930–1950-х гг.

В советском контексте отказ от религиозного календаря сопровождался актив-

ным поиском новых форм сакрального времени, и именно Новый год, как считает С. Б. Адоньева, оказался «единственной датой, которая ратифицировалась общественным атеистическим порядком как сакральное время, время чуда» [1, с. 370], что делает его ключевым объектом философско-культурного анализа. При этом в первые 15 лет советской власти Новый год официально не считался праздником, а праздничные практики носили фрагментарный и экспериментальный характер, что, по замечанию Т. Б. Митиной, отражало общее стремление власти трансформировать народные торжества в инструмент политической пропаганды и идеологической мобилизации [7, с. 147], поэтому в 1920-е гг. новогодние мероприятия часто представляли собой регламентированные собрания с докладами на актуальные социально-политические темы, дополненные элементами художественной самодеятельности, где главными героями становились красноармейцы, комсомольцы и рабочие, а религиозная символика сознательно вытеснялась или переосмысливалась в духе революционного нарратива [2, с. 29].

Решающим моментом институционализации советского Нового года стала публикация в конце 1935 г. статьи П. П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку», которая, по справедливому замечанию И. Ханиповой, фактически приобрела характер директивы и положила начало разработке стандартизированного детского новогоднего ритуала, строго регламентированного инструкциями органов власти [11, с. 226]: с этого момента Новый год начинает оформляться как централизованный государственный праздник, кульминацией которого становятся кремлевские елки, впервые проведенные после длительного перерыва в 1935 г., а в январе 1937 г. окончательно закрепляется дуэт Деда Мороза и Снегурочки как канонических персонажей советской праздничной мифологии.

Символическая структура советского Нового года формировалась путем сложного синтеза элементов дореволюционной рождественской традиции и новых идеологических смыслов, что позволяет говорить о сознательном конструировании светского аналога религиозного праздника, встроенного в систему государственной гражданской религии: как подчеркивает Т. А. Круглова, в этом ритуале сосуществуют архаические, традиционалистские и социалистические значения, а сама структура детского праздника становится матрицей и для взрослого празднования, временно превращая всех участников в «детей», верящих в чудо и обновление [4, с. 10]. В условиях атеистического государства идея чуда не исчезает, а переводится в символический регистр, где чудесное связывается с ожиданием светлого будущего, непрерывного улучшения жизни и исторического прогресса, что полностью соответствует логике гражданской религии, описанной Р. Беллой как система сакрализованных коллективных ожиданий [12].

Особое место в этом символическом комплексе занимают фигуры Деда Мороза и Снегурочки, происхождение которых, как указывает С. Б. Адоньева, восходит к литературным источникам XIX в., прежде всего к поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» и пьесе А. Н. Островского «Снегурочка». При этом именно советская культурная политика превратила этих персонажей в массовые и устойчивые образы, встроенные в государственный ритуал [1, с. 382]. Елка, интерпретируемая в европейской традиции как образ мирового древа, также была переосмыслена в советском ключе, сохранив форму, но изменив содержание, поскольку ее украшение наполняется новыми знаками, отражающими сакрализацию советского культурного проекта.

Материальные атрибуты праздника, такие как красные звезды, красные шары с

гербами и другими советскими символами, фигурки красноармейцев, пионеров, рабочих, изображения заводов, тракторов и дирижаблей, а также открытки, стихи и песни, прославляющие И. В. Сталина как заботливого «отца народов», выполняли функцию визуальных и вербальных символов государственной религии, в которой политическая власть наделялась чертами высшего морального начала. Анализ визуальной культуры новогодних украшений, проведенный А. А. Санниковой и В. Д. Бересневым, убедительно показывает, что внешний облик игрушек и праздничной атрибутики прямо зависел от идеологических установок государства и служил инструментом трансляции нормативных ценностей [10, с. 379]. В этом контексте новогодняя елка превращалась в своего рода алтарь светской веры, где сакральное присутствие государства становилось зримым и осязаемым [3, с. 23].

Важно отметить, что дореволюционный Новый год и Рождество не являлись по-настоящему массовыми праздниками и в значительной степени ассоциировались с городскими, прежде всего дворянскими, семьями, тогда как крестьянскому населению эти практики были во многом чужды, что облегчило их последующую трансформацию и идеологическое переосмысление в советский период. Эмиграция или социальная маргинализация носителей старых праздничных традиций создала культурный вакуум, который был заполнен новым государственным ритуалом, ориентированным прежде всего на детей и семью, но насыщенным отчетливым политическим подтекстом.

Как полагает Б. В. Куприянов на материале воспоминаний о советском детстве, именно Новый год стал ключевым событием годового цикла, оказавшим долговременное влияние на повседневную жизнь нескольких поколений, формируя устойчивую модель коллективного переживания

времени и истории [5, с. 180]. В этом смысле показателен и феномен, зафиксированный в источниках середины XX в., когда Дед Мороз в своих обращениях к детям рассказывал о производственных достижениях страны, количестве выплавленной стали и перспективах дальнейшего роста, что наглядно демонстрирует сращение мифологического и идеологического дискурсов в рамках одного ритуального действия.

Таким образом, опираясь на выводы С. Б. Адоньевой о мифоритуальной природе новогодней традиции, на анализ политизации праздников у И. Ханиповой, а также на исследования советской праздничной культуры как инструмента идеологической социализации у Л. В. Лебедевой и Т. Б. Митиной, можно утверждать, что советский Новый год в 1930–1950-е гг. представляет собой яркий пример функционирования гражданской религии, в рамках которой государство, отвергая традиционную религию, создало собственную систему сакральных символов, ритуалов и ожиданий, направленных на формирование коллективной веры в светлое будущее, ценности коллективизма, идею счастливого детства и возможность чуда, укорененного не в трансцендентном Боге, а в сакрализованной истории и политическом проекте СССР.

Анализ символических атрибутов советского Нового года в 1930–1950-е гг. позволяет рассматривать данный праздник как сложный культурно-политический конструкт, в котором элементы дореволюционной рождественской традиции были целенаправленно переосмыслены, переработаны и включены в новую систему смыслов, соответствующую логике советской гражданской религии и идеологического проекта государства. При этом символический язык Нового года формировался не стихийно, а в рамках нормативной культурной политики, направленной на создание сакрализованного пространства светского

праздника, способного заменить вытесненное Рождество и одновременно выполнять функции идеологической социализации, эмоциональной мобилизации и воспроизводства коллективной идентичности.

Центральное место в этом символическом комплексе занимал образ Деда Мороза, который, восходя к фольклорным и литературным источникам XIX в., в советском контексте утрачивает амбивалентность и мифологическую угрозу, превращаясь в исключительно позитивную фигуру, наделенную функциями дарителя, покровителя детей и медиатора между государством и семьей, поэтому его появление в ритуальном пространстве елки символизировало не сверхъестественное вмешательство трансцендентных сил, а заботу государства о подрастающем поколении. Включение в ритуал Снегурочки окончательно закрепило лишь в конце 1930-х гг., что свидетельствует о сознательном достраивании праздничной мифологии, ориентированной на детское восприятие и эмоциональную полноту ритуала.

Не менее значимым символом являлась елка, происхождение которой связано с северноевропейской христианской традицией и образом мирового древа, соединяющего различные уровни бытия (высший – небесный мир духов, низший – мир мертвых и средний – земной), однако в советской культуре она была лишена религиозного содержания и переосмыслена как универсальный знак обновления, изобилия и коллективной радости. При этом замена Вифлеемской звезды красной пятиконечной звездой представляла собой наглядный акт символического перевода сакрального центра, в котором христианский знак рождения Спасителя уступал место эмблеме советской государственности, армии и партии, тем самым утверждая новый источник высшего смысла и исторического предназначения. Елочные украшения также подверглись

глубокой идеологической трансформации: игрушки в виде рабочих, крестьян, красноармейцев, тракторов, самолетов, дирижаблей, а также шары с изображением планеты или серпа и молота выполняли функцию визуальных репрезентаций советского мифа о труде, прогрессе и глобальной миссии социализма.

Особую роль в структуре праздника играли открытки, плакаты и поздравительные тексты, в которых устойчиво воспроизводились образы счастливых детей, улыбающихся рабочих семей, индустриальных пейзажей и портреты И. В. Сталина, присутствие которого в новогоднем дискурсе создавало эффект символического надзора и заботы. Как отмечает И. Ханипова, новогодние утренники и сценарии праздников отличались высокой степенью политизации, поскольку стихи и песни, исполняемые детьми, прямо прославляли советскую власть и ее лидеров, что превращало праздничное действо в форму мягкой, но устойчивой идеологической индоктринации [11, с. 229]. Проводы старого года и встреча нового приобретали в этом контексте значение символического разрыва с прошлым и одновременно подтверждения непрерывности исторического движения вперед, где каждый следующий год мыслился как этап приближения к светлому будущему, что полностью соответствовало эсхатологической структуре советского проекта.

Принципиально важным элементом новогоднего ритуала стало официальное поздравление руководителей государства и партии, которое, начиная с середины 1930-х гг., все активнее внедрялось в массовое сознание через прессу и радио, выполняя функцию сакрализации политической власти и закрепления ее морального авторитета: эти обращения, адресованные всему народу, формировали ощущение включенности каждого отдельного человека в общее историческое целое и воспроизводили модель

Таблица
Сопоставительный анализ символического ряда
праздника Рождества и советского Нового года /
Table
Comparative Analysis of the Symbolic Series of Christmas and the Soviet New Year

Критерий / Criteria	Рождество в дореволюционной традиции / Christmas in the pre-revolutionary tradition	Новый год в СССР 1930–1950-х гг. / New Year's Eve in the USSR 1930s–1950s
Источник сакральности / Source of sacredness	Христианская вера, рождение Христа / Christian faith, birth of Christ	Государство, партия, светлое социалистическое будущее / State, Party, bright socialist future
Центральный персонаж / Central character	Младенец Христос, святые / Infant Christ, saints	Дед Мороз, Снегурочка, образ лидера / Ded Moroz (Father Frost), Snegurochka (Snow Maiden), image of the leader
Главный символ / Main symbol	Вифлеемская звезда / Star of Bethlehem	Красная пятиконечная звезда / Red five-pointed star
Тип чуда / Type of miracle	Божественное, трансцендентное / Divine, transcendent	Социальное, историческое, символическое / Social, historical, symbolic
Елка / Christmas / New Year tree	Религиозно окрашенный элемент праздника / Religiously colored element of the holiday	Светский символ обновления и изобилия / Secular symbol of renewal and abundance
Елочные украшения / Tree decorations	Ангелы, свечи, библейские мотивы / Angels, candles, biblical motifs	Красные шары, фигурки рабочих, крестьян, техника, звезды / Red balls, figures of workers, peasants, technology, stars
Социальный характер / Social character	Преимущественно семейный, элитарный / Predominantly family, elitist	Массовый, коллективный, детский / Mass, collective, child-oriented
Темпоральный смысл / Temporal meaning	Приход Спасителя, вечность / Coming of the Savior, eternity	Прогресс, движение вперед, новый этап / Progress, movement forward, new stage
Роль власти / Role of authority	Косвенная, через церковь / Indirect, through the church	Прямая, нормативная, регламентирующая / Direct, normative, regulatory
Официальные обращения / Official addresses	Священников, правящих архиереев / From priests, ruling archbishops	Регулярные поздравления руководства / Regular greetings from leadership

коллективного ожидания, в которой частная семейная радость соединялась с государственным нарративом о победах, испытаниях и будущих достижениях [6, с. 132]. Таким образом, Новый год оформлялся как семейный праздник, но при этом оставался глубоко публичным и политически нагруженным, что сближает его по функции с религиозными праздниками традиционного общества.

Для выявления специфики советского Нового года как светского аналога Рождества представляется продуктивным сопо-

ставить эти праздники по ряду ключевых критериев, что позволяет наглядно зафиксировать характер трансформации символического содержания (таблица).

Проведенное сопоставление показывает, что советский Новый год воспроизводил структурные элементы религиозного праздника, сохраняя ритуальную форму, эмоциональную насыщенность и ориентацию на чудо, но наполняя их принципиально иным содержанием, в котором сакральное смещалось из трансцендентной сферы в плоскость истории, политики и коллективного

будущего; именно в этом заключается философско-политический подтекст новогодней культуры СССР, где символы и ритуалы функционировали как инструменты формирования специфической антропологической модели советского человека, одновременно ребенка, гражданина и участника великого исторического проекта.

Анализ первой полосы выпуска газеты «Пионерская правда» от 31 декабря 1946 г. позволяет рассматривать данный номер как кульминационную точку формирования советской новогодней традиции, в которой праздничная символика, политическая мифология и элементы гражданской религии сливаются в единое семиотическое целое, задающее нормативную модель восприятия власти, времени и коллективного будущего. Сам факт обращения детской газеты к столь насыщенной символике указывает на то, что именно детство рассматривалось советской культурой как привилегированное пространство трансляции сакрализованных образов государства и его лидера, а Новый год выступал оптимальным моментом для закрепления этих образов на эмоционально наиболее восприимчивом уровне.

Центральным элементом первой полосы становится крупноформатный рисунок художника Л. М. Смехова, композиционно выстроенный таким образом, что фигура И. В. Сталина в маршальской форме оказывается смысловым и визуальным центром изображения, вокруг которого группируются дети, образующие плотный круг коллективного ожидания и доверия: И. В. Сталин изображен не в динамике политического действия, а в состоянии спокойного, почти созерцательного присутствия, его взгляд

устремлен вдаль, в символическое будущее, что принципиально сближает данный образ с иконографией отцовской фигуры и одновременно с архетипом мудрого покровителя. Важнейшей деталью является то, что дети буквально прилеплены к вождю, прикасаются к его шинели, тянутся к нему руками, что создает эффект телесной близости и подчеркивает его доступность и включенность в частную, семейную сферу.

Особого внимания заслуживает фигура девочки в белой пуховой шапочке, визуаль-но отсылающей к образу Снегурочки, которая традиционно сопровождает Деда Мороза в новогоднем ритуале, поскольку именно через нее осуществляется семиотический мост между сказочной традицией и политической реальностью. Таким образом, И. В. Сталин в данной композиции фактически занимает место Деда Мороза, но при этом сохраняет все атрибуты государствен-

Рисунок. Первая полоса выпуска газеты «Пионерская правда» от 31 декабря 1946 г. /

Figure. The first page of the Pioneer Pravda newspaper issue dated December 31, 1946

ной власти, что свидетельствует о сознательном наложении двух символических ролей и о превращении политического лидера в центральную фигуру праздничного мифа. Ребенок на переднем плане, протягивающий руки в полосатых варежках, усиливает мотив ожидания чуда, однако это чудо мыслится не как трансцендентное, а как социально и политически гарантированное.

Фон изображения также имеет принципиальное значение, поскольку Кремль и Спасская башня образуют устойчивый визуальный контур, намертво сцепленный с фигурой И. В. Сталина, что позволяет рассматривать Кремль не просто как архитектурный объект или государственный символ, но как персонализированное пространство власти, тождественное самому вождю. В данном контексте Кремль выступает в роли сакрального центра, аналога мифологической обители высшей силы, откуда исходит забота, защита и благословение, а потому формула «Новый год в Кремле встречая» приобретает значение ритуального действия, сравнимого с пребыванием божества в храме в момент ключевого календарного перехода.

Текстовое сопровождение изображения, представленное стихотворением С. В. Михалкова «Сталин думает о нас», усиливает и рационализирует визуальный посыл, превращая рисунок в часть целостной символической конструкции.

Новый год! Над мирным краем
Бьют часы двенадцать раз...
Новый год в Кремле встречая,
Сталин думает о нас.

Он желает нам удачи
И здоровья в Новый год,
Чтоб сильнее и богаче
Становился наш народ.

Чтобы взрослые и дети –
Нашей Родины сыны –

Жили лучше всех на свете
И не ведали войны.

Сталин знает неизвестных
Дочерей и сыновей, –
Всех людей прямых и честных,
Верных Родине своей.

Тот плывет на ледоколе,
Этот пробует летать,
Тот еще в начальной школе
Книжки учиться читать.

За горами, за долами,
В кишлаке своем родном,
Мальчик смотрит за стадами –
Сталин знает и о нем.

Даже песню Сталин слышит,
Что в степи пастух поет.
Мальчик Сталину напишет –
Из Кремля ответ придет.

За Уралом, на Байкале,
Ты больной лежишь в избе,
Ты не бойся – знает Сталин,
Помнит Сталин о тебе.

Он пошлет людей надежных,
Чтоб тебя в тайге найти,
Отыскать в глуши таежной
И от гибели спасти.

Новый год! Над мирным краем
Бьют часы двенадцать раз...
Новый год в Кремле встречая,
Сталин думает о нас.

Он желает нам удачи
И здоровья в Новый год,
Чтоб сильнее и богаче
Становился наш народ! [8]

Уже первая строфа задает сакрализован-
ный ритм повествования, в котором удары ча-

сов 12 раз выполняют функцию ритуального маркера перехода времени, аналогичного колокольному звону в религиозной традиции, после чего следует ключевая формула: «Новый год в Кремле встречая, Сталин думает о нас», в которой мысль вождя предстает как универсальный акт заботы, охватывающий все пространство страны. Повторяемость этой формулы в начале и конце стихотворения создает кольцевую композицию, характерную для фольклорных заговоров, молитв и заклинаний, что придает тексту характер квазирелигиозного обращения и усиливает его суггестивный эффект.

Стихотворение последовательно разворачивает образ всеведущего и вездесущего лидера, который знает «неизвестных дочерей и сыновей», слышит песни пастухов, помнит больного в далекой избе и способен направить «людей надежных», чтобы спасти человека от гибели. Здесь отчетливо воспроизводится мотив всевидящего покровителя, структурно сходный с образом божества в традиционных религиях, однако перенесенный в плоскость светской политической мифологии. Фольклорные элементы усиливаются за счет повторов, перечислений и образов пространственной протяженности страны, таких как Урал, Байкал, тайга, степь, что формирует представление о целостном и однородном сакральном пространстве, полностью охваченном вниманием центра.

Характерная надпись на первой полосе «С новым годом, милая Родина! С новым годом, дорогой Иосиф Виссарионович!» окончательно закрепляет архетипическую структуру изображения и текста, в которой Родина и вождь оказываются парными фигурами, соотносимыми с образами божественных Матери и Отца: данная бинарность имеет глубокие антропологические корни и активно используется в символических системах власти, поскольку позволяет одновременно апеллировать к эмоциональной привязанности и к чувству долга,

объединяя интимное и публичное в едином праздничном жесте.

В совокупности визуальный ряд и поэтический текст первой полосы «Пионерской правды» от 31 декабря 1946 г. демонстрируют, что советский Новый год к середине 1940-х гг. окончательно оформился как ритуал гражданской религии, в рамках которого И. В. Сталин выполняет функцию светского Деда Мороза, сакрализованного покровителя и гаранта будущего благополучия. Именно в этой точке праздничная культура перестает быть просто формой досуга или детского развлечения и превращается в инструмент философско-политического конструирования субъекта, для которого ожидание чуда неразрывно связано с фигурой власти, а личное счастье мыслится как производное от ее заботы и всеведения.

Обсуждение и заключение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют рассматривать советский Новый год не просто как календарный праздник или форму культурного досуга, но как особую символическую матрицу, внутри которой осуществлялось воспроизводство фундаментальных оснований советского политического и антропологического порядка, причем именно его кажущаяся аполитичность и ориентация на детство, семью и радость оказывались теми условиями, которые обеспечивали высокую степень эффективности данного ритуала в деле легитимации власти и формирования устойчивых форм коллективной идентичности, поэтому новогодний праздник, будучи встроенным в повседневную жизнь, функционировал как пространство мягкой, но всеобъемлющей идеологической интерпелляции, в рамках которой ребенок усваивал не только нормативные представления о государстве и будущем, но и специфический способ эмоционального отношения к власти как источнику заботы, защиты и гарантированного смысла исторического движения.

Особую роль в данной системе играл образ И. В. Сталина, который в новогоднем дискурсе приобретал черты сакрального посредника между государством и человеком, совмещая в себе функции верховного правителя, всеведущего наблюдателя и дарителя благ, что отчетливо проявляется в визуальных и текстовых источниках конца 1940-х гг., где он оказывается композиционным центром праздничного повествования. В этом контексте фигура И. В. Сталина может быть интерпретирована как трансформация архетипического образа Отца, перенесенного из религиозного воображения в сферу политической мифологии, что позволяет говорить о формировании специфической формы гражданской религии, в которой сакральное не исчезает, а лишь радикально переопределяется, обретая светский, но при этом метафизически нагруженный характер: через новогодний ритуал власть не столько навязывалась, сколько переживалась как естественная и желанная, поскольку она встраивалась в структуру ожидания чуда, обновления и справедливого будущего, что особенно значимо в условиях послевоенного времени, требовавшего компенсации травматического опыта и символического восстановления разрушенного мира.

Не менее важным аспектом является темпоральная структура новогоднего праздника, в которой идея разрыва и преемственности соединяются в особой конфигурации, позволяющей одновременно зафиксировать утрату прошлого и подтвердить устойчивость существующего порядка, поскольку уходящий год интерпретируется как этап, преодоленный усилиями государства и народа, тогда как наступающий год предстает как продолжение уже заданного вектора исторического развития. В этой логике будущее мыслится не как открытая неопределенность, а как гарантированное и заранее санкционированное пространство улучшения, что формирует у субъекта спец-

ифическую антропологическую установку на терпение, ожидание и доверие к исторической миссии государства. Новогодний ритуал, таким образом, не инициирует радикального перехода, но закрепляет циклическое воспроизводство порядка, в рамках которого надежда становится инструментом политической стабильности.

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что новогодний праздник в советской культуре выступал формой символического синтеза частного и публичного, поскольку, с одной стороны, он разыгрывался в пространстве семьи и детского воображения, а с другой – был регламентирован, насыщен официальными образами и транслировал государственные нарративы через открытки, плакаты, тексты поздравлений и публичные ритуалы. Такое наложение сфер создавало эффект тотальности праздничного опыта, при котором идеология переставала восприниматься как внешняя по отношению к человеку сила и становилась частью его интимного жизненного мира. Именно в этом заключается одна из ключевых особенностей советской праздничной культуры, где власть стремилась не столько контролировать поведение, сколько формировать способы чувствования, ожидания и переживания времени.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что культура празднования Нового года в СССР в 1930–1950-е гг. представляла собой сложный философско-антропологический феномен, выполнявший функции символического фундамента советского социального и политического порядка, в рамках которого осуществлялась трансляция ключевых ценностей, моделей идентичности и антропологических установок, обеспечивающих устойчивость идеологической системы. Новый год, ставший единственным сакральным временем в условиях официального атеизма, оказался пространством институционализированной гражданской религии, где через ритуалы,

образы и нарративы происходила сакрализация государства и его лидера, а также формировалось представление о будущем как о морально оправданном и гарантированном результате коллективного исторического движения.

Анализ символических структур новогоднего праздника показывает, что его эффективность была обусловлена обращением к универсальным архетипическим моделям, связанным с детством, чудом, даром и фигурой Отца, что позволяло встроить политическую власть в глубинные слои культурного и эмоционального опыта человека. В этом смысле советский Новый год выступал не просто заменой религиозного Рождества, но его функциональным эквивалентом, адаптированным к условиям идеологического государства и лишенным трансцендентного измерения, однако сохраняющим мифологическую структуру ожидания спасения и обновления.

С философско-антропологической точки зрения данный праздник способствовал формированию особого типа личности, ориентированной на коллективное будущее, доверие к государству и принятие исторической необходимости, что выражалось в готовности соотносить личные ожидания и надежды с официально заданными моделями поведения. Устойчивость новогоднего ритуала и его воспроизводимость в постсоветском культурном пространстве свидетельствуют о глубине заложенных в нем символических механизмов, которые продолжают функционировать даже после утраты первоначального идеологического контекста. Тем самым анализ советского Нового года открывает перспективы дальнейших исследований в области философии культуры, политической мифологии и антропологии власти, позволяя рассматривать праздничные практики как ключевые формы символического производства социального порядка и исторического сознания.

Список источников

1. *Адоньева С. Б.* История современной новогодней традиции // Мифология и повседневность: материалы науч. конф. СПб., 1999. С. 368–388.
2. *Винник А. В.* Возникновение ритуала советских праздников: семиотические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 6. С. 28–31.
3. *Кононов Д. С.* Новый год в советской праздничной культуре: становление современных традиций // Театрализованные формы современной праздничной культуры России: сб. материалов науч. практ. конф. Белгород, 2023. С. 22–26.
4. *Круглова Т. А., Саврас Н. В.* Новый год как праздничный ритуал советской эпохи // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 5–14.
5. *Куприянов Б. В., Порохова А. А.* Трансформация новогоднего праздника в СССР: реконструкция по современным воспоминаниям о советском детстве // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 176–196. DOI: 10.31857/S0869541522030101.
6. *Лебедева Л. В.* Становление советской праздничной культуры // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91–4. С. 131–133. DOI: 10.18411/trnio 11-2022-201.
7. *Митина Т. Б.* Празднование Нового года в 1920–1930 е гг. в СССР // Природно географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2019. Т. 2. С. 146–151.
8. *Михалков С. В.* Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1950. 248 с.
9. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
10. *Санникова А. А., Береснев В. Д.* Новый год по-советски: как идеология формировала праздничные украшения // Мир науки и искусства: сб. ст. по материалам Всерос. науч. практ. конф. Пермь, 2025. С. 377–383.
11. *Ханитова И.* «Да здравствует Новый советский год» (политизация новогодней елки в советской России) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2012. № 3–4. С. 224–232.
12. *Bellah R. N.* Civil Religion in America // Daedalus. 1967. Vol. 96, No. 1. P. 1–21.

References

1. Adon'eva S. B. The history of the modern New Year tradition. *Mifologiya i povsednevnost': materialy nauch. konf.* = Mythology and everyday life: conference proceedings. 1999, P. 368–388. (In Russ.)
2. Vinnik A. V. The Emergence of the Soviet Holidays Ritual: Semiotic Aspects. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya* = Bulletin of Tver State University. Ser.: Philology. 2010. No. 6. P. 28–31. (In Russ.)
3. Kononov D. S. New Year in Soviet festive culture: the formation of modern traditions. In: *Teatralizovannye formy sovremennoi prazdnichnoi kul'tury Rossii: Theatrical forms of modern festive culture in Russia: proceedings of the Regional scientific and practical conference.* Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2023, P. 22–26. (In Russ.)
4. Kruglova T. A., Savras N. V. New Year as a festive ritual of the Soviet era. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* = Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities. 2010; 76(2): 5–14. (In Russ.)
5. Kupriyanov B. V., Porokhova A. A. Transformation of the New Year holiday in the USSR: reconstruction based on contemporary memories of Soviet childhood. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2022; 3: 176–196. DOI 10.31857/S0869541522030101. (In Russ.)
6. Lebedeva L. V. Formation of Soviet festive culture. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* = Trends in the Development of Science and Education. 2022; 91-4: 131–133. DOI 10.18411/trnio 11 2022 201. (In Russ.)
7. Mikhalkov S. V. Selected works. Moscow: Goslitizdat, 1950, 248 p. (In Russ.)
8. Mitina T. B. Celebrating the New Year in the 1920s–1930s in the USSR. In: *Natural and geographical factors in the everyday life of the Russian population: history and modernity: conference proceedings.* Vol. 2. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2019, P. 146–151. (In Russ.)
9. Rousseau J.-J. On the Social Contract. *Treatises / transl. from French.* Moscow: KANON press; Kuchkovo pole, 1998, 416 p. (In Russ.)
10. Sannikova A. A., Beresnev V. D. New Year in the Soviet style: how ideology shaped festive decorations. In: *World of science and art: proceedings of the All Russian scientific and practical conference.* Perm: Perm State National Research University, 2025, P. 377–383. (In Russ.)
11. Vinnik A. V. The emergence of the ritual of Soviet holidays: semiotic aspects. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology.* 2010; 6: 28–31. (In Russ.)
12. Bellah R. N. Civil Religion in America // *Daedalus.* 1967. Vol. 96, No. 1. P. 1–21. (In Eng.)

Поступила 18.12.2025.

Сведения об авторе

Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия). Сфера научных интересов: история культуры, история педагогики, родительская культура. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>.

E-mail: usan82@gmail.com

Submitted 18.12.2025.

About the author

Lyudmila A. Gritsai – Doc. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of Pedagogy, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Yaroslavl, Russia). Research interests: history of culture, history of pedagogy, parental culture. The author of over 250 scientific and educational methodical publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

E-mail: usan82@gmail.com

УДК 130.2:2:316.1

*А. И. Белкин¹, Ж. В. Чашина², Е. А. Хансуварова³*¹ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: alex.i.bel@mail.ru*^{2,3} *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Балахна, Россия)*² *e-mail: chashina.j@yandex.ru*³ *e-mail: Khansuvarova@unn.ru*

Православие в осмыслении и решении глобальных проблем современности

Аннотация

Введение. Отмечено, что определяющей тенденцией развития современного мира является глобализация всех сфер общественной жизни. В этот процесс, несомненно, вовлечены и религиозные организации. В связи с этим поставлена следующая задача: рассмотреть те глобальные проблемы, в анализ и решение которых церковь может внести наиболее значительный вклад: социальную несправедливость, неравенство стартовых возможностей, значительный разрыв в доходах между финансовой верхушкой общества и наиболее бедной частью населения, некоторые аспекты экологической проблемы.

Материалы и методы. Материалами исследования являются статистические данные по глобальным проблемам, содержащиеся в докладах различных международных организаций. Для их изучения были использованы системный анализ, сравнительный анализ, междисциплинарные исследования.

Результаты исследования. Обращено внимание на длительную историю формирования глобальных проблем. Приведены статистические данные, характеризующие рассматриваемые глобальные вызовы с качественной и количественной сторон. Отмечено, что сложность решения глобальных проблем кроется в их тесной взаимосвязи друг с другом. Дана краткая характеристика взглядов зарубежных и российских философов на причины системного кризиса человеческой цивилизации, показана связь их идей как с христианским мировоззрением в целом, так и с позицией Русской православной церкви (РПЦ). Проанализирована точка зрения русского православия о необходимости создания нравственной основы для решения глобальных проблем современности.

Обсуждение и заключение. Обращено внимание на одну из важнейших функций религиозных организаций, полномасштабная реализация которой может внести существенный вклад в формирование методов осмысления и решения глобальных проблем, а именно этическая оценка любого направления деятельности человека и последствий этой деятельности, развенчание культа материальных ценностей и неоязыческих проявлений, выразившихся в создании культа телесных удовольствий в современной западной цивилизации.

Ключевые слова: глобальные проблемы, современная цивилизация, Русская православная церковь, этика, социальное неравенство, нравственные ценности.

Для цитирования: Белкин А. И., Чашина Ж. В., Хансуварова Е. А. Православие в осмыслении и решении глобальных проблем современности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 65–74. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.065-074.

© Белкин А. И., Чашина Ж. В., Хансуварова Е. А., 2026

Aleksey I. Belkin¹, Zhanna V. Chashina², Yevgeniya A. Khansuvarova³

¹ National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: alex.i.bel@mail.ru

^{2,3} Balakhna Branch of the Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky (Balakhna, Russia)

² e-mail: chashina.j@yandex.ru

³ e-mail: Khansuvarova@unn.ru

Orthodoxy in Understanding and Solving the Global Problems of Our Time

Abstract

Introduction. It has been noted that the defining trend in the development of the modern world is the globalization of all spheres of public life. Religious organizations are undoubtedly involved in this process. In this regard, the task is to consider the global issues that the church can contribute to the analysis and resolution of, such as social injustice, inequality in starting opportunities, a significant income gap between the financial elite and the poorest part of the population, and certain aspects of the environmental problem.

Materials and Methods. The study materials include statistical data on global issues contained in reports by various international organizations. The study used systemic analysis, comparative analysis, and interdisciplinary research.

Results. Attention is drawn to the long history of the formation of global problems. Statistical data is provided that characterizes the global challenges under consideration from a qualitative and quantitative perspective. It is noted that the complexity of solving global problems lies in their close relationship with each other. A brief overview of the views of foreign and Russian philosophers on the causes of the systemic crisis of human civilization is provided, and the connection of their ideas with both the Christian worldview in general and the position of the Russian Orthodox Church is shown. The article analyzes the Russian Orthodox Church's view on the need to create a moral foundation for solving global issues of our time.

Discussion and Conclusion. Attention is drawn to one of the most important functions of religious organizations, the full-scale implementation of which can make a significant contribution to the development of methods for understanding and solving global problems, namely, the ethical assessment of any area of human activity and the consequences of that activity, as well as the deconstruction of the cult of material values and neo-pagan manifestations that have led to the creation of a cult of bodily pleasures in modern Western civilization.

Keywords: Global issues, modern civilization, the Russian Orthodox Church, ethics, social inequality, moral values.

For citation: *Belkin A. I., Chashina Zh. V., Khansuvarova Ye. A. Orthodoxy in Understanding and Solving the Global Problems of Our Time. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 65–74. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.065-074.*

Введение

Глобализация всех сфер общественной жизни – это реальность, в которой живет современный мир. Безусловно, в этот процесс вовлечены и религиозные организации. Вне всякого сомнения, они могут внести посильный вклад в осмысление и решение глобальных проблем современ-

ности. Учитывая специфику деятельности религиозных организаций, в частности Русской православной церкви (РПЦ), в данном исследовании мы ставим следующую задачу: рассмотреть те проблемы, в анализ и решение которых церковь может внести наиболее значимый вклад. По нашему мнению, это социальная несправедливость,

неравенство стартовых возможностей, значительный разрыв в доходах между финансовой верхушкой общества (теми, кого принято называть олигархами) и наиболее бедной частью населения, некоторые аспекты экологической проблемы. Следовательно, объектом нашего исследования являются процессы глобализации, происходящие в современном мире; предметом исследования – роль русского православия в системном осмыслении и поисках путей решения глобальных проблем.

Рассматривая отношение РПЦ к проблемам глобализации, начнем с того, что принято называть корнями глобальных проблем. У церкви есть твердое понимание, подкрепленное серьезным анализом общественно-политических процессов, что корни глобальных проблем достаточно глубоки. Эти вызовы современному человечеству, поставившие под угрозу его существование, нельзя считать только порождением XX в. Хотя понятие «глобальные проблемы современности» появилось сравнительно недавно по историческим меркам – на рубеже 60–70-х гг. XX в., – их формирование, вызревание имеет достаточно длительную историю. Так, митрополит Иларион (Алфеев) обращает внимание, что многие из них являются постоянными спутниками человеческой истории. «Однако, – пишет он, – в силу развития науки и техники, с одной стороны, и роста народонаселения, с другой, масштаб этих проблем многократно увеличивается, а информированность о них становится практически повсеместной» [4, с. 13].

Обзор литературы

Исследованию процессов глобализации и глобальных проблем в современном мире посвящена довольно обширная литература. Это и монографии, и научные статьи, и материалы многочисленных конференций. При этом большинство публикаций носят общий характер, исследуя корни глобаль-

ных проблем, их сущностное содержание и поиск путей их решения. Данные аспекты процессов глобализации исследуются чаще всего с философской, политологической, исторической точки зрения. Значительно меньше исследований, в которых анализ глобальных проблем осуществляется с точки зрения различных религиозных конфессий. Если говорить о рассмотрении глобальных проблем с позиций христианского православного мировоззрения, следует отметить, что подобных исследований насчитывается не так много. Данное направление исследований значительно активизировалось после принятия на Архиерейском соборе 2000 г. «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», рассмотревшей основные принципы взаимодействия русского православия с современным миром. Прежде всего укажем на работы общего характера, рассматривающие различные грани глобальных проблем [6; 7; 9]. В рамках предмета нашего исследования интересна публикация К. Ю. Курошевой, посвященная сравнительному анализу социальных доктрин католической церкви и РПЦ [8]. Обратим внимание и на публикации, в которых рассматриваются особенности воспитательного и образовательного процессов в условиях глобализации современного мира [1; 10]. С точки зрения православного мировоззрения в публикациях рассматриваются отдельные глобальные проблемы, чаще всего экологическая [3; 5]. Мало внимания в указанных публикациях уделяется проблемам социального неравенства, девальвации нравственных ценностей в связи с формированием потребительского общества.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили статистические данные, содержащиеся в опубликованных докладах различных международных организаций. Для их анализа был использован комплекс междисци-

плинарных методов, позволивших показать качественные особенности глобальных проблем в сочетании с их количественными характеристиками. В частности, нами были использованы системный анализ, сравнительный анализ, междисциплинарные исследования. Применение системного анализа позволило рассмотреть глобальные проблемы как элементы единой системы, оценить влияние различных процессов глобализации друг на друга. Сравнительный анализ помог сопоставить опыт различных стран и регионов в рассмотрении и решении глобальных проблем. Использование же междисциплинарного подхода позволило осуществить интеграцию знаний различных наук по анализу глобальных вызовов современного человечества.

Результаты исследования

Статистика, раскрывающая масштабы проблем, хорошо известна. Примерно 800 млн чел. на Земле страдают от крайней нищеты и голода, около 60 млн детей младшего школьного возраста не могут посещать школу. Жизнь каждого девятого ребенка находится под угрозой из-за огромного количества вооруженных конфликтов в мире. В мире ежедневно умирает 16 тыс. детей, не дожив до пятилетнего возраста, но, как свидетельствуют эксперты, причины их смерти можно было бы предотвратить. Уровень материнской смертности в развивающихся государствах в 14 раз выше по сравнению с развитыми странами. Около 900 млн чел. в странах Азии, Африки и Латинской Америки проживают в трущобах [12].

Огромен разрыв в доходах между наиболее богатыми и самыми бедными слоями населения. Проведенные в 2015 г. исследования показывают, что доходы 62 чел. из так называемого списка Forbes сопоставимы с доходами 3,6 млрд беднейших жителей планеты (примерно половина населения Земли) [13]. Авторы доклада считают, что причина такого кричащего дисбаланса в

активном использовании налоговых льгот, столь щедро предоставляемых олигархам в офшорных зонах. Исследователи подсчитали, что можно говорить о 7,6 трлн долларов, спрятанных от национального налогообложения в офшорах. Экономисты фиксируют, что сотрудники предприятий получают всё меньшую и меньшую долю от создаваемой ими добавочной стоимости. Доходы на капитал растут большими темпами, чем сама экономика. Эти цифры показывают, что реальная власть находится в руках владельцев транснациональных корпораций. Именно по их указаниям принимаются решения, обеспечивающие беспрецедентный рост капитала, причем отменить их не в силах ни правительства, ни народы. Власть транснациональных корпораций фактически бесконтрольна. Ни одно государство, ни одна международная структура не в состоянии установить такие барьеры, которые эти финансовые и производственные структуры не сумели бы преодолеть.

Серьезным вызовом для человечества является и экологическая проблема, суть которой заключается в нарушении людьми процессов саморегуляции в природе. Интенсивная производственная и природопреобразующая деятельность человека наносит огромный ущерб окружающей среде. За 2010 г., например, на Земле было уничтожено 5,2 млн га леса. Позиция РПЦ по этим вопросам выражена в «Основах социальной концепции». Позже, в 2013 г., Архиерейский собор принял документ под названием «Позиция Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии». Конечно, общее понимание церковью этих проблем строится на христианском мировоззрении, характеризующем природу как дом, созданный Богом для человека. Человек же, как правитель этого дома, должен благоговейно относиться к нему и заботиться о его благополучии. Но, как известно, природа человека греховна.

Тот ущерб, который человек нанес и продолжает наносить окружающей среде, является прямым следствием грехопадения человека. Гораздо интереснее другое: какой путь, опираясь на свое видение мира, церковь может предложить человеческой цивилизации для восстановления баланса между человеком и природой?

С точки зрения православия здесь прежде всего встает вопрос об ограничении человеческих потребностей, точнее, разумном ограничении. Потребительская идеология, работающая (это на сегодняшний день вполне очевидно) против человечества, процветает. Так называемая зона комфорта для определенной части населения Земли расширяется до необъятных масштабов. Прямо пропорционально расширению этой зоны уничтожаются факторы, формирующие стремление к добровольному самоограничению. Человек прибегает к ним лишь в тех случаях, когда возникают серьезные финансовые затруднения либо вследствие проблем со здоровьем по рекомендации, чаще всего настоятельной рекомендации специалистов. Церковь, следуя в данном случае принципам экологического мышления, обращает внимание, что самоограничение – едва ли не единственный способ остановить разрушение природы.

Сложность решения глобальных проблем кроется в их тесной взаимосвязи друг с другом, в том, что, решая одну проблему, мы должны если не решать параллельно другую, то по крайней мере учитывать влияние на нее со стороны других проблем. Исходя из этого становится очевидной связь экологической проблемы с проблемами экономического неблагополучия и социальными проблемами. Как мы указали выше, миллионы людей во всем мире страдают от недоедания, болезней. Эти негативные общественные явления вполне можно характеризовать как следствие загрязнения окружающей среды.

Усугубляет положение девальвация гуманистических ценностей в современном мире. Корни этой проблемы тоже достаточно глубоки. XX в. оказался лишь катализатором этого процесса. Еще Ф. Ницше в конце XIX в., творчество которого, кстати, высоко оценили русские религиозные философы, увидел, что современная ему европейская цивилизация начала активно уничтожать традиционные ценности, тысячелетиями являющиеся основой человеческих взаимоотношений. Воспитание и образование, построенное на новых принципах, извратило человеческую природу. Процветали эгоизм и конформизм, из которых в человеческой душе произрастали мстительность и злоба. Духовность, точнее, то, что от нее осталось, была превращена в скопление низменных инстинктов и интересов. Благородство, широта души, открытость фактически были уничтожены. Исчезла, по мнению философа, и радость бытия. Нормальный человек просто не может существовать в такой атмосфере. Осмыслить это, дать разумное объяснение невозможно, а нежелание принять и подчиниться извращенной реальности приведет, по мнению Ф. Ницше, к тому, что нормальный человек просто сойдет с ума. Вспомним и М. Шелера, также размышлявшего о причинах кризиса европейского общества и европейской культуры. Он прямо указывает, что в основе этого кризиса лежит кризис исповедуемых человеком ценностей.

Отталкиваясь от идеи Ф. Ницше о глубоком кризисе европейской культуры и идеи Л. Н. Толстого о необходимости ее возрождения на путях этического обновления, А. Швейцер делает вывод, что восторжествовавшее в Новое время оптимистическое жизнеутверждающее мировоззрение не получило должной моральной основы. Человеческое мировоззрение было настроено на коренную переделку мира, но при этом лишено укорененной в мышлении этики. Это

породило системный кризис культуры, развившийся прежде всего в господстве материального над духовным, общественного над индивидуальным. В противовес этому А. Швейцер выдвигает принцип благоговения перед жизнью, который в прямом и буквальном его понимании означает: добро есть то, что утверждает жизнь; зло есть то, что разрушает ее.

Основательные предпосылки для этого кризиса, на наш взгляд, были сформированы в XVIII в. в эпоху Просвещения, ярко обозначившую и укрепившую атеистические тенденции, бывшие, впрочем, очевидным следствием ренессансного антропоцентрического мировоззрения, процветавшего в Европе в XIV–XV вв. Извращенная трактовка гуманизма фактически провозгласила неограниченность человеческих интересов и устремлений. Место Бога занял человек. Это привело к формированию секулярного общества, а развитие капиталистических отношений, пронизанных духом потребления и коммерции, приводит к утверждению ценностей предельного индивидуализма (читай: эгоизма). Руководствуясь лишь субъективными предпосылками и отбросив абсолютные системы ценностей, как, впрочем, и понятие Абсолюта в качестве первоосновы своего бытия, человек решает, что для него значимо. Именно из этих субъективных потребностей, подпитанных потребительской идеологией, проистекает культ низменного, телесного. Более того, это низменное и телесное попадает в пространство публичного обсуждения, т. е. из предмета частных, даже интимных, бесед превращается в предмет общественных дискуссий.

Вопрос, который в этих условиях ставит РПЦ, анализируя глобальные проблемы, вполне очевиден и правомерен. К огромному сожалению, он выходит за рамки современного технократического мышления, связывающего решение глобальных проблем лишь с развитием научного знания и

различными техническими усовершенствованиями. Ведь именно на это делается упор в концепциях «устойчивого развития» и «непрерывного роста». Все эти концепции, считает РПЦ, должны быть подкреплены нравственно. «...Высокие темпы экономического роста, – пишет митрополит Илларион (Алфеев), – без действенного механизма перераспределения материальных благ, основанного на нравственном отношении к слабым и незащищенным, не сглаживают остроты социальной несправедливости» [4, с. 17].

Христианское богословское осмысление проблемы социального неравенства происходило и в Западной, и в Восточной церкви. В святоотеческом наследии, конечно, нет научных определений и объяснений социальных вопросов, характеризующих вызовы современного человечества. Тем не менее многие явления социальной жизни, сопровождающие человека на протяжении большей части его истории, рассмотрены достаточно основательно. Мы имеем в виду такие понятия, как богатство и бедность, обязанности собственника, различные формы проявления милосердия к неимущим и обездоленным, рабство, ростовщичество и многое другое. Отцы христианской церкви рассуждают о том, что немалый вред человеческой природе наносит, говоря словами Иоанна Златоуста, «прикрепление к земному». Приоритет материального над духовным превращает человека в раба вещей, раба сиюминутных обстоятельств, уничтожает духовную свободу. Любые внешние факторы (государство, социальный строй) представляют для христианина интерес в плане духовного развития лишь в той степени, в какой они либо способствуют, либо препятствуют обретению духовности. Основа нравственного развития – сам человек, связанный в своем стремлении к совершенству с высшими абсолютными ценностями. Церковь обращает внимание, анализируя пути выхода из глобального

кризиса, что сами по себе технические инновации, нанотехнологии, биотехнологии без этого стремления человека не могут быть решением никаких проблем, в том числе (а может быть, и прежде всего) глобальных. Лишенные нравственной основы, эти инструменты могут лишь усугубить ситуацию, а не привести к ее разрешению.

Именно в создании нравственных основ развития и взаимоотношений между людьми следует искать путь решения глобальных проблем. Христианство изначально не призывало к совершению социальных революций, изменению общественного строя. Церковь не связывает себя ни с какими политическими силами и общественными системами. Как полагает православие, наиболее эффективным путем решения любых проблем, в том числе глобальных, является внутреннее совершенствование человека, его нравственное возвышение. Именно этот путь должен привести к изменению общественных отношений. На это же обращали внимание и русские религиозные философы – Вл. С. Соловьев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин и др. Основоположник оригинальной русской религиозной философии Вл. С. Соловьев обращает внимание, что понятие «христианское мировоззрение» включает в себя принятие высших нравственных принципов в отношении к себе, другому человеку и миру. В работе «О причинах упадка средневекового мирозерцания», раскрывая смысл христианского мировоззрения, философ замечает, что «...Христос приходил в мир не для того, конечно, чтобы обогатить мирскую жизнь несколькими новыми церемониями, а для того, чтобы спасти мир» [11, с. 349]. И далее: «Смысл христианства в том, чтобы по истинам веры преобразовывать жизнь человечества. Это и значит оправдывать веру делами» [11, с. 351]. Ровно на это же обращает внимание и хорошо всем известный светский документ – Всеобщая декларация

прав человека, принятая ООН в 1948 г., в ст. 1 которой сказано: «Все люди рождаются равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [2].

Обсуждение и заключение

Кто-то скажет: «Ну и что нового!? Всё до предела банально! Вновь ни к чему не обязывающая проповедь о морали и духовности!» Да, всем хорошо известно, что нравственность является фундаментом человечности, человеческой жизни, а глобальные проблемы – серьезными вызовами человечеству, которые могут привести к трагическому финалу человеческой истории. Но столь же часто мы об этом забываем – как в осмыслении и решении мировых проблем, так и в повседневной нашей деятельности в отношении друг к другу. В тех сложнейших условиях, в которых оказалось современное человечество, церковь еще раз настойчиво привлекает внимание к тому (и в этом ее миссия), что не сложные математические расчеты, компьютерные модели, аналитические доклады или какие-либо технологии лежат в основе решения глобальных проблем. При этом церковь отнюдь не враг прогресса. Она понимает, что человечество вступило в эпоху информационной цивилизации, что без этих технических инструментов человечеству не обойтись, что товарно-денежные отношения в человеческом обществе не исчезнут. В своем осмыслении глобальных проблем церковь совсем не уподобляется неоруссоистам, выдвигающим лозунг «Назад к природе». Это не утопизм. Церковь, как мы указали выше, хорошо понимает, в каком обществе она существует, проповедует, выполняет свою миссию. Но при этом не устает напоминать, что коммерческий расчет, эгоистический интерес, товарно-денежные отношения не должны быть фундаментом во взаимоотношениях людей, что абсолютные ценности не должны подменяться ложными

кумирами и идолами. Вновь и вновь церковь повторяет, что в основе любой деятельности, в основе решения любых проблем должны лежать нравственные ориентиры. Сосредоточенность лишь на материальной стороне жизни, квалификация успешности как материального благополучия, умения заработать любой ценой приводит лишь к культу

телесных удовольствий, а следовательно, нравственной деградации, углублению системного кризиса цивилизации, обострению глобальных проблем. Вспомним предостережение Христа из Евангелия от Луки: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12:15).

Список источников

1. Бендин А. Ю., Исаев А. В., Филатов А. С., Харитонов-Таневский А. Д., Баракхостов П. А. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике. // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3. С. 124–151.
2. Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (Universal Declaration of Human Rights) (дата обращения: 17.11.2025).
3. Дрегуло А. М. Экологическая парадигма в аспекте социального служения христианских церквей // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 2. С. 102–107.
4. Иларион, митрополит Волоколамский (Алфеев Г. В.). Православный взгляд на современные проблемы человечества в XXI веке // Вопросы философии. 2017. № 4.
5. Кожич Н. М. Идея бережного отношения человека к природе в православии // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2019. № 1. С. 112–115.
6. Колядин А. П. Политическая деятельность религиозных организаций (на примере Всемирного совета церквей) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 4. С. 79–81.
7. Круглова Г. А. Христианская глобалистика в современной философии. // Новый университет. Сер.: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 9–10. С. 31–34.
8. Курошева К. Ю. Социальная доктрина католической и Русской Православной Церкви: опыт сравнения // Социальные трансформации. 2024. № 35. С. 64–69.
9. Максименко Г. В. Социальное учение Русской Православной Церкви в условиях процесса глобализации как предмет богословской рефлексии // Православный теолог. 2025. № 1. С. 104–121.
10. Примак А. Актуальные вопросы работы с семьей в воскресной школе в условиях глобальных вызовов современности // Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека: сб. науч. тр. регион. науч.-практ. конф. в рамках XXXI Международных Рождественских образовательных чтений. Ульяновск, 2023. С. 138–147.
11. Соловьев Вл. С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2.
12. Цели развития тысячелетия: доклад ООН за 2015 год. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (United Nations Millennium Development Goals) (дата обращения: 20.11.2025).
13. An Economy For The 1 %. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped // Oxfam Briefing Paper. 2016. 18 Jan. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-onepercent-tax-havens-180116-summ-en_0.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

References

1. Bendin A. Yu., Isaev A. V., Filatov A. S., Kharitonov-Tanevsky A. D., Barakhvostov P. A. Religious Institutions as Regulators of the Moral Paradigm in Geopolitics. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog* = Russia and the World: Scientific Dialogue. 2023. No. 3. P. 124–151. (In Russ.)
2. Universal Declaration of Human Rights. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (Universal Declaration of Human Rights) (accessed: 17.11.2025). (In Russ.)

3. *Dregulo A. M.* The Ecological Paradigm in the Aspect of Social Service of Christian Churches. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* = Society. Environment. Development. 2017. No. 2(43). P. 102-107. (In Russ.)
4. *Hilarion, Metropolitan of Volokolamsk (Alfeev G. V.)*. An Orthodox View on the Modern Problems of Mankind in the 21st Century. *Voprosy filosofii* = Voprosy Filosofii. 2017. No. 4. (In Russ.)
5. *Kozich N.M.* The Idea of Human Care for Nature in Orthodoxy. *Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy*. 2019. No. 1(221). P. 112–115. (In Russ.)
6. *Kolyadin A. P.* Political Activities of Religious Organizations (Based on the Example of the World Council of Churches). *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Pyatigorsk State University. 2021. No. 4. P. 79–81. (In Russ.)
7. *Kruglova G. A.* Christian Globalistics in Modern Philosophy. *Novyj universitet. Ser.: Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* = New University. Series: Current Issues in the Humanities and Social Sciences. 2016. No. 9-10 (66-67). P. 31–34. (In Russ.)
8. *Kurosheva K.Yu.* The Social Doctrine of the Catholic and Russian Orthodox Churches: A Comparison. *Social'nye transformacii* = Social Transformations. 2024. No. 35. P. 64–69. (In Russ.)
9. *Maksimenco G.V.* The Social Teaching of the Russian Orthodox Church in the Context of the Globalization Process as a Subject of Theological Reflection. *Pravoslavnyj teolog* = Orthodox Theologian. 2025. No. 1(1). P. 104–121. (In Russ.)
10. *Primak A.* Current Issues of Working with Families in Sunday Schools in the Face of Global Challenges. *Global Challenges of Modernity and Human Spiritual Choice. Collection of Scientific Papers from the Regional Scientific and Practical Conference as Part of the XXXI International Christmas Educational Readings*. Ed. by A.Yu. Tikhonova. Ulyanovsk, 2023, P. 138–147. (In Russ.)
11. *Solovyov V. S.* Works. In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1989. (In Russ.)
12. Millennium Development Goals: UN Report 2015. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (United Nations Millennium Development Goals). (Accessed 20.11.2025). (In Russ.)
13. An Economy For The 1 %. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. Oxfam Briefing Paper. 2016. 18 Jan. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-onepercent-tax-havens-180116-summen_0.pdf (accessed 20.11.2025). (In Eng.)

Поступила 10.12.2025.

Сведения об авторах

Белкин Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7655-0039>.

E-mail: alex.i.bel@mail.ru

Чашина Жанна Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балахнинского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Балахна, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-0959>.

E-mail: chashina.j@yandex.ru

Хансуварова Евгения Адольфовна – кандидат экономических наук, директор Балахнинского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Балахна, Россия).

E-mail: Khansuvarova@unn.ru

About the authors

Aleksey I. Belkin – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Philosophy Department, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0039>.

E-mail: alex.i.bel@mail.ru

Zhanna V. Chashina – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Balakhna Branch of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Balakhna, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-0959>.

E-mail: chashina.j@yandex.ru

Yevgeniya A. Khansuvarova – Candidate of Economic Sciences, Director of the Balakhna Branch of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Balakhna, Russia).

E-mail: Khansuvarova@unn.ru

*А. А. Сомкин¹, А. В. Арапов²**Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)*¹ *e-mail: alexsomkin@mail.ru*² *e-mail: i@aarapov.ru*

Проблема межличностного взаимодействия в цифровом пространстве общества будущего (на примере произведений Сергея Лукьяненко)

Аннотация

Введение. В статье представлен философский взгляд на трилогию российского писателя-фантаста С. В. Лукьяненко «Лабиринт отражений», «Фальшивые зеркала» и «Прозрачные витражи». Автор статьи выделяет опорные пункты для философского анализа литературного текста: взаимодействие человека и цифрового пространства, вариант формирования искусственной, или «объектно-центрированной социальности», характеризующейся смещением фокуса коммуникативных процессов с живых на неживые объекты. Отмечены параллели ряда сюжетных линий с идеями транс- и постгуманизма, в частности обретение бессмертия за счет возникновения «послежизни» в киберпространстве и трансформация идей антропоцентризма вследствие глубокого проникновения цифровых технологий в человеческую жизнедеятельность. Проанализированы также заложенные в книгах извечные вопросы философии и этики: насилие как фактор цивилизационного развития, проблема выбора, граница между добром и злом, вседозволенность в условиях анонимности, негативная сторона научно-технического прогресса.

Материалы и методы. Материалом для анализа послужила фантастическая трилогия С. В. Лукьяненко (2003). Используются философский, социокультурный, антропологический, аксиологический методы. Применены также герменевтический и аналитический методы. В статье представлено преимущественно авторское видение текста С. В. Лукьяненко. Для дополнительного обоснования некоторых пунктов анализа привлечены материалы российских и зарубежных ученых: Л. А. Беляевой и О. Н. Новиковой, анализирующих игровую культуру; исследование высоких технологий и постчеловеческого будущего В. М. Маслова; работа К. Кнорр-Цетины, посвященная объектно-центрированной социальности; статьи А. А. Дружининой, Н. Н. Кожевникова и В. С. Даниловой, в которых обосновывается философский подход к жанру научной фантастики.

Результаты исследования. В трилогии С. В. Лукьяненко заложены философские идеи, отражающие проблемы будущего. Безусловно, существует множество сценариев развития общества и человека, но в этих книгах, несмотря на их фантастическую основу, рассматриваются варианты, основа которых уже заложена в настоящем. Это касается расширения использования цифровых технологий, совершенствования доступа в интернет-пространство, усложнения оборудования, создающего иллюзию реальности, игровой культуры, которая превращается в зависимость. В результате сделан вывод, что научная фантастика – это один из способов постановки проблем будущего, которые формируются в настоящем и которые необходимо обсуждать уже сейчас.

Обсуждение и заключение. В статье представлены положения, которые могут послужить основой для дальнейших научных дискуссий. Стремительное развитие и расширение сфе-

ры использования цифровых технологий ставит перед наукой и обществом проблему осмысления возможных последствий этого процесса. Человечество переходит в эпоху, где новые способы обработки, хранения и передачи информации коренным образом меняют характер жизнедеятельности человека и принципы существования социума. Рисуя контуры вероятного будущего, писатели-фантасты не только представляют для осмысления вопросы дальнейшего развития цивилизации, но и отчасти направляют это развитие в определенное русло, обнажая негативные последствия научно-технического прогресса. Следовательно, научное сообщество не должно обходить вниманием научно-фантастические произведения, содержащие глубокие социально-философские мысли и прогнозирование будущего.

Ключевые слова: С. В. Лукьяненко, «Лабиринт отражений», «Фальшивые зеркала», «Прозрачные витражи», научная фантастика, цифровое пространство, трансгуманизм, постгуманизм, постсекулярность.

Для цитирования: *Сомкин А. А., Арапов А. В.* Проблема межличностного взаимодействия в цифровом пространстве общества будущего (на примере произведений Сергея Лукьяненко) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 75–83. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.075-083.

Alexander A. Somkin¹, Aleksey V. Arapov²

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

¹ e-mail: alexsomkin@mail.ru

² e-mail: i@aarapov.ru

The Problem of Interpersonal Interaction in the Digital Space of Future Society (Based on the Works by Sergei Lukyanenko)

Abstract

Introduction. This article presents a philosophical perspective on the trilogy by Russian science fiction writer Sergei Lukyanenko: “Labyrinth of Reflections”, “False Mirrors”, and “Transparent Stained-Glass Windows”. The author identifies key points for a philosophical analysis of the literary text: the interaction between humans and digital space, and the formation of an artificial, or “object-centered, sociality”, characterized by a shift in the focus of communication processes from living to non-living objects. Parallels between several plot lines and ideas of trans- and posthumanism are noted, particularly the attainment of immortality through the emergence of an “afterlife” in cyberspace and the transformation of anthropocentrism due to the deep penetration of digital technologies into human life. The books also analyze the eternal questions of philosophy and ethics: violence as a factor in civilizational development, the problem of choice, the boundary between good and evil, permissiveness in conditions of anonymity, and the negative side of scientific and technological progress.

Materials and Methods. The material for the analysis is the science fiction trilogy by Sergei Lukyanenko (2003). Philosophical, sociocultural, anthropological, and axiological methods were used. Hermeneutic and analytical methods were also applied. The article presents primarily the author’s vision of Lukyanenko’s text. To further substantiate some points of the analysis, the materials of Russian and foreign scholars were used: L. A. Belyaeva and O. N. Novikova, who analyze gaming culture; V. M. Maslov’s study of high technologies and the posthuman future; K. Knorr-Cetina’s work dedicated to object-centered sociality; articles by A. A. Druzhinina, N. N. Kozhevnikov, and V. S. Danilova, which substantiate the philosophical approach to the science fiction genre.

Results. Lukyanenko’s trilogy embodies philosophical ideas that reflect the problems of the future. Certainly, there are many scenarios for the development of society and humanity, but these books, despite their fantastical foundation, explore options whose foundations are already laid in the present. This concerns the expanding use of digital technologies, improved internet access, the increasing sophistication of equipment that creates the illusion of reality, and the addictive

nature of gaming culture. As a result, it is concluded that science fiction is one way to frame future problems that are being shaped in the present and that need to be discussed now.

Discussion and Conclusion. The article presents propositions that can serve as a basis for further scholarly discussions. The rapid development and expansion of digital technologies pose the challenge for science and society to understand the potential consequences of this process. Humanity is entering an era where new methods of processing, storing, and transmitting information are fundamentally changing the nature of human life and the principles of social existence. By sketching the contours of a probable future, science fiction writers not only present questions about the further development of civilization for consideration but also, to some extent, direct this development in a certain direction, revealing the negative consequences of scientific and technological progress. Consequently, the scientific community should not ignore science fiction works that contain profound socio-philosophical thoughts and forecasts of the future.

Keywords: Sergei Lukyanenko, “Labyrinth of Reflections”, “False Mirrors”, “Transparent Stained Glass”, science fiction, digital space, transhumanism, posthumanism, postsecularity.

For citation: Somkin A. A., Arapov A. V. The Problem of Interpersonal Interaction in the Digital Space of Future Society (Based on the Works by Sergei Lukyanenko). *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 75–83. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.075-083.

Введение

Научная фантастика (science fiction) – литературный жанр, по определению опережающий то время, в котором живут и творят писатели. Не затрагивая этапы формирования этого вида литературы, подчеркнем, что рассуждения о будущем технического прогресса и социального устройства привлекали человечество с давних времен. В течение XX в. интерес к научной фантастике неумолимо возрастал, усиливаясь в связи с масштабными событиями, влиявшими на общество и культуру в целом: выход человека в космос, изобретение компьютеров, появление интернета и виртуальных онлайн-игр. Тема интернета как альтернативного цифрового пространства привлекла внимание многих фантастов, в том числе российских, среди которых С. В. Лукьяненко. Его трилогию «Лабиринт отражений» (1997), «Фальшивые зеркала» (1998), «Прозрачные витражи» (1999) критики относят к жанрам киберфантастики и киберпанка. Произведения быстро завоевали популярность у поклонников сетевых игр. В киберпанке большую роль играют «компьютерные технологии, Всемирная сеть и отсутствие границ между реальным

и виртуальным, а также осмысление изменений человека под влиянием этих технологий» [2, с. 58]. Трилогия, как и многие другие произведения российского писателя, включает в себе философский контекст, который отчасти скрыт за экшен-событиями каждой из частей. Поэтому жанр трех книг можно определить как киберпанк с элементами философской фантастики. В статье заложено авторское видение тех философских проблем, которые затронуты С. В. Лукьяненко.

Обзор литературы и методология

В процессе подготовки данной статьи авторы опирались на работы российских и зарубежных ученых, которые содержат методологическую базу данного исследования. Учитывая тот факт, что научная методология применялась к литературному тексту, был использован герменевтический метод, позволяющий интерпретировать текст и раскрывать его глубинный смысл, который писатель-фантаст, возможно, не предполагал в таком варианте, в каком его понимают авторы статьи. Трактовка литературного текста, особенно фантастического, с научных позиций всегда формирует пространство для дискуссий.

Два источника – статьи Л. А. Беляевой и О. Н. Новиковой – касаются игровой культуры постмодерна. Для «человека играющего» новой эпохи игра становится «способом бытия в культуре. При этом элемент несерьезности игры постепенно сглаживается, она превращается во вполне серьезное занятие, всё чаще подменяя собой жизнь» [1, с. 82]. Это объясняет, почему для большинства персонажей первых двух романов игра становится более реальной, чем жизнь, и в результате два пространства – реальное и цифровое – теряют свою дуальность. Это соответствует также выводам немецкого философа и антрополога К. Кнорр-Цетины о формировании в сетевом обществе «объектно-центрированной социальности», где виртуальность и реальность тесно соприкасаются, а неживые объекты обретают статус наравне с живыми.

Работа А. А. Дружининой акцентирует внимание на том, что в жанре научной фантастики всегда предпринимались попытки очертить контуры будущего человечества, определить наиболее вероятные варианты развития и осмыслить позитивные и негативные стороны процесса. В настоящее время «повестку актуализируют такие обстоятельства, как возрастающая роль интернета и цифровизации, расширяющаяся информационная вселенная, виртуальное пространство, бегство от реального мира... которые влекут за собой философско-этические вопросы и проблемы постчеловека и постгуманизма» [2, с. 53]. В настоящее время жанр научной фантастики переживает второе рождение за счет набравшего невероятную скорость научно-технического прогресса.

Представляет интерес диссертационное исследование В. М. Маслова, где анализируется, как «высокие технологии становятся технологиями самого существования человеческой цивилизации, возникшего high-tech society» [6, с. 3]. Такие техноло-

гии автор диссертации рассматривает через понятие постчеловеческого, которое есть одновременно идеология, социально-политическое движение и культурный феномен, где постчеловек предстает как технологическое преодоление ограничений физического естества. Опираясь на теоретические конструкции западных и отечественных трансгуманистов, В. М. Маслов прослеживает влияние стратегий развития человека и общества на философию, в частности формирование новых разделов философской антропологии.

Результаты исследования

В трилогии цифровое пространство представлено в виде виртуального города Диптаун (калька с англ. Deep Town), или Глубины, куда человек может попасть с помощью дип-программы, воздействующей на подсознание. В то время, когда сознание «ныряет в Глубину», тело, облаченное в виртуальный шлем и комбинезон, фактически становится придатком компьютера, но при этом сохраняет основные физиологические реакции и процессы жизнедеятельности. Обычные люди могут пребывать в виртуальном пространстве ограниченное количество времени, чтобы не умереть от истощения и обезвоживания. В Глубине можно также получить дип-психоз (аналог болезненной интернет-зависимости). Автор пишет, что человек, увлекаясь альтернативным миром, начинает воспринимать его как реальность и становится безучастным к «пожарам, наводнениям и прочим досадным мелочам жизни» [5, с. 35].

Яркий фантастический мир Глубины весьма привлекателен в качестве альтернативной реальности, здесь не бывает плохой погоды, природных катаклизмов. Неслучайно писатель несколько раз мимолетным контрастом рисует пейзаж за окном, где царит осень, сыро, холодно. Человек в дип-пространстве имеет власть и над своей природой, он может сконструировать себе лю-

бое виртуальное тело: здесь все женщины красивы, а у мужчин тела культуристов и лица актеров. По желанию можно придать цифровой «личности» психологические качества, которых в реальной жизни у человека нет. Вдохновленный безграничными возможностями Глубины, «мир нырнул. И возвращаться на поверхность не собирался. В глубине было куда интереснее» [5, с. 40]. На самом деле дип-пространство – это «полосочки, буковки, циферки», которые компьютерная программа превращает в притягательный мирок. Характерно, что даже нумерация глав в книгах сделана в системе двоичного кода, предназначенного для обработки информации компьютерами. Как здесь не вспомнить киберпанк «Матрица», где Нео обретает способность видеть цифровое пространство так, как его воспринимают и анализируют машины...

Обсуждая фантастическую трилогию, можно акцентировать ряд проблем, имеющих отношение к современным социально-философским и социологическим исследованиям. Это прежде всего вопрос характера взаимодействия человека и виртуального цифрового мира, формирование особой среды, которая получила в науке название «пространство искусственной социальности» [10], или «объектно-центрированная социальность» [4]. В этом пространстве формируется новый тип взаимодействий, характеризующийся смещением фокуса социальной коммуникации с индивидов и групп на неживые объекты. Эта тема поднимается также в рамках одного из новейших направлений социально-философской мысли – постгуманизма. Устраняя барьер между человеческим и нечеловеческим началами, представители постгуманизма переосмысливают идею антропоцентризма, господствовавшую в философии со времен эпохи Возрождения, и формулируют новую концепцию человека, статус которого уравнивается со статусом объектов живой и неживой природы.

В трилогии возникают элементы Post Digital Era, постцифрового мира, где жизнь переходит в интернет-пространство посредством формирования «слепок личности», посещавшей виртуальность. Чем дольше время пребывания в Глубине, тем быстрее формируется «послежизнь», вплоть до полной автономии виртуальной личности. При этом у реального прототипа снижается интерес к повседневности, формируется эмоциональная отчужденность и аддиктивные поведенческие реакции. Подчеркнем, что тема интернет-зависимости давно обсуждается не только в научных кругах, но и в обществе в целом. Между строк трилогии читаются и основные постулаты трансгуманизма – перенос сознания в искусственно созданную среду (аналог обретения бессмертия) и формирование у людей сверхспособностей.

Соединение человеческой телесности и суперсовременных технологий – «киборгизация» – уже в настоящее время преодолевает границы фантастических сюжетов и вызывает антропологический сдвиг. «Движущей силой этого антропологического сдвига выступает конвергенция... ключевых технологических направлений, которые перестают быть инструментами и становятся составными частями человеческого бытия» [8]. В трилогии С. В. Лукьяненко 7 % людей – дайверы – волей фантазии писателя оказываются «неподвластны Глубине» и могут осуществлять контакт с цифровым пространством волевым усилием. Способностями управления киберсредой обладает и главный герой двух первых книг – дайвер Леонид, но в конце второго романа еще один персонаж получает эти сверхспособности в экстремальной ситуации. Неслучайно в повести «Прозрачные витражи» фигурирует виртуальная тюрьма, где над заключенными проводятся эксперименты по искусственному «пробуждению» способностей дайвера. В данной ситуации

можно усмотреть не только идею объединения реального и виртуального миров за счет «прямого доступа» сознания в цифровое пространство, но и мечту трансгуманистов об усовершенствовании человеческой расы в процессе все более глубокого внедрения технологических новшеств в повседневную жизнь [11].

Проблематику взаимодействия человека и цифрового пространства можно рассмотреть также на примере темы интернет-игр и «человека играющего», отраженную в книгах. В романах «Лабиринт отражений» и «Фальшивые зеркала» С. В. Лукьяненко перемещает самые напряженные моменты литературной драматургии в онлайн-пространство «Лабиринта смерти», аналога некогда популярной игры Doom II. Подчеркнем, что игровая тематика активно обсуждается в современной философии: «игрализация» как новый феномен заключает в себе потенциал трансформации человеческой субъективности и социальной реальности. «В поисках смысла бытия и своего места в нем новый «человек играющий» эпохи постмодерна – homo mobiludens – постепенно утрачивает свою персональную идентичность и приобретает новую форму идентичности – ролевою, характеризующуюся множественностью и ситуационностью. Введение альтернативных сценариев жизни через игровые практики позволяет сместить время и пространство, соединив воедино реальное и виртуальное в поле игры» [1, с. 83]. Компьютерная игра становится новой эстетикой, новой философией и новой реальностью, с множественными вариантами развития событий, с неограниченными возможностями самореализации. Вместе с тем «виртуальная реальность становится условием, фактом и атрибутом существования игры в исторически новом формате» [7, с. 17].

Помимо постмодернистской социально-философской тематики, в трилогии

поднимаются вечные вопросы философии: морально-этические основы человеческой личности, проблема выбора жизненной позиции, отказ от насилия, грань между добром и злом, обратная сторона научно-технического прогресса [9]. Но эти темы также вплетены в контекст взаимодействия человека и цифрового пространства. Перенесет ли человечество в новый виртуальный мир требования морали и нравственности или он будет существовать «по ту сторону добра и зла», ибо без точки отсчета все теряет смысл? «Мы нырнули в этот мир, не разобравшись с тем, что у нас за спиной. Не умея жить в одном мире – породили другой», – рассуждает писатель от лица главного героя. Но в условиях анонимности «люди способны легко утратить свои жизненные ориентиры, моральные нормы, поддаваться ощущению вседозволенности» [5, с. 193]. Готова ли человеческая психика к такому испытанию?

Человечество уже перенесло в киберпространство склонность к насилию и жестокости, объединив их с игровыми формами. Это губительно действует на сознание, которое постепенно теряет способность различать реальность и виртуальность. В романе «Фальшивые зеркала» дайвер Леонид пытается вывести из игры «Лабиринт смерти» игрока по прозвищу Неудачник, который по какой-то причине застрял на одном из уровней игры. С помощью персонажа, оказавшегося представителем параллельных миров, энергетической формой жизни, писатель предлагает взглянуть на виртуальный прототип человеческой цивилизации, где властвует насилие, со стороны, глазами «чужого». Застревание на игровом уровне в пространстве «Лабиринта смерти» символизирует невозможность и нежелание принять происходящее. Результат – отказ от убийства и психологический ступор. Не являющийся человеком Неудачник лишь обрисовывает в своих рассуждениях контуры

альтернативного мира, мира без насилия и жестокости, где не приносить вреда другому – это норма на грани с физиологической потребностью. Человеческая цивилизация веками живет по другим законам, поэтому фантастический персонаж в итоге уходит в свой мир с принципиально иными правилами и путями развития.

Виртуальное пространство в трилогии представлено как пространство свободы выбора деятельности, предпочтений, мировоззрения, религиозной веры. В «церковном квартале» Диптауна представлены все виды религиозных и нерелигиозных культов: православные храмы, католические соборы, синагоги, минареты, сатанинские храмы, секта Поклонников Пива, храм тюринцев, которые пытаются определить место и роль интернет-пространства в общей концепции мироздания. В результате мы сталкиваемся с некоей версией постмодернистской постсекулярной виртуальности с религиозным плюрализмом и индивидуальным выбором веры. Как отмечает А. А. Дружинина, «в современном мире наблюдается тенденция к смешению и взаимопроникновению концепций, стилей, течений, направлений. В век доступности любой информации это не может не сказываться на составлении общей картины мира, образа современного человека и его будущего» [2, с. 54].

В трилогии С. В. Лукьяненко традиционные формы религии перенесены в цифровое пространство, но при этом дополнены новыми формами, характеризующими религиозность обществ постмодерна, которая может свободно конструироваться из элементов различных религий. В новом мире неограниченной религиозной свободы может возникнуть любой культ, если это, как формулирует Э. Фромм, «дает человеку систему ориентации и объект поклонения» [10, с. 140]. Романы создавались в конце 1990-х гг., когда процесс десекуляризации, особенно в России, только на-

чинался, но в конце первой четверти нового столетия страна и весь мир фактически вступили в период постсекулярности, о которой в настоящее время много пишут ученые-социологи, религиоведы, культурологи и философы. «Церковный квартал» Глубины оказался своеобразным слепком новой реальности и новых тенденций.

Обсуждение и заключение

В. М. Маслов отмечает, что постчеловеческое исследование высоких технологий имеет дело с высокопроблемным знанием (нет однозначной трактовки виртуальной реальности; существуют сомнения в появлении «сильного искусственного интеллекта»)» [6, с. 10]. Поэтому возможные варианты развития общества и человека в мире «объектно-центрированной социальности» активно обсуждаются в научной фантастике. Таким образом, жанр *science fiction*, несмотря на его «фантастичность», имеет прямую связь с насущными проблемами человечества, «фантастика и философия... предназначены друг для друга, дополняя и развивая друг друга. Это направление исключительно перспективно для дальнейших исследований» [3, с. 135]. Используя нереальные сюжеты, фантастика позволяет говорить с читателями о реальном, поднимает важные философские проблемы, заставляет задуматься и о сегодняшнем дне, и о том будущем, куда мы можем вступить уже завтра. При этом «важно сместить акцент со статичного образа “человека будущего” на понимание Homo Cyberneticus как вечного, динамичного процесса самоопределения, постоянного переосмысления ценностей и поиска смысла в непрерывном диалоге с технологиями» [8]. Каким будет человек в мире будущего, когда процесс цифровизации проникнет во все сферы жизнедеятельности? Будет ли это будущее похоже на антиутопию или киберпанк или человеческое начало сохранится за его неясно очерченными пока горизонтами? При-

ведет ли развитие технологий к трансформации человека как биологического объекта и субъекта социума? Пока на эти вопросы отвечает только научная фантастика.

Список источников

1. *Беляева Л. А., Новикова О. Н.* «Человек играющий» в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2018. № 3, т. 2. С. 82–95.
2. *Дружинина А. А.* Научная фантастика и цифровое искусство как способ представления будущего // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 53–61.
3. *Кожневиков Н. Н., Данилова В. С.* Философский взгляд на научную фантастику и фантазийные жанры // Вестник СВФУ. Сер.: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 4. С. 129–137.
4. *Кнорр-Цетина К.* Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 1. С. 101–124.
5. *Лукьяненко С. В.* Лабиринт отражений. Фальшивые зеркала: фантаст. романы. Прозрачные витражи: повесть. М.: АСТ, 2003. 796 с.
6. *Маслов В. М.* Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новгород, 2014. 40 с.
7. *Новикова О. Н.* Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. 2018. № 6. С. 16–25.
8. *Нуталанати А. Ч.* Киборгизация как антропологический рубеж: Глубинные трансформации, вызовы и поиск человечности в эпоху симбиоза. URL: <https://epistema.jes.su/s0036200-0-1/> (дата обращения: 20.01.2026).
9. *Фролов Д. Е., Сомкин А. А., Сомкина А. Н., Стафеев А. В.* Философия как современное системно-рационализированное мировоззрение // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19, № 3. С. 295–305. DOI: 10.15507/2078-9823.047.019.201903.295-305.
10. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990. 336 с.
11. *Malsch T., Schulz-Schaeffer I.* Socionics: Sociological Concepts for Social Systems of Artificial (and Human) Agents // Journal of Artificial Societies and Social Simulation, 2007. Vol. 10, no. 1. P. 1–11.

References

1. *Belyaeva L. A., Novikova O. N.* “Man Playing” in the Postmodern Era. *Idei i idealy* = Ideas and Ideals. 2018. No. 3 (37). Vol. 2. P. 82–95. (In Russ.)
2. *Druzhinina A. A.* Science fiction and digital art as a way of imagining the future. *Bulletin of SUSU. Series «Social and Humanitarian Sciences»*. 2023. Vol. 23. No. 4. P. 53–61. (In Russ.)
3. *Kozhevnikov N. N., Danilova V. S.* Philosophical view on science fiction and fantasy genres. *Bulletin of NEFU. Series «Pedagogy. Psychology. Philosophy»*. 2017. No. 4 (08). P. 129–137. (In Russ.)
4. *Knorr-Cetina K.* Object sociality: social relations in postsocial knowledge societies. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* = Journal of Sociology and Social Anthropology. 2002. T. V. No. 1. P. 101–124. (In Russ.)
5. *Lukyanenko S.V.* Labyrinth of reflections. False mirrors: Science fiction novels. Transparent stained-glass windows: A story. Moscow: OOO Izdatelstvo AST, 2003. 796 p. (In Russ.)
6. *Maslov V. M.* High technologies and the phenomenon of the post-human in modern society: author’s abstract. diss. ... Doctor of Philosophy: 09.00.11 – social philosophy. Nizhny Novgorod, 2014. 40 p. (In Russ.)
7. *Novikova O. N.* Human gaming activity in the space of virtual reality. *Socium i vlast'* = Society and power. 2018. No. 6 (74). P. 16–25. (In Russ.)

8. *Nutalapati A. Ch.* Cyborgization as an Anthropological Frontier: Profound Transformations, Challenges, and the Search for Humanity in the Age of Symbiosis. Internet resource. URL: <https://epistema.jes.su/s0036200-0-1/>. Accessed January 20, 2026. (In Russ.)
9. *Frolov D. E., Somkin A. A., Somkina A. N., Stafeev A. V.* Philosophy as Modern Systematically Rationalized Worldview. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2019; 19(3): 295–305. (In Russ.) DOI: 10.15507/2078-9823.047.019.201903.295-305 (In Russ.)
10. *Fromm E.* To Have or to Be? Moscow: Progress, 1990. 336 p. (In Russ.)
11. *Malsch T., Schulz-Schaeffer I.* Socionics: Sociological Concepts for Social Systems of Artificial (and Human) Agents. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 2007. Vol. 10, No. 1. P. 1–11. (In Eng.)

Поступила 27.01.2025.

Сведения об авторах

Сомкин Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, концепция целостной личности, межкультурная коммуникация. Автор более 180 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>.

E-mail: alexsomkin@mail.ru

Арапов Алексей Владимирович – соискатель кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная философия, религиоведение. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3090-238X>

E-mail: i@aarapov.ru

Submitted 27.01.2025.

About the authors

Alexander A. Somkin – Doc. Sci. (Philosophy), Professor, Department of the English language for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social philosophy, conception of the integrated personality, cross-cultural communication. The author has more than 180 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>.

E-mail: alexsomkin@mail.ru

About the author

Aleksey V. Arapov – Post Graduate student, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: social philosophy and religious studies. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3090-238X>

E-mail: i@aarapov.ru

Эмпирическая оценка уровня этнической толерантности разновозрастных студентов вуза

Аннотация

Введение. Современные вызовы чрезвычайно насыщенного информационного пространства (в том числе в СМИ, интернет-среде), такие как распространение ксенофобии, идей этнического радикализма, дискриминации, подчеркивают необходимость целенаправленного формирования толерантного сознания как основы стабильного и безопасного сосуществования различных групп населения. В условиях, когда сталкиваются последователи различных культурных норм и ценностей, закономерно актуализируется вопрос развития культуры взаимопонимания и уважения к многообразию. Особенно значима проблема этнической толерантности для детей и молодежи.

Материалы и методы. Одним из методов настоящего исследования выступил теоретический анализ сложившихся подходов в отношении поставленной проблемы этнической толерантности. Ведущим методом эмпирической оценки состояния этнической толерантности явилось тестирование («Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса). Сравнительный анализ полученных данных осуществлялся с помощью U-критерия Манна – Уитни. Для изучения этнической толерантности разновозрастной молодежи нами проводилось эмпирическое исследование среди представителей двух возрастных групп: младшей (18 лет – 21 год) и старшей (26–35 лет). Общий объем выборки составил 155 чел. (студенты ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Результаты исследования. Респонденты старшей возрастной группы стремятся к установлению близкой социальной дистанции только с представителями своей национальности; среднюю дистанцию устанавливают только в отношении татарского и белорусского этносов, что обусловлено территориальной и субъективно воспринимаемой культурной близостью опрашиваемых к этим народам. При этом они склонны к установлению более высо-

кой социальной дистанции в отношении представителей большинства народов ближнего и дальнего зарубежья по сравнению с младшей возрастной группой.

Обсуждение и заключение. Выявленные признаки интолерантности студентов старшей возрастной группы по отношению к большинству из объектов оценки можно интерпретировать также в контексте возрастных особенностей данной части выборки. Бессознательная проекция негативных установок и переживаний в самовосприятии на других («чужих») является одной из психологических защит личности. Интолерантность в результате возникает нередко как закономерный способ канализирования проявлений аутоагрессии.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, социальная дистанция, студенты, русские, мордва, ближнее зарубежье, дальнее зарубежье.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светослав» в рамках научного проекта № 2/2023 по теме «Развитие этнической идентичности и этнических установок у русской молодежи».

Для цитирования: *Баляев С. И., Гаранина Ж. Г., Никишов С. Н., Никишова И. С.* Эмпирическая оценка уровня этнической толерантности разновозрастных студентов вуза //Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2026. Т. 26, № 1. С. 84–98. DOI: 10.24412/2078-9823.073.026.202601.084-098.

Sergey I. Balyaev¹, Zhanna G. Garanina², Sergey N. Nikishov³, Irina S. Nikishova⁴

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

¹ e-mail: balyaevsi@mail.ru

² e-mail: garanina23@mail.ru

³ e-mail: serg-n79@yandex.ru

⁴ e-mail: isosipova@yandex.ru

An Empirical Assessment of the Level of Ethnic Tolerance among University Students of Different Ages

Abstract

Introduction. Contemporary challenges in the increasingly saturated information space (including the media and online environment), such as the spread of xenophobia, ideas of ethnic radicalism, and discrimination, highlight the need for targeted development of a tolerant consciousness as the basis for stable and secure coexistence between diverse population groups. In a context where adherents of different cultural norms and values clash, the issue of developing a culture of mutual understanding and respect for diversity naturally becomes relevant. The issue of ethnic tolerance is particularly significant for children and youth.

Materials and Methods. One of the methods used in this study was a theoretical analysis of existing approaches to the problem of ethnic tolerance. The leading method for empirically assessing the state of ethnic tolerance was testing (E. Bogardus's Social Distance Scale). A comparative analysis of the obtained data was conducted using the Mann-Whitney U-test. To study ethnic tolerance among young people of different ages, we conducted an empirical study among representatives of two age groups: the younger group (aged 18–21) and the older group (aged 26–35). The total sample size was 155 people (students at National Research Ogarev Mordovia State University).

Results. Respondents in the older age group tend to maintain close social distance only with representatives of their own ethnicity, and maintain a moderate social distance only with Tatar and Belarusian ethnic groups, reflecting their territorial and subjectively perceived cultural proximity to these peoples. However, they tend to maintain a higher social distance from representatives of most ethnic groups from near and far abroad compared to the younger age group.

Discussion and Conclusion. The identified signs of intolerance among older students toward

most of the subjects can also be interpreted in the context of the age characteristics of this sample. The unconscious projection of negative attitudes and experiences in self-perception onto others («outsiders») is one of the individual's psychological defense mechanisms. As a result, intolerance often arises as a natural way to channel manifestations of self-aggression.

Keywords: tolerance, intolerance, social distancing, students, Russians, Mordvins, neighboring countries, distant countries.

Acknowledgments: This article was prepared with the financial support of the Svetoslav Russian Civilization Foundation as part of research project No. 2/2023 on the topic «Development of Ethnic Identity and Ethnic Attitudes among Russian Youth».

For citation: *Balyaev S. I., Garanina Zh. G., Nikishov S. N., Nikishova I. S.* An empirical assessment of the level of ethnic tolerance among university students of different ages. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2026; 26(1): 84–98. (In Russ.) DOI: 10.24412/2078-9823.073.0265.202601.084-098.

Введение

Актуальность проблемы эмпирической оценки уровня этнической толерантности у студентов и молодежи обусловлена довольно тревожными тенденциями в общемировой ситуации, а также в отдельных странах и регионах в последнее время: ростом межэтнической напряженности, интенсификацией миграционных процессов и нарастающей поляризацией общественных настроений. В то же время современные вызовы чрезвычайно насыщенного информационного пространства (в том числе в СМИ, интернет-среде), такие как распространение ксенофобии, идей этнического радикализма, дискриминации, подчеркивают необходимость целенаправленного формирования толерантного сознания как основы стабильного и безопасного сосуществования различных групп населения. В таких условиях, когда сталкиваются последователи различных культурных норм и ценностей, закономерно актуализируется вопрос развития культуры взаимопонимания и уважения к многообразию. Особенно значима проблема развития этнической толерантности для детей и молодежи. Ее развитие у подрастающего поколения становится важной задачей, которая сегодня ставится перед психологами и педагогами в школах и вузах во всем мире.

Сложный многокомпонентный состав данного феномена создает определенные

трудности в его изучении, нередко ставит под вопрос возможность его изучения вообще. Тем не менее становится очевидным, что в современных условиях, когда контакт этносов становится все более тесным, без такого личностного образования, как этническая толерантность, человек и этническая группа не смогут гармонично существовать и развиваться. Поэтому, несмотря на всю сложность изучения данного феномена, его необходимо исследовать, чтобы компенсировать негативные эффекты глобализации, возникающие в том числе вследствие нетерпимого отношения представителей различных культур и этносов друг к другу.

Объектом нашего исследования явился психологический феномен этнической толерантности-интолерантности. Предмет исследования – уровень этнической толерантности-интолерантности у разновозрастных студентов вуза. Цель – выявление уровня этнической толерантности-интолерантности среди разновозрастных студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославь» в рамках научного проекта № 2/2023 по теме «Развитие этнической идентичности и этнических установок у русской молодежи».

Обзор литературы

Феномен этнической толерантности в настоящее время активно исследуется и

интерпретируется. В рамках индивидуально-личностного подхода толерантность рассматривается как сложная личностная характеристика, которая выражается в терпимости и проявляется в ситуациях межличностного и внутриличностного выбора [2; 9; 18]. В отличие от индивидуально-личностного в контексте социально-психологического подхода этническая толерантность анализируется как результат межгруппового взаимодействия. Понятие этнической толерантности в данном случае трактуется шире и подразумевает терпимое отношение этнической группы или отдельных ее представителей к инаковости вообще [11; 14; 17; 20].

Толерантность предполагает осознанное отношение к себе, к другому, к обществу, добровольное подчинение правилам, законам, способность к личностному выбору. А. П. Бекетова, анализируя феномен межкультурной коммуникативной толерантности, предлагает следующее ее определение: «Это интегративное качество личности, формирующееся в процессе социализации, в основе которого лежит выраженная готовность к осуществлению межличностных и межкультурных коммуникаций на основе уважения, понимания, принятия и признания различий между особенностями своей личности и личности собеседника, когда, при сохранении собственной идентичности, относительно существующих различий не возникает негативных переживаний» [8, с. 52]. Это значит, что коммуникативная толерантность является условием продуктивного обмена информацией между представителями разных этнических общностей в самых разных ситуациях, а также условием комфортной для всех субъектов коммуникативной среды.

В этой связи коммуникативная толерантность – это в первую очередь способность. Отечественное учение о способностях включает в себя идею о том, что способности можно развивать, если

существуют соответствующие задатки. Л. А. Колмогорова считает, что коммуникативная способность – это природная одаренность человека в общении [13, с. 92]. Способность к эффективному общению формируется под влиянием общих способностей: мышления, речи, эмпатии, спонтанности восприятия [3; 7]. Развитие данных общих способностей напрямую зависит от состояния их анатомо-физиологического субстрата. Иными словами, способность к коммуникативной межкультурной толерантности можно развить у любого человека, обладающего нормальной мозговой организацией.

Важно отметить, что уровень этнической толерантности тесно связан с характеристиками самовосприятия этнического статуса индивидом (группой). В ряде наших публикаций последнего времени феномен этнической толерантности представителей молодежи рассматривается в контексте взаимосвязей с особенностями их этнической идентичности [3–7].

В свою очередь интолерантность – это социокультурный феномен, который заключается в отказе признавать, принимать и уважать инаковость (мнения, качества, принадлежность, поведение и т. д.). Применительно к межэтническим отношениям интолерантность представляет собой неприятие индивидуально-личностных характеристик, особенностей поведения и жизненного уклада, обусловленного этнической, религиозной принадлежностью, обычаями, традициями другого (других). С эволюционной точки зрения интолерантность более целесообразна для различных групп людей, чем толерантность, так как верность своим и ненависть к чужим в условиях многочисленных угроз и опасностей обеспечивает самосохранение и выживание вида. Однако человек шагнул далеко за рамки биологических детерминант поведения. Сегодня человеческое поведение определяется также

культурой, а современная культура постепенно отходит от дихотомического мышления и допускает плюрализм взглядов, мнений и идентичностей.

А. Ридон выделяет следующие признаки интолерантности: язык (использование расовых и этнических терминов); стереотипы; обзывательства; феномен «козла отпущения» (обвинение представителей меньшинства в неудачах или проступках всей группы); дискриминация; остракизм (изгнание из группы, гонения, нападки); домогательства (harassment); намеренное нанесение вреда имуществу; издевательства, запугивания (bullying); сегрегация; нападения и физическое насилие [21, р. 14–15]. Таким образом, в рамках данной концепции интолерантность предполагает проявление различных форм агрессии, от вербальной до физической. Тем не менее интолерантность может проявляться не столь явно, в виде общей отчужденности, избегания контакта.

В свою очередь ксенофобия как крайнее выражение интолерантности – это проявление ненависти, неприязни или нетерпимости в отношении кого-либо или чего-либо неизвестного, чужого, непривычного [1, с. 34]. Ксенофобия развивается из совокупности факторов экономического, социального, психологического, биологического, культурного, политического факторов. В Декларации Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (2001) выделяются следующие социальные, экономические и политические источники ксенофобии: рабство и работорговля, вооруженные конфликты (внутренние и внешние), нищета, низкий уровень развития, маргинализация, социальное отчуждение и экономическое неравенство, социальное отчуждение коренных народов на уровне государственных систем, безнаказанность нарушителей прав человека [12, с. 11–14].

Ксенофобия, возникшая на этнорелигиозной почве, включает в себя антиромские (по отношению к цыганам), антисемитские (по отношению к евреям), антиисламские и другие антиинокультурные настроения. С психологической точки зрения в основе ксенофобии лежит иррациональный страх перед неизвестностью, скрытая тревожность, поиск способа преодоления которого приводит к проявлению агрессии по отношению к субъекту, вызвавшему данное состояние. Ксенофобия обладает мощным эмоциональным компонентом; ей, как правило, свойственны гнев, отвращение и презрение.

Как показывают эмпирические исследования, для личности, склонной к ксенофобии, характерен определенный набор личностных качеств: высокая личностная тревожность, повышенный уровень агрессивности, враждебности, ригидности, физической и косвенной агрессии, высокие показатели маскулинности, преобладание таких психологических защит, как отрицание, проекция, высокий поиск новизны, преобладание неадаптивных копинг-стратегий [14]. Источником формирования таких качеств нередко служит общий авторитаризм личности, который предполагает приверженность существующим групповым нормам, убежденность во всеобщей обязательности следования этим нормам, готовность подчиниться любой легитимной власти и негативное отношение ко всем, кто отказывается подчиняться [16]. Часто авторитаризм сочетается с фанатизмом, который выражается в страстной преданности своей группе и агрессивном неприятии любых других точек зрения, что обеспечивается дихотомичностью и ригидностью мышления, эгоцентризмом, соперничеством как универсальной стратегией поведения.

На социально-психологическом уровне существование ксенофобии обеспечивается межгрупповой дифференциацией и ин-

групповым фаворитизмом, эффектами от которых являются негативная этническая идентичность, предрассудки и предубеждения. Часто ксенофобия – признак открытого межэтнического конфликта.

Существенную роль в структуре интолерантности играет враждебность как отношение. Отношение – это универсальное понятие, использующееся во многих науках. Под враждебностью понимается длительное устойчивое негативное отношение или система оценок, применяемая к окружающим людям, предметам и явлениям. В ее структуре выделяют аффективный (эмоции гнева, раздражения, обиды, негодования, отвращения и прочих негативных эмоций), когнитивный (цинизм и убежденность в недобросовестности других людей) и поведенческий (агрессивное поведение, негативизм, нежелание сотрудничать, избегание общения) компоненты [10, с. 171].

Изучение отношения как психологического феномена связано с именем В. Н. Мясищева. Объективное отношение подразумевает отношения, в которые человек вступает с окружающими его людьми или предметами. В свою очередь субъективное отношение – это отношение человека к действительности, которое определяется ранее сложившимися, под воздействием условий жизни и воспитания, качествами его личности: переживаниями, взглядами, потребностями, стремлениями [15]. Отношения формируют личность. Эмоциональное отношение проявляется в привязанности, любви и симпатии (или, наоборот, отторжении и антипатии). Одним из видов отношений в концепции В. Н. Мясищева выступают оценочные отношения. Они формируются в процессе сопоставления субъектом своих поступков с определенными моральными, этическими и иными образцами и связаны с таким личностным качеством, как требовательность к себе и другим. Отношение к людям и обществу,

отношение субъекта к себе – это отдельные категории отношения. Отношение человека к себе связано с отношением людей к нему. Из этого, по мнению В. Н. Мясищева, вытекает особый вид отношения – уважение (в противоположном случае – презрение, пренебрежение) к себе и к другим людям. Понятие этнической толерантности в том или ином виде включает в себя уважение. Следовательно, уважительное отношение – это структурный компонент этнической толерантности личности. В. Н. Мясищев в своем труде «Проблема отношений в психологии индивидуальных различий» писал: «Психическое отношение выражает активную, избирательную позицию личности, определяющую индивидуальный характер деятельности и отдельных поступков» [15, с. 24]. Таким образом, уважительное отношение к себе как этнофору и к представителям других этносов определяет поведение субъекта в процессе межкультурного взаимодействия. Применительно к этнической толерантности уважительное отношение к представителям иных этносов можно сформировать в ситуации систематического приобретения положительного опыта межэтнического взаимодействия.

Одним из способов диагностики уровня этнической толерантности-интолерантности является оценка уровня социальной дистанции представителей этнической группы с другими. Согласно концепции Э. Богардуса, социальная дистанция – это «оценки и степени понимания и близости, которые характеризуют досоциальные и социальные отношения в целом» [19, с. 216]. Речь идет о степени симпатии между личностями, личностью и группой, а также между группами. Симпатия выражается в готовности принять представителя определенной (в исследовании Э. Богардуса – этнической группы) как члена своей семьи, друга, соседа, коллеги, гостя или гражданина своей страны. Формирование соци-

альной дистанции между представителями этнических групп зависит от традиций и общепринятого мнения, а также раннего индивидуального опыта межрасового и межэтнического контакта [19]. Не исключается и влияние опыта подобного контакта в зрелом возрасте.

Таким образом, этническая интолерантность проявляется в нетерпимости, неприязни и неуважении к представителям иных этнических групп. Интолерантность может быть как скрытой, так и выраженной в форме вербальной и/или физической агрессии. Крайними формами интолерантности являются ксенофобия и экстремизм. Данные феномены обладают мощным эмоциональным зарядом, они базируются на концентрированных негативных эмоциях. Экстремизм отличается от ксенофобии наличием сверхценной идеи, для реализации которой экстремист считает возможным использовать любые средства. Специалисты считают, что существует ряд личностных свойств, психологически детерминирующих ксенофобию как свойство личности (авторитарность, тревожность, враждебность, агрессивность). Ксенофобия и экстремизм – чуждые современному цивилизованному миру явления, которые нарушают гармоничное сосуществование людей, попирают базовые принципы человеческого общежития и ни в коей мере не укладываются в контекст гуманизма и глобализации как современных тенденций развития общества. Ксенофобия является серьезной проблемой как на межгрупповом, так и на межличностном уровне анализа.

Материалы и методы

Для изучения этнической толерантности разновозрастной молодежи нами проводилось эмпирическое исследование среди представителей двух возрастных групп: младшей (18 лет – 21 год) и старшей (26–35 лет). Общий объем выборки составил 155 чел.

Первую выборку составили студенты гуманитарии младших курсов ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Объем выборки – 105 респондентов, из них 85 % – женского пола и 15 % – мужского. Подавляющее число респондентов (82 %) причисляют себя к русской национальности; 11 % отнесли себя к мордовской национальности; 2 % – к татарской; по 1 % – к украинской и осетинской национальности; не отметили свою национальность 2 % опрошенных.

Во вторую выборку вошли студенты очно-заочной формы обучения различных направлений подготовки. Объем данной выборки – 50 чел., 56 % – женского пола, 44 % – мужского. К русской национальности причисляют себя 80 %, к мордовской – 20 % респондентов.

Состояние этнической толерантности выявлялось с помощью методики «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса. Цель методики – оценить степень готовности респондента к взаимодействию с представителями различных социальных, этнических, религиозных или иных групп. Шкала измеряет уровень социальной дистанции – психологической близости или отдаленности по отношению к «другим». Респонденту предлагается опросный лист (бланк) с инструкцией и перечнем утверждений, расположенных по принципу возрастания близости (от максимальной социальной дистанции к минимальной). Процедура методики Э. Богардуса – это анкетирование, в котором респондент отмечает, на какие степени близости (от проживания в одной стране до родства) он готов допустить представителя другой социальной группы. Итоговый балл (наименьшая из допущенных дистанций) количественно отражает уровень его толерантности или предубежденности [19]. Сравнительный анализ полученных данных осуществлялся с помощью U-критерия Манна – Уитни.

Таблица 1
Средний ранг шкалы социальной
дистанции по методике Э. Богардуса в группе студентов /
Table 1
Average rank of the social distance scale according to E. Bogardus's
method in a group of students

Этнические группы / Ethnic Groups	Средний ранг / Middle rank
Русские / Russians	1,07
Мордва / Mordvins	1,67
Татары / Tatars	2,27
Белорусы / Belarusians	2,23
Французы / French	2,75
Итальянцы / Italian	2,52
Казахи / Kazakhs	2,69
Испанцы / Spaniard	2,81
Армяне / Armenians	2,84
Корейцы / Koreans	2,88
Немцы / Germans	2,91
Англичане / Britains	2,93
Грузины / Georgians	2,99
Японцы / Japanese	3,05
Китайцы / Chinese	3,11
Греки / Greeks	3,14
Американцы / Americans	3,35
Евреи / Israel	3,43
Украинцы / Ukrainians	3,45
Афроамериканцы / African Americans	3,49
Марийцы / Mari	3,54
Эстонцы /Estonians	3,58
Турки / Turks	3,61
Чеченцы / Chechens	3,77
Азербайджанцы / Azerbaijanis	3,83
Арабы / Arabs	3,95
Египтяне / Egyptians	4,03
Монголы / Mongols	4,14
Кенийцы / Kenyans	4,23
Индийцы / Indians	4,51
Иранцы / Iranians	4,39
Цыгане / Gypsies	4,54

Таблица 2
 Средний ранг шкалы социальной дистанции
 по методике Э. Богардуса в старшей группе респондентов /
 Table 2
 Average rank of the social distance scale
 according to E. Bogardus's method in the older group of respondents

Этнические группы / Ethnic Groups	Средний ранг / Average rank
Русские / Russians	1,30
Мордва / Mordvins	2,20
Белорусы / Belarusians	2,56
Татары / Tatars	2,89
Французы / French	3,64
Итальянцы / Italian	3,45
Казахи / Kazakhs	3,59
Испанцы / Spaniard	3,65
Армяне / Armenians	3,90
Корейцы / Koreans	4,02
Немцы / Germans	3,61
Англичане / Britains	3,73
Грузины / Georgians	3,32
Украинцы / Ukrainians	3,45
Марийцы / Mari	3,78
Американцы / Americans	3,83
Греки / Greeks	3,90
Японцы / Japanese	4,04
Китайцы / Chinese	4,22
Афроамериканцы / African Americans	4,14
Эстонцы / Estonians	4,37
Турки / Turks	4,37
Чеченцы / Chechens	4,42
Азербайджанцы / Azerbaijanis	4,49
Арабы / Arabs	4,78
Египтяне / Egyptians	4,69
Монголы / Mongols	4,56
Кенийцы / Kenyans	4,58
Индийцы / Indians	4,62
Иранцы / Iranians	4,80
Евреи / Israel	4,80
Цыгане / Gypsies	4,95